THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ПОВѢСТИ

ИВАНА ГУДОШНИКА.

I.

Polevoĭ, Nikolaĭ Alekseëvich.
Poviesti Ivana gudoshnika.

ПОВѢСТИ

ИВАНА ГУДОШНИКА.

СОБРАННЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К°.
1843.

PG3337
.P6 P6
1843

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 10 января, 1843 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно, когда жилъ я еще въ Москвѣ Бѣлокаменной, узналъ я повѣсть объ Иванѣ Гудошникѣ, и повѣсти, какія самъ онъ разсказывалъ въ старое время.

Пересказалъ ли мнѣ ихъ какой нибудь бывалый человѣкъ, или нашелъ я списки старинные, на что знать вамъ?

Я рѣшился тогда же издавать то и другое, и напечаталъ одну повѣсть о самомъ Гудошникѣ и одну изъ его сказокъ.

Приняли ихъ, помнится, довольно благосклонно. Были, и даже теперь есть добрые люди, которые уговаривали меня продолжать, и я хотѣлъ продолжать, но — человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ!

Можетъ быть, когда нибудь доскажу я конецъ повѣсти о самомъ Гудошникѣ, его *клятвѣ при Гробѣ Господнемъ*, и что изъ

того послѣдовало, перескажу я его собственныя повѣсти и сказки, а теперь — вотъ старая сказка его, и еще кое-что изъ его повѣстей и былей, что прежде начиналъ я пересказывать—иное кончилъ, иное не кончилъ. Авось кто нибудь скажетъ *спасибо*, что все собрано вмѣстѣ! А не скажутъ, такъ, по крайней мѣрѣ, бранить не станутъ, потому что, за что же тутъ *бранить*, народъ православный? Вольному воля: *читать* и *не читать!*

Санктпетербургъ.
1842 года.

=

ПОВѢСТЬ

О

СИМЕОНѢ, СУЗДАЛЬСКОМЪ КНЯЗѢ.

=

Благочестивые жители Нижняго Новагорода шли къ вечернѣ въ соборный Архангельскій храмъ. Сквозь окна храма мелькали тусклые огни восковыхъ свѣчь, зажженныхъ передъ образами. Церковь была полна народа; на крыльцѣ и въ оградѣ церкви толпился народъ, но многіе бѣжали еще опрометью ко храму, и всѣ казалось чего-то ждали. Нетерпѣливое вниманіе замѣтно было въ толпѣ. Подлѣ затворенныхъ лавокъ, на

площади собрались Нижегородскіе купцы. Сложа руки и устремивъ любопытные взоры на княжескій дворецъ, они говорили между собою. Вокругъ дворца въ тѣснотѣ негдѣ было яблоку упасть. Богато-убранные кони, подъ бархатными попонами, подведенные къ крыльцу, видны были съ площади сквозь тесовыя, растворенныя ворота.

За толпою купцовъ, у навѣса лавокъ сидѣлъ на складномъ стулѣ сѣдой старикъ, угрюмо опершись на палку. Руки его, сложенныя на верхушкѣ палки, обдѣланной въ видѣ костыля, закрыты были длинною бородою его. Красный кушакъ по синему кафтану показывалъ достатокъ его. Онъ смотрѣлъ, то на дворецъ, то на народъ, покачивалъ головою, поднималъ ее и опять опускалъ на руки. Другой старикъ, сухой и щедушный, отличавшійся отъ всѣхъ одеждою, подошелъ

къ уединенному зрителю, низко поклонился ему и сказалъ громко: «Богъ на-помочь!»

— Будь здравъ, гость Московскій! отвѣчалъ Нижегородецъ — по добру ли по здорову?

«Слава-те, Господи! Вотъ получилъ изъ Москвы граматки. Жена, дѣти здоровы и товаръ доплелся до Москвы»...

Слова: *изъ Москвы*, казалось, оживили старика. Подвинувъ свою шапку на затылокъ, онъ обратилъ любопытный взоръ на Москвича и невольно повторилъ слова его: «Изъ Москвы?»

«Да, но вотъ, что ты будешь дѣлать: невзгода Москвѣ нашей, да и только—опять была немилость Божья, пожарный случай»...

— Что? Опять?

«Да, почитай весь посадъ выгорѣлъ,

а пожаръ начался съ дома окаяннаго Аврама Армянина»...

— Хмъ! Часто горитъ у васъ на Москвѣ!

«Да, Москва-то не сгараетъ!» отвѣчалъ Москвичъ, коварно улыбаясь, «а вотъ у васъ въ Нижнемъ, такъ разъ выгорѣло, да за то ловко»...

— Его воля!—вздыхая отвѣчалъ старикъ и обратилъ взоры къ небу. Заходящее солнце блеснуло ему въ глаза и онъ зажмурясь опустилъ голову къ землѣ.—Да, попущеніемъ Божьимъ, о Петровкахъ уже пятнадцатый годъ минетъ, какъ Нижній Новгородъ впадалъ въ руки бусурманскія, а слѣды все еще не заглажены. Нижегородцы прображничали тогда нашъ городокъ благословенный, и справедливо повелась въ народѣ пословица: *За Пьяною люди пьяны!*

«Москва не вашему городу чета, да и тутъ послѣ вражьяго меча десятый годъ проходитъ, а трава растетъ тамъ, гдѣ прежде высились терема и хоромы. Сколько одной Божьей благодати сгорѣло и осталось въ запустѣніи!»

— Другъ ты мой! не говоритъ-ли намъ Святое Писаніе, какъ тяжекъ мечъ вражій? Когда царю Давиду предложили гладъ, смерть и нашествіе непріятельское, онъ молилъ Бога выбрать легчайшее, и Богъ не врага, а смерть послалъ на Израиля. Тяжка смерть, но тяжеле воинъ вражескій, гибель живая — не уснетъ, аще зла не сотворитъ!

«Но вѣдь на нашу Москву и врагъ-то какой нападалъ! Долго стоять землѣ Русской, а не видать такого злодѣя, каковъ Тохтамышъ окаянный! Ни въ устахъ милости, ни въ сердцѣ жалости. Огнемъ палитъ, чего не возметъ, и ни

храма Божія, ни княжескаго чертога, не остается за его слѣдомъ — идетъ и мететъ!»

— Все равно, что силенъ, что безсиленъ, только умѣлъ бы желѣзную баню вытопить, да булатомъ выпарить, а ужь Татары, злой, ненавистный родъ, таковы, что кажется и во снѣ-то они мыслятъ о вредѣ христіанамъ. Бывалъ-ли ты самъ въ рукахъ Татарскихъ и видалъ-ли ты бусурманскую, проклятую гадину въ ихъ житьѣ-бытьѣ?

«Оборони меня, Господи! Нѣтъ! до сихъ поръ Господь миловалъ!»

— Истома Захаровъ любитъ только издалека грѣть руки, а нейдетъ самъ въ огонь,» сказалъ кто-то подлѣ разговаривавшихъ.

Старики оглянулись и увидѣли, что къ нимъ подошелъ богатый купецъ Нижегородскій Замятня. Москвичъ пере-

мѣнился въ лицѣ, а сѣдой Нижегородецъ обратился къ Замятнѣ.

«Держалъ бы ты языкъ свой на привязи,» сказалъ онъ. «Точно мечъ обоюду-острый слова твои: ни брата, ни друга не щадишь—рыкаешь, аки левъ на краеградіи!

— Да, вѣдь господинъ Истома мнѣ ни братъ, ни другъ—отвѣчалъ Замятня, смѣясь. Кто съ нимъ торгуетъ, тотъ и помолчать можетъ, а цѣлому міру рта не завяжешь. Иной наживаетъ тамъ, гдѣ всѣ проживаютъ, и вольно ему было сказать тебѣ, что онъ не бывалъ у Татаръ — люди другое поговариваютъ!

Истома покраснѣлъ и поблѣднѣлъ. «Добрая слава подъ лавкой лежитъ, а худая слава всегда на почетномъ мѣстѣ сидитъ,» пробормоталъ онъ. «Мало ли что говорятъ и о князьяхъ и о боярахъ!»...

— Такъ будто все и неправду говорятъ? Гласъ народа гласъ Божій! Будто князь, да бояринъ ужь все и хорошо дѣлаютъ? Какъ ты думаешь, старинушка, господинъ Некоматъ?» сказалъ Замятня, обращаясь къ старику въ синемъ кафтанѣ.

Некоматъ поднялъ голову. «Слушай Замятня,» сказалъ онъ, дрожа отъ досады — «языкъ твой не доведетъ тебя до добра! Къ чему ты приплетаешь рѣчь о князьяхъ и боярахъ? Ныньче и стѣны слышатъ, а не только что площадь, гдѣ народу также просторно, какъ Нѣмецкой рыбѣ аселедцамъ въ боченкѣ.»

— Я вѣдь не порицаю никого, да что поговорю, такъ и только того! Вотъ иной и не говоритъ, да еще каждый разъ приговариваетъ къ имени своего князя: *Батюшка нашъ, милостивый*

князь, а какъ придетъ къ раздѣлкѣ, такъ въ милостиваго князя первый камнемъ бросаетъ. Бывалое вѣдь дѣло — разсказываютъ...

«Не всякому слуху вѣрь.»

— Вотъ и объ Истомѣ мало ли что говорятъ! Сказываютъ, будто онъ и въ люди пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ погрѣлся у Татарскаго огонька въ Тохтамышево нашествіе.

«Я былъ на Волокѣ Ламскомъ, когда вражья сила находила на Москву, а потомъ скрывался въ Троицкомъ монастырѣ. Когда же грѣлся я у Татарскаго огня?»

— Вѣдь ты не на исповѣди теперь — сказалъ Замятня, смѣясь — и если и попадался въ таборъ Татарскій, такъ ужь вѣрно неволею, а не волею. Чтоже дѣлать съ Татарами! Сабля вражья и прямую душу кривитъ. Народъ поганый,

народъ окаянный, времена тяжелыя— по неволѣ свихнешь, либо направо, либо налѣво!

«Охъ! тяжелыя, тяжелыя!» подхватилъ Некоматъ, какъ будто стараясь отдалить отъ себя непріятный разговоръ. «Пришествіе языка чуждаго отъ странъ невѣдомыхъ явное знаменіе пришествія кончины міра!

— По чему же языка невѣдомаго? Кто не знаетъ по Татарски, тому онъ и невѣдомъ, а кто знаетъ, такъ онъ и вѣдомъ ему.

«Нѣтъ, другъ ты мой любезный, я говорю о происхожденіи сыновъ Агариныхъ. Кто вѣдаетъ, откуда окаянный рой бусурмановъ налетаетъ на православную Русь?»

— Какъ: *откуда?* Развѣ ты не слыхивалъ?

«Нѣтъ, слыхалъ и читалъ во Времен-

никѣ,» отвѣчалъ Некоматъ,» гдѣ именно написано, что пришествіе ихъ положено при кончинѣ міра. Меѳодій Патарскій пишетъ, что Александръ Македонскій ходилъ изъ Индіи Богатой къ полунощному лукоморью и встрѣтилъ тамъ народовъ поганыхъ, не соблюдавшихъ ни поста, ни молитвы. И онъ загналъ ихъ за Синія горы, загородилъ горами, сотворилъ мѣдныя врата и запаялъ *сунклитомъ*, а его и мечъ не беретъ и огонь не жжетъ! Много лѣтъ прошло, они стали прорубаться сквозь гору и вышли.»

— Ты забылъ прибавить, что они никогда не прорубились бы, еслибы мы сами не помогли имъ. Сперва прогрызли они оконцо и начали подавать оттуда золото и самоцвѣтные каменья, а въ замѣну просили желѣза. Что же? Христіане стали къ нимъ желѣзо возами привозить и подавать въ оконцо,

такъ, что лѣтъ черезъ тысячу сквозь оконцо прошли ихъ тысячи, и пришли отбирать свое золото тѣмъ желѣзомъ, которое отъ христіанъ вымѣняли.

Некоматъ увидѣлъ, что его поймали на его историческихъ знаніяхъ. Онъ замолчалъ, а Замятня продолжалъ говорить:

«То-то, дружище, еслибы въ христіанскомъ мірѣ побольше правды было, такъ и дѣло шло бы иначе. Всѣ мы хнычемъ, да головой качаемъ, а что руки наши нечисты, да сердца наши омрачены, о томъ не подумаемъ. Вотъ ужь двѣсти лѣтъ слишкомъ, какъ мы кряхтимъ подъ Татарскою плетью и ждемъ преставленія свѣта, а приготовились ли мы къ тому? Грѣхъ сказать землѣ Русской, что Господь не даетъ ей владыкъ добрыхъ, да народъ-то живетъ со грѣхомъ по поламъ, такъ добрые

князья что сѣмя на камнѣ—процвѣтетъ и погибнетъ!»

—Правда твоя—отвѣчалъ Истома, отдохнувши послѣ словъ Замятни. Вотъ и нашу мать Москву выдаютъ со всѣхъ сторонъ — стоитъ она, какъ сиротина на могилѣ отца и матери—нѣтъ ни помощи, ни пособія отъ другихъ княжествъ!

«Хороша ваша сиротина Москва!» сердито вскричалъ Замятня. «Придетъ бѣда, такъ она и поетъ: *помилуйте, православные*, а отхлынуло, такъ того за воротъ беретъ, кто ей помогъ! Ты Москвичъ нашего брата Нижегородца не тронь! Въ наши сердца глядись, словно въ матушку Оку, а въ вашей Неглинной и воронъ не видитъ, что онъ черенъ. Когда покойный князь Димитрій Ивановичъ попросилъ стать за святую Русь—кто отказался? А тамъ, какъ

сталъ онъ гнуть другихъ, такъ нечего жаловаться, что выдали его Тохтамышу!»

— Не нуждается Москва въ вашей помощи! Только зла-то вы не дѣлали бы, да не рыли ямы, и за то бы спасибо! Когда Тохтамышъ пришелъ къ Москвѣ и три дня стоялъ, самъ не зная что дѣлать, когда была у насъ потомъ потѣха и на самострѣлахъ и на мечахъ, и нашъ воевода князь Остей не сдавался ни на какое льстивое слово, кто уговорилъ его, кто *правилъ* тогда на святомъ евангеліи, что Татары не сдѣлаютъ зла Москвѣ? Ваши княжичи — Василій, да Симеонъ! На нихъ пали кровь Москвы и пепелъ святыхъ храмовъ ея!

«Кто тебѣ сказывалъ? Тамъ ихъ вовсе не было!»

— Нѣтъ! были они, и Москву они погубили! Ты вѣдь знаешь всѣ дѣла

князя Симеона, злодѣя, измѣнщика вѣры, холопа поганаго Хана, Некоматъ? Скажи, правду ли я говорю, что онъ, злодѣй, всему виною?

«Почти что правду!» отвѣчалъ Некоматъ, задумчиво, какъ будто не-хотя, и наклонивъ голову. Онъ, казалось, читалъ дѣла прошедшаго въ темной думѣ своей.

— Старикъ, старикъ!—отвѣчалъ Замятня, съ выраженіемъ упрека — ты въ гробъ глядишь, а не щадишь своей совѣсти! Симеонъ измѣнилъ Руси? Симеонъ продалъ свою вѣру и раззорилъ Москву? Не въ оковахъ ли приведенъ онъ былъ туда? Не поклялся ли ему Тохтамышъ своимъ проклятымъ Махметомъ, что онъ не тронетъ въ Москвѣ ни синя-пороха? И когда безбожный ханъ нарушилъ свою клятву, когда Москвитяне безумно повѣрили бусурма-

ну — Симеона обвиняешь ты во всей бѣдѣ, во всемъ невзгодьи!

Некоматъ покачалъ головою, всталъ съ своего стула и тихо началъ говорить, поднявши глаза къ небу: «Сердца людскія грудью закрыты, и кто же узнаетъ тайныя помышленія ихъ? Но послѣдствія всегда оправдаютъ праведнаго и накажутъ грѣшника. Еслибы Симеонъ былъ мужъ праведенъ, то, по глаголу, должно бы ему быть счастливымъ и благоденственнымъ, и роду его величиться. Писано бо есть, что *память праведнаго съ похвалами, и родъ его яко древо насажденно при исходищи водъ.* Гдѣ же Симеонъ? Погибъ! Гдѣ родъ его? Въ тюрьмѣ! Князь нашъ Борисъ Константиновичъ княжитъ благоденственно надъ Нижнимъ и смиряетъ злобу кротостью. Онъ праведенъ, а Симеонъ злый зле погибъ!

— И отецъ его былъ такой же вѣ-

роломный и пагубный! прибавилъ Истома хриплымъ голосомъ.

«Пощадите хоть кости-то добраго князя, вы, Некоматъ и Истома, вы, кому счастливый кажется праведникомъ, а несчастливый грѣшникомъ! Нѣтъ! я ѣлъ хлѣбъ князя Димитрія Константиновича и не попущу злому слову пасть на память его! Вспомни ты, горделивый Москвичъ, не онъ ли получилъ отъ хана Агиса грамату на Московское княжество и отказался отъ Московскаго престола, довольный Суздальскимъ удѣломъ? Не онъ ли потерялъ любимаго сына, когда козни Москвы навели на него злаго Арапшу? Не его ли дочь, благочестивая Евдокія, была супругою вашего Димитрія и матерью юнаго князя Московскаго, которому ты восписываешь такія хвалы и похвалы? Не самъ ли Димитрій возвелъ Симеона на престолъ Нижегородскій? А теперь,» про-

должалъ Замятня, понизивъ голосъ, «теперь, когда князь Борисъ выкланялъ себѣ Нижній, обнадѣявъ Хана большею податью, вы славите его величіе, а Симеонъ у васъ злодѣй и отступникъ»...

— Да, что судить намъ о дѣлахъ княжескихъ, отвѣчалъ Некоматъ — судитъ имъ Богъ! Міръ явно клонится къ гибели и злу — братъ возстаетъ на брата, отецъ на сына. Горе идущему, горе и ведущему! Нѣмцы, которые селятся теперь въ Москвѣ и Нижнемъ, до добра не доведутъ. Слышалъ ли ты, что какой-то Нѣмецъ вывезъ въ Москву бѣсову потѣху — стрѣляетъ живымъ огнемъ!

— О, да какая жь была страсть Божья! подхватилъ Истома. Какъ выстрѣлили въ первый разъ изъ той адовой потѣхи, такъ души у всѣхъ замерли —

огонь и громъ, дымъ и смрадъ пошли изъ ея жерела, словно, свѣту преставленье! Охъ! да что ужь ныньче — и мертвымъ костямъ покоя не стало! Затѣялъ какой-то Нѣмецъ копать у насъ на Москвѣ ровъ кругомъ города — и гробы разметали, и косточки родительскія повыкидали... Прости, Господи, наше согрѣшенье!

Тутъ шумъ и крикъ народа прервали бесѣду. Всѣ оборотились ко дворцу и увидѣли, что князь Борисъ выѣзжаетъ изъ воротъ дворцовыхъ, окруженный своими сановниками и боярами. Золото блистало на сбруяхъ коней и одеждѣ князя и свиты его. Некоматъ и Истома втѣснились въ толпу, спѣшившую на встрѣчу князя.

«Вотъ заступники твои, князь Симеонъ,» проговорилъ тихо Замятня, смотря въ слѣдъ за Некоматомъ—«вотъ люди,

которыхъ осыпалъ ты благодѣяніями, которымъ благодѣтельствовалъ отецъ твой! Первый рубль подкупаетъ ихъ и первая полтина перевѣшиваетъ все добро»...

— А Замятня забылъ, что на площадяхъ не говорятъ того, что думаютъ— сказалъ кто-то. Замятня оборотился и увидѣлъ человѣка съ длинною бородою, въ худомъ нищенскомъ кафтанѣ.

«Эхъ, товарищъ! Плохъ сталъ народъ!» отвѣчалъ Замятня въ полголоса.

— Когда же онъ былъ лучше?

«Нѣтъ ни совѣсти, ни правды!»

— Правды искать у торгаша Истомы! Кто ищетъ клада на кладбище, пріятель?

«А Некоматъ, человѣкъ, которому благодѣтельствовалъ князь нашъ, послушалъ-бы ты, что говорилъ онъ объ немъ и объ родѣ его!»

— Что говорить ему! Языкъ его, какъ добрый жерновъ, вертится, куда повернутъ его на вороту, а воротъ его серебро, да золото!

Они пошли къ церкви и тихо разговаривали дорогою.

«Наболтали мнѣ они и Богъ знаетъ чего,» сказалъ Замятня, «а одно залегло у меня на сердцѣ... Послушай: откроешь-ли ты мнѣ всю свою душу?»

— Для тебя ничего нѣтъ скрытаго —спрашивай!

«Правду ль говорилъ мнѣ Истома, будто Симеонъ измѣнилъ вѣрѣ отцовъ своихъ и отступился отъ христіанскаго закона? Увѣренъ въ немъ, но человѣкъ въ невзгодѣ такъ хилъ, такъ плохъ... Съ чего бы взять ему, окаянному! »

— Нѣтъ! онъ клевещетъ—онъ лжетъ! Симеонъ не измѣнилъ ни слову своему,

ни вѣрѣ своей! Храбръ, какъ мечъ, твердъ, какъ адамантъ-камень.

«Но горячъ, какъ раскаленное желѣзо, а міръ, съ своей славой и почестями, такъ свѣтится, какъ звѣзда полуночная—столъ княжескій такъ слѣпитъ глаза»...

Нѣтъ! говорю тебѣ! Горячъ, но добро дороже ему золота и имя честное лучше стола княжескаго—онъ не измѣнитъ кресту и вѣчному блаженству за временныя блага!

«Слава Богу! Ты успокоилъ меня. Царство темное! ты не поработило донынѣ ни одной души княжеской!»

—Но, послушай, Замятня: ты самъ не стоишь добраго слова. Дуракъ въ тебѣ все высмотритъ, какъ въ стеклянной чаркѣ, и болтунъ собьетъ тебя съ толку! Будь осторожнѣе, будь умнѣе! Эй! береги слова!

«Богъ видитъ душу мою, какъ я стою за правое дѣло, да языкъ мой злодѣй мой... А ужь Истомѣ окаянному напишу я на изсохшей его рожѣ правду»..

— Тише, тише... отойди отъ меня.

Князь Борисъ ѣхалъ мимо нихъ. Всѣ сняли шапки. Говоръ въ народѣ уподоблялся жужжанью пчелъ. «Какой онъ дородный!» говорилъ народъ, «то-то настоящій князь, то-то добрый князь Нижняго!»

— Помнишь ли ты — шепнулъ опять нищій Замятнѣ — помнишь ли, когда Димитрій Іоанновичъ также ѣхалъ здѣсь съ княземъ Симеономъ? Не тотъ ли самый народъ смотрѣлъ на Димитрія, какъ на орла быстропарнаго, а на Симеона, какъ на сокола золотокрылаго и не могъ нарадоваться красотѣ двухъ братьевъ? А теперь, что Симеонъ!

«Что Симеонъ? Посмотри, какъ кра-

суется князь Борисъ на своемъ ворономъ конѣ, а вглядись-ко лучше: вѣдь коня-то этого подарилъ тогда князь Димитрій Симеону!»

— А кожухъ на бояринѣ Румянцѣ подаренъ былъ ему за вѣрную службу его Симеономъ!

«Это что за толстякъ ѣдетъ подлѣ князя?» спросилъ смѣясь Замятня.

Не уже ли не знаешь? Белевутъ, бояринъ Московскій. Онъ давно пріѣхалъ сюда съ увѣреніемъ въ дружбѣ отъ Князя Московскаго. Вотъ и другой Московскій бояринъ, Александръ Поле. Онъ живетъ здѣсь уже мѣсяца три.

«А за чѣмъ?

— Какъ, за чѣмъ? Увѣряетъ въ дружбѣ.

«Развѣ князь Борисъ сомнѣвается?

Богъ вѣсть! Видно, что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Да, что

тамъ за толпа такая народа остановила коня княжескаго? Смотри—падаютъ на колѣни! Пойдемъ ближе.

Замятня и нищій протѣснились сквозь народъ и стали подлѣ свиты князя. Князь Борисъ остановилъ коня. Первый бояринъ его, Румянецъ подскакалъ къ небольшой толпѣ народа, стоявшей на колѣняхъ, и поспѣшно спросилъ: «Что имъ надобно?»

— Мы не къ тебѣ, бояринъ Румянецъ, а къ князю Борису Константиновичу — отвѣчалъ сѣдой старикъ.

«Все равно—говорите мнѣ! поспѣшно вскричалъ Румянецъ.

—Между княземъ и его народомъ, когда мы стоимъ предъ лицомъ его, не надобно посредника, какъ между Богомъ и человѣкомъ нѣтъ посредника въ молитвѣ!

Румянецъ покраснѣлъ отъ гнѣва и

грозно закричалъ имъ: «Прочь съ дороги!» Князь Борисъ, безмолвно смотрѣвшій на дѣйствія Румянца, тихо промолвилъ ему: «Что тутъ за люди, бояринъ?»

— Князь великій! отвѣчалъ Румянецъ, преклонивъ голову въ знакъ покорности — это бродяги Вятчане. Они пришли сюда сбирать милостыню и разсказывать сказки.

«Нѣтъ, князь Нижегородскій,» отвѣчали нѣсколько голосовъ, «мы не нищіе и не милостыни просимъ, но княжеской милости!

— Помилуй, государь!—воскликнулъ старшій изъ Вятчанъ—будь нашимъ спасителемъ—смилуйся надъ нами!

«Но за чѣмъ же вы здѣсь встрѣчаете меня? За чѣмъ не пришли въ мой дворецъ?»

— Высоко крыльцо твоего княжескаго дворца и бояре твои стоятъ на сто-

рожѣ. Бояринъ Румянецъ уже третій день гонитъ насъ отъ твоего двора.

«Бояринъ! что такое они говорятъ?» небрежно спросилъ князь у Румянца.

«Всѣ послѣдніе дни ты былъ занятъ важными дѣлами, и то ли время—слушать ихъ жалобы! Они то и дѣло *рагозятся!*

— Всегда время князю пособить своимъ подданнымъ и вездѣ мѣсто спасти! сказалъ старшій Вятчанинъ. Государь князь великій! помилуй!

«Ну, да теперь ужь не время и здѣсь не мѣсто суда—послѣ»—сказалъ князь и хотѣлъ ѣхать.» Допустите ихъ ко мнѣ — примолвилъ князь, обращаясь къ вельможамъ, за нимъ ѣхавшимъ.

—Нѣтъ, князь, мы не сойдемъ съ мѣста. Спаси и помилуй! Жены, дѣти наши гибнутъ — защити и спаси насъ!

Князь помолчалъ съ минуту. Глубо-

кое молчаніе было вокругъ него. «Говорите: чего хотите вы отъ меня?» сказалъ онъ, нахмуривъ брови.

Всѣ Вятчане поднялись на ноги. Старшій изъ нихъ подступилъ ближе и началъ говорить:

«Вѣдомо тебѣ, государь, что жили мы въ Вяткѣ нашей тихо и мирно. Но теперь прошло прежнее время. Съ тѣхъ поръ, какъ на Волгѣ появились суда Татарскія, не стало намъ покоя. Уже нѣсколько разъ приближались Татары къ предѣламъ Хлыновскимъ. Мы откупались деньгами, отражали силою, а теперь нѣтъ намъ спасенія! Ханъ Тохтамышъ грозитъ намъ огнемъ и мечемъ. Его воинство уже давно сбирается на Волгѣ и готовитъ суда. Мурза Беркутъ идетъ повоевать Вятку. Государь! спаси насъ!

«Я не могу ни спасать, ни оборонять васъ, отвѣчалъ князь—вы не мои!

«Мы люди и христіане! Мы отдадимъ тебѣ Вятку со всѣми городами — пошли защитить насъ!»

«Не могу защитить васъ и не стану ссориться съ Ханомъ, моимъ владыкою! Онъ рѣшаетъ судьбу вашу, и да будетъ вамъ, что онъ судилъ!

— Они сами разгнѣвали великаго Хана — закричалъ Румянецъ—сами грабили его суда, убивали посланцовъ, крамольничали, ссорились, не платили дани!

«Платили, бояринъ, платили, но нѣтъ у насъ болѣе, чѣмъ платить. Князь и бояре! перемѣните гнѣвъ на милость! Куда намъ дѣваться, если вы откажете? Кровь христіанская не дастъ покоя вашей совѣсти!»

«Старикъ! не тебѣ учить меня — иди съ Богомъ! Я не могу пособить вамъ!

«Заклинаю тебя святымъ храмомъ Бо-

жіимъ, куда ѣдешь ты, князь Нижегородскій! Намъ остается броситься въ воду, погубить души свои! Богъ велитъ Русскимъ князьямъ защищать родныя области и взыщетъ на тебѣ попущеніе!»

«Видишь-ли, государь,» сказалъ Румянецъ, «буйство лапотниковъ? Такъ-то они поговариваютъ всегда!

«Кровь наша говоритъ, бояринъ! Князь! если ты отринешь насъ, тебя отринетъ Богъ отъ престола своего! Спаси христіанъ!»

— Замолчи, старый буянъ! — вскричалъ князь, и повернулъ коня въ сторону.

«И такъ, нѣтъ намъ надежды ни отъ Нижняго Новагорода, ни отъ Великаго Новагорода—одинъ отталкиваетъ и другой не принимаетъ! Князь! предшественники твои не оставляли насъ. Князь

Симеонъ и князь Василій ходили помогать намъ—не заставь насъ пожалѣть, что вѣнецъ Симеона возложенъ на твою голову!»

— Выгоните ихъ изъ Нижняго! — вскричалъ князь. Они буяны, нахалы, крамольники — не повинуются власти Хана! — И гнѣвно онъ удалился.

Горестно заплакали Вятчане, когда воины оттолкали ихъ съ дороги. Блестящій поѣздъ князя съ презрѣніемъ проѣхалъ мимо, и народъ хладнокровно смотрѣлъ на людей, отверженныхъ княземъ.

=

Солнце закатилось. Алая заря горѣла еще на дальнихъ облакахъ и струи Волги тихо плескали въ берегъ, когда нищій, говорившій съ Замятнею, шелъ съ площади, откуда въ разныя стороны расходился народъ. День былъ воскресный. Подлѣ воротъ почти каждаго дома сидѣли бесѣды женщинъ и дѣвушекъ, пѣли пѣсни и играли. Молодые мужчины, въ праздничныхъ кафтанахъ, ходили по улицамъ и кланялись краснымъ дѣвицамъ. Нищій шелъ тихо и медленно. Онъ поравнялся съ заборомъ одного дома, и не доходя до воротъ его, остановился. На лавочкѣ у воротъ дома сидѣла молодая дѣвушка, въ богатой повязкѣ, съ которой множество алыхъ лентъ падало на спину, и жемчужныя подвѣски спускались почти на полвершка на лицо. Нищій задумчиво смотрѣлъ на нее. Тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ его груди. Онъ былъ не-

подвиженъ, и не примѣтилъ заглядѣвшись, когда подошелъ къ нему Некоматъ. «Куда бредешь ты, Божій человѣкъ?» спросилъ Некоматъ ласково, остановясь подлѣ нищаго. — Куда ноги несутъ—отвѣчалъ нищій. «Я видаю тебя часто,» сказалъ Некоматъ, «и часто смотрю, какъ бродишь ты мимо дома. Для чего не зайдти тебѣ ко мнѣ и не попросить честной милостины? Рука Некомата всегда отверзта на благостыню.»

—Бѣдность робка, господинъ, и боится помѣшать тебѣ считать твое золото. Спасибо за привѣтное слово!

«Отъ словъ сытъ не будешь — пойдемъ ко мнѣ—я велю накормить тебя и дамъ на дорогу хлѣбца и деньжонокъ.»

— Доволенъ Божьею милостію и не требую ее отъ людей.—Нищій побрелъ впередъ. Некоматъ не отставалъ отъ него.

«Ты полоумный человѣкъ, или юродивый, когда отъ милостины отказываешься. Кажется, сегодня похоронъ богатыхъ нигдѣ не было и напиться было негдѣ. Князь и бояре его не щедры.»

— Щедра рука каждаго дающаго, а всякое даяніе пріемлю я во благо. — Некоматъ и нищій поравнялись съ воротами дома, подлѣ которыхъ сидѣла дѣвушка. Некоматъ остановился и сказалъ ласково: «Это вѣдь мой домъ—зайди ко мнѣ и отдохни!»

—Я не знаю, гость Некоматъ, что ты такъ ласково говоришь со мною?

«Не знаю отъ чего благообразное лицо твое мнѣ нравится. Ты, я чай, не моложе меня. Молитва бѣднаго лучше жемчуга перекатнаго—зайди ко мнѣ и помолись моимъ иконамъ.»

— Подай мнѣ милостыню, гость Неко-

матъ, и все равно—я подарю тебя благословеніемъ и на улицѣ!

«Не мечи бисера—размечешься, и не все говори на улицѣ, что можешь сказать въ свѣтлицѣ. Мнѣ есть нужда поговорить съ тобою.»

— О чемъ-же тебѣ говорить съ нищимъ? Я ничего такого не знаю...

«А я кое-что знаю. *Высоко соколъ летаетъ, себѣ цаплю выбираетъ.*»

Невольно вздрогнулъ нищій. — Пойдемъ гость Некоматъ, если ты требуешь. Отъ хлѣба-соли не отказываются!

Они пошли въ домъ. Дѣвушка, дочь Некомата, ушла въ домъ, увидя отца. Въ темнотѣ взобрались Некоматъ и нищій на высокое крыльцо, въ сѣни и въ комнату. Лампадка теплилась предъ иконами въ углу. Хозяинъ и гость его помолились и перекланялись. Некоматъ повѣсилъ на крючекъ свою шапку. Ме-

жду тѣмъ прикащикъ Некомата, высокій, худощавый мужчина, вошелъ со свѣчею, поклонился, поставилъ свѣчу на столъ и удалился опять съ поклономъ. Нищій стоялъ у дверей. Прошло съ минуту, пока Некоматъ молчалъ. Наконецъ онъ поднялъ руки надъ головою и громко сказалъ: «Буди благословенъ тотъ день, когда я увидѣлъ опять сына души моей! Бояринъ Димитрій!» воскликнулъ онъ, «ты ли скрываешься отъ меня?»

Нищій молчалъ и стоялъ неподвижно. «Бояринъ Димитрій!» продолжалъ Некоматъ — «ты не хочешь сказать мнѣ ни одного слова?»

Тутъ нищій ступилъ впередъ два шага, распрямился, перемѣнилъ голосъ, и мужественно и твердо отвѣчалъ Некомату:

— Если ты узналъ меня — не буду

скрываться, да и къ чему скрываться мнѣ? Если ты хочешь выдать меня князю Борису — выдавай, но прежде умру я, а не скажу ни тебѣ, ни ему ни одного слова!

Слезы потекли изъ глазъ Некомата. Онъ закрылъ глаза рукою и дрожащимъ голосомъ сказалъ Димитрію: «Неужь ли я не доказалъ тебѣ прежде, бояринъ, какъ любилъ я тебя и добраго князя нашего Симеона? Не ты ли просилъ у меня благословенія на бракъ съ моею дочерью? Не я ли прежде обнималъ тебя, какъ сына? Что ты не отсталъ отъ нашего князя, что прошло года два, какъ мы не видались съ тобой, такъ я и забуду тебя?»

— Полно, Некоматъ—отвѣчалъ Димитрій — я не шутить пришелъ къ тебѣ и меня не обольстишь сказками. Душа твоя по золоту ходитъ: было счастье

и ты былъ другъ мнѣ; прошло оно и ты другъ Румянца и князя Бориса.

«Не думалъ я на старости лѣтъ услышать отъ тебя такое горькое слово! Гдѣ же и когда я сотворилъ зло тебѣ и твоему князю? Если я не говорю въ слухъ, какъ Замятня вздорливый, что князь Борисъ неправедно сѣлъ на столѣ Нижегородскомъ — если я не кричу, что онъ безбожно отнялъ Суздальское княжество у своихъ племянниковъ — бояринъ Димитрій! я отецъ: много гніетъ въ тайникахъ молодцовъ за то, что громко поговаривали! Подумай — я узналъ тебя: не въ моей ли было волѣ указать на тебя князю и сказать: «вотъ любимый бояринъ Симеона — возми его, князь!»

— Некоматъ! я не могу оскорбить тебя укорою за прежнюю жизнь. Ты всегда былъ сребролюбивъ, но никогда

не слыхалъ я, что злое дѣло легло на твою душу.

«И теперь чиста она, и теперь я вижу въ тебѣ моего друга и сына!» Онъ обнялъ Димитрія и крѣпко прижалъ къ груди своей.

«Узнай меня лучше, вглядись въ меня пристальнѣе!» — Димитрій молчалъ. — Соглашаюсь, что ты помнишь еще благодѣянія Симеона, сказалъ онъ—но чего же ты отъ меня хочешь?

«А! ты открылъ наконецъ неприступную душу твою! Теперь узнаешь, чего хочу я — теперь возвеселится душа моя!» Онъ потянулъ веревочку, привязанную къ надворному колокольчику. Явился прикащикъ его. «Поди и позови гостей моихъ,» сказалъ ему Некоматъ, «а ты, Димитрій, пойдемъ со мною.»

Не отвѣчая ни слова, Димитрій по-

шелъ за нимъ въ сѣни и на лѣстницу. Некоматъ отворилъ дверь. Они вошли въ дѣвичій теремъ. Здѣсь сидѣла подлѣ окна дочь Некомата съ своею нянею. Она встала и почтительно поклонилась отцу и гостю. «Няня! поди и принеси намъ хорошаго меду!» сказалъ Некоматъ. «Хочу выпить съ нищимъ братомъ моимъ изъ любимой золотой чары. Тебѣ не въ первые угощать у меня нищую братію!» Няня вышла. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Некоматъ, какъ будто ожидалъ, пока няня сойдетъ съ терема. «Дочь моя ненаглядная!» сказалъ тогда Некоматъ, «помнишь ли ты жениха своего?»

Дѣвушка вздохнула и не знала что сказать. «Ахъ! батюшка»... прошептала она, запинаясь.

— Жениха твоего, боярина Димитрія? Отвѣчай мнѣ, Ксенія!

Слезы навернулись на глазахъ Ксеніи и покатились по лицу ея. Кисейнымъ рукавомъ своимъ отерла она ихъ и промолвила: «Батюшка! все забыто, кажется—все... и давно»...

— Нѣтъ! я не забылъ...

«И гдѣ теперь мой женихъ! Въ какой сторонѣ скитается онъ»...

—Онъ здѣсь, Ксенія! Посмотри — вотъ онъ, твой суженый!

«Ахъ!» вскричала Ксенія, и ноги ея подломились — она, какъ полотно, поблѣднѣла.

— Бояринъ Димитрій! развѣ ты не хочешь открыть ей своей тайны? Видишь ли теперь, что я не измѣнникъ, что я не зла желалъ тебѣ, что родное дитя мое я не отнимаю у тебя, не отнимаю того, что мнѣ всего дороже...

«Некоматъ!» вскричалъ Димитрій, «вижу все и обнимаю тебя, какъ дру-

га и отца! Ксенія! Димитрій опять съ тобою!»

Ксенія плакала на взрыдъ. «Я не понимаю тебя, Некоматъ,» сказалъ печально Димитрій, «не понимаю, что ты дѣлаешь со мною, и чего ты хочешь, обновляя то, что я хотѣлъ, что я старался забыть!

Некоматъ улыбнулся. «Поцѣлуй свою невѣсту, свою суженую, а потомъ я разскажу тебѣ все. Некоматъ, повѣрь, не дремалъ въ то время, когда не спала злоба враговъ Симеона.»

Димитрій обнялъ трепещущую Ксенію и напечатлѣлъ поцѣлуй на губахъ ея. «Ты не узнала меня?» спрашивалъ онъ. «Ты видѣла меня въ нарядѣ боярина, а теперь я нищій — поддѣльная борода и рубища мои представляютъ тебѣ старика дряхлаго. Не кручинься, душа моя—узнай меня опять!»

«Сердце мое не забывало тебя!» шептала ему Ксенія.

— Но вотъ идетъ няня! сказалъ торопливо Некоматъ—она не вѣдаетъ нашей тайны. Пойдемъ, Димитрій, пойдемъ! Онъ вырвалъ руку его изъ рукъ дочери и повлекъ его за собою.

=

Они опять сошли въ Некоматову свѣтлицу. Какъ изумился Димитрій, увидя накрытый столъ, блиставшій серебряною посудою, и когда два человѣка, сидѣвшіе на передней лавкѣ, встали, узнавши въ нихъ Александра Поле и Белевута, бояръ Московскихъ.

Дружески подошли къ нему бояре и привѣтствовали его ласково. «Добро пожаловать, бояринъ Димитрій!» говорилъ Поле, обнимая Димитрія. «Юный годами, ты равенъ мнѣ саномъ и подвигами! Мы не видались съ тобою съ самой Куликовской битвы. Тогда еще я замѣтилъ тебя въ рядахъ воиновъ Суздальскихъ. Вотъ какъ теперь ты закутался, что тебя и не узнаешь! Да, все равно: боярская кровь течетъ и подъ рубищемъ.»

Димитрій не понималъ, что значитъ все имъ видѣнное и слышанное. Онъ

пробормоталъ нѣсколько словъ и остановился.

«Чара меду развяжетъ уста его,» сказалъ Некоматъ и налилъ четыре огромныя стопы изъ оловяннаго жбана. «Да здравствуетъ князь Василій Димитріевичъ Московскій, племянникъ и другъ князя Симеона!» воскликнулъ Некоматъ. «Да здравствуетъ!» повторили Московскіе бояре. Димитрій взялъ стопу; всѣ разомъ чокнулись и разомъ всѣ стопы были осушены.

=

«Куда онъ запропастился? Гдѣ дѣвался? Вотъ ужь загарается заря на востокѣ — не сдѣлалось ли съ нимъ бѣды какой? Избави насъ, Господи!» Такъ говорилъ самъ съ собою человѣкъ, бродившій по берегу Волги и безпокойно глядѣвшій во всѣ стороны.

Вдругъ вдалекѣ показался другой человѣкъ и шелъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ бродилъ нетерпѣливо ожидавшій. Тотъ остановился, оглядѣлся пристально, и видя, что идутъ прямо на него, запѣлъ въ полголоса: *Высоко соколъ летаетъ*. Подходившій повторилъ также: *Себѣ цаплю выбираетъ*.

«Ты ли, Димитрій?» спросилъ первый. — Я, отвѣчалъ подходившій. Ты давно ждешь меня, Замятня?

«Давно! Хорошъ молодецъ! Спрашиваетъ, какъ будто и не знаетъ, что я съ полуночи торчу здѣсь, словно грань

поверстная, а теперь скоро свѣтать начнетъ!»

— Терпи, товарищъ! сказалъ Димитрій, крѣпко ударивъ его въ руку—терпи—скоро и на нашей улицѣ праздникъ будетъ!

«Да, ты и то, какъ будто съ праздника! Не кстати, братъ, затѣялъ ты веселиться, куда не кстати!»

— Не ври, Замятня, пустая башка! У тебя сквозь голову слова летятъ, ума не спросившись.

«Димитрій! Что тебѣ вздумалось?»

— Слушай, Замятня! Ты добрый человѣкъ, но точный колоколъ! Стоитъ раскачать языкъ твой и ты зазвонишь на весь міръ. Знаешь ли ты, до чего было доводилъ ты всѣхъ насъ? До плахи, безумный болтунъ!

Замятня содрогнулся.

— Да, Некоматъ зналъ уже, что ты

сбираешь вѣрныхъ слугъ Симеона, зналъ, гдѣ скрытно хранится у васъ оружіе и гдѣ вы собираетесь. Третій день, какъ я въ Нижнемъ, а вчера Некоматъ уже замѣтилъ меня—и все по твоей милости!

«Провались я сквозь землю, если сказалъ хоть слово»....

— И полуслова довольно для такой хитрой головы, какова Некоматова. Ты кричалъ вездѣ и всегда, пѣлъ даже пѣсню нашу при Некоматѣ, и онъ все развѣдалъ, все узналъ...

«Ахъ! сгинь онъ, окаянный! Да, я ему сегодня же шею сверну—вотъ и концы въ воду»...

— Молчи и слушай. Ты знаешь, что Некоматъ былъ однимъ изъ любимыхъ слугъ князя Димитрія Константиновича — Симеонъ выросъ при немъ, и въ былое время, когда глазки его Ксеніи зажгли мое ретивое, дѣло у насъ было

слажено. Но князь Борисъ завладѣлъ Нижнимъ, Симеонъ бѣжалъ и я слѣдовалъ за княземъ. У Некомата сердце заперто въ золотомъ сундукѣ его, но я прощаю ему, что онъ не разстался съ Нижнимъ и съ сундукомъ своимъ. Онъ нашъ...

«О! еслибы слова твои были правда!»

— Слушай далѣе. Князь Московскій послушался благаго совѣта своей матери. Онъ теперь въ Ордѣ, и когда поѣхавши туда, подлѣ Симонова монастыря взглянулъ онъ въ послѣдній разъ на Москву и на разставаньи горько заплакалъ, княгиня Евдокія Димитріевна молвила ему золотое слово: «Сынъ милый! не обижай дядьевъ, не тронь Нижняго! Москвы довольно тебѣ и дѣтямъ твоимъ — такъ и отецъ твой думалъ!» Князь умилился и далъ ей слово передать Нижній Симеону, Суздаль Василью,

а Бориса пересадить въ Городецъ по старому, когда Богъ принесетъ его по добру, по здорову изъ Орды. Тогда пріѣхалъ въ Нижній Московскій бояринъ Поле...

«Но вѣдь онъ пріѣхалъ къ Борису?»

— Что станешь дѣлать, когда въ нынѣшнемъ свѣтѣ и правду дѣлать можно только черезъ неправду — таковъ обычай повелся! Бояринъ Поле бражничалъ съ Борисомъ и развѣдывалъ о доброхотахъ Симеона. Нашихъ товарищей никто не зналъ, но Некоматъ перемолвился съ Полемъ, догадался, а теперь они поладили и за веселой бесѣдой въ троемъ мы все кончили!

Кончили? Чѣмъ?

— Быть Симеону княземъ Нижегородскимъ, подъ рукой племянника своего князя Московскаго, по благословенію сестры его, княгини Евдокіи. Князю

Василью отдать Суздаль, а князь Борисъ добро пожаловать по старому въ Городецъ! Завтра, либо послѣ завтра, явятся сюда послы Татарскіе и Московскіе. Христіанской крови лить не будемъ. Придемъ къ князю Борису и ласково скажемъ ему: не на своемъ столѣ сѣлъ, князь Городецкій...

«И тогда-то запируемъ, товарищъ! Вмѣстѣ горе, вмѣстѣ радость! Да здравствуетъ Симеонъ!»

— Тише, тише! Вонъ народъ ужь зашевелился. Ползутъ на бѣлый свѣтъ суеты и заботы—пойдемъ скорѣе...

Они замолчали и спѣшили идти. Но поравнявшись съ домомъ Некомата Димитрій остановился, посмотрѣлъ нѣсколько мгновеній на терема его и узорчатыя кровли, и невольно промолвилъ:

— Свѣтъ мой, невѣста нареченная! почивай съ Богомъ, да просыпайся на

радость! Взойдетъ и для насъ красное солнышко!...

Когда отъ избытка радости говорилъ Димитрій, воронъ сѣлъ на кровлю Некоматова дома. Въ тишинѣ утра зловѣщій голосъ его раздался, какъ вѣстникъ горя и несчастія, и собака жалобно завыла на ближнемъ дворѣ. Димитрій содрогнулся—сердце у него замерло...

=

Солнце только что освѣтило Нижній Новгородъ и яркими лучами заиграло въ струяхъ Волги, какъ въ ворота Некоматова дома застучали желѣзнымъ кольцомъ. Глухой стукъ въ мѣдную бляху раздался по улицѣ, и черезъ минуту полусонный дворникъ Некомата откликнулся, не отворяя воротъ: «Кто тамъ?»

—Добрые люди!—отвѣчалъ человѣкъ, стучавшій въ ворота и пожимавшійся отъ утренняго холода. — Отворяй!

«Да, кого тебѣ надобно?» спросилъ опять дворникъ, унимая двухъ огромныхъ собакъ, громко лаявшихъ на дворѣ.

— Самого хозяина твоего, старый хрычъ! Отвори скорѣе—развѣ ты меня не знаешь?

Ворча про себя, дворникъ отперъ огромный висячій замокъ, отворилъ не-

много ворота, высунулъ голову и увидѣлъ человѣка въ бѣличьемъ тулупѣ, огромнаго и толстаго. Онъ хотѣлъ повторить свои вопросы, но видно гость не былъ расположенъ отвѣчать ему. Онъ грубо оттолкнулъ старика и вошелъ во дворъ. Собаки бросились на него. «Уйми ихъ, старый!» вскричалъ незнакомецъ.

— Самъ уйми, Московскій баринъ! отвѣчалъ дворникъ сердито.

На лай и шумъ отдернулось волоковое окошко и показалась голова Некомата. «Кто тутъ шумитъ?» вскричалъ Некоматъ, но увидѣвъ незнакомца, онъ перемѣнилъ голосъ и ласково прибавилъ: «А! добро пожаловать, ранній гостенекъ, добро пожаловать!»

— Вели проводить меня, Некоматъ! Дворникъ твой съ товарищами загрызли меня.

«Тотчасъ, тотчасъ!» Волоковое окошко задернулось, и черезъ минуту Некоматъ, въ засаленномъ полукафтаньи и съ огромною связкою ключей у пояса, явился на крыльцѣ. Гость вошелъ къ нему. «Милости просимъ, бояринъ Белевутъ!» говорилъ ему Некоматъ, растворяя дверь свѣтлицы.

— Крѣпко ты живешь, гость Некоматъ. Видно, что деньги бережешь.

«И, бояринъ! Какія у нашего брата, бѣднаго торгаша, деньги! Ужь такъ у насъ заведено. Вѣдь мы не вамъ подъ стать и полоротыми воротъ никогда не оставляемъ. Есть и недобрый народъ— какъ не бояться...

—А особливо, когда вотъ этакое добро водится въ домѣ! сказалъ Белевутъ усмѣхаясь и указывая на множество соболей и лисицъ, раскладенныхъ по лавкамъ, и на большую, окованную желѣзомъ шкатулку, стоявшую на столѣ.

Некоматъ съ трудомъ поднялъ шкатулку со стола и поставилъ подъ лавку. «Извини, бояринъ, что прибраться не успѣлъ. Такъ, вздумалось было поразобрать товаръ — вчера купилъ. И кто жь думалъ, что такъ рано пожалуетъ ко мнѣ такой дорогой гость? Не зналъ я, что ты встаешь съ пѣтухами. Наши бояре долѣе залеживаются на своихъ пуховикахъ.»

— Нѣтъ! этого я не скажу: у вашего князя ужь давно хлопаютъ бичами и трубятъ въ рога на Соколиномъ Дворѣ. Онъ тоже видно слѣдуетъ Мономахову наставленію: вставать рано и день начинать съ солнцемъ.

«Что и говорить, бояринъ! На охоту у насъ рано встаютъ, а дѣла такъ просыпаютъ!»

— Да, и Нижній-то едва ли не проспали!

«Кажись такъ,» отвѣчалъ Некоматъ, сомнительно взглянувъ на Белевута.

— Сказано, сдѣлано, гость Некоматъ! Вѣдь мы обо всемъ переговорили и я тебя еще вчера поздравилъ съ дорогимъ зятемъ. Бояринъ Димитрій молодецъ хоть куда—прибавилъ онъ, перебирая рукою рыжую бороду свою и усмѣхаясь.

«Добрый молодецъ, бояринъ,» отвѣчалъ Некоматъ, въ недоумѣніи глядя на Белевута.

— Ну, и не бѣдный, прибавь къ тому!

«Княжескою милостью, бояринъ, а съ нею и богатство будетъ.»

—Вѣдь онъ стараго рода, такъ, какъ не быть у него и старинкѣ отцовской!

«Какая же старинка, бояринъ, когда ему теперь головы негдѣ приклонить! Да, и отецъ его былъ такая безпутица и безтолковица! Бывало, обѣими руками соритъ деньги, даетъ встрѣчному и по-

перечному, а кромѣ того пиры, да гульба, бражничанье, да бесѣды! Домъ у него былъ, какъ полная чаша — и теперь еще есть остатки, правда, да не въ рукахъ. Но если по милости васъ, бояръ, и князя вашего Василія Димитріевича, Симеонъ будетъ княземъ Нижегородскимъ, такъ Димитрій съ лихвою получитъ все, чемъ изъ добра его завладѣлъ Румянецъ съ братіей, и дочери моей, конечно, не придется самой варить щи.»

— Но за такого честнаго боярина можно отдать дочку, когда и денегъ лишнихъ у него не было бы....

«Оно такъ, да чемъ жить-то имъ будетъ, бояринъ? И курица пьетъ, а человѣкъ кровь и плоть—ѣстъ и пьетъ!»

—Что тутъ говорить, Некоматъ! Честь чего нибудь стоитъ!

«Честь не въ честь, когда нечего ѣсть, бояринъ. Правда, нашему брату посад-

скому съ бояриномъ породниться почесть немалая, но все деньги при томъ не лишнее.»

— Полно притворяться, гость Некоматъ. На твою долю станетъ и зятю дать еще останется. Будто въ Нижнемъ и не знаютъ, что у кого есть... Земля говоритъ!...

«Хоть и праведно нажитымъ, а хвалиться не буду, но Господь помогъ мнѣ скопить кое-что, чемъ подъ старость дней моихъ могу пропитаться.»

— Видишь, въ нынѣшнее время, Некоматъ, на томъ все вертится: и чинъ да почесть не столь надежны нынѣ, какъ ларецъ кованый, гдѣ боярство и княжество твои лежатъ спокойно и звенятъ, когда велишь имъ звенѣть. Было бы на что купить, а то что нынѣ не продается!

Некоматъ слушалъ въ изумленіи; гу-

бы его дрожали; слова замирали на его устахъ. Онъ хотѣлъ, казалось, угадать, что такое скрывалъ Белевутъ подъ своими обиняками, но толстое лицо Белевута было неподвижно. Играя концами своего узорочнаго кушака, онъ продолжалъ:

—Чего ты испугался, Некоматъ? Я въ займы у тебя просить не стану. Мнѣ хотѣлось только сказать тебѣ, что я смотрю на все не такими глазами, какими, кажется, ты смотришь. Вы все глядите на Нижній свой, а чтобы вамъ не поглядѣть черезъ него далѣе — ну, хоть и въ Москву....

«Какъ намъ забывать Москву, бояринъ! Отъ нея и смерть и животъ. Отъ вашего князя ждемъ мы теперь милости.»

— Отъ вашего! Говори вѣрнѣе — отъ *нашего*.

«Какъ, бояринъ?»

— Такъ, гость Некоматъ. Ужли тебѣ такая мысль въ голову не приходила? Когда рука Московскаго князя можетъ посадить и ссадить князя Нижегородскаго, тутъ много ли думать надобно?

«Бояринъ! что ты хочешь сказать? Вчера ты говорилъ, что князь Московскій готовъ помогать нашему, показывалъ грамату его...»

Белевутъ всталъ и началъ ходить по свѣтлицѣ. Онъ, казалось, искалъ словъ, не зная, какъ приступить къ тому, что хотѣлъ сказать.

— Видишь что — промолвилъ онъ наконецъ — милости нашего князя неистощимы. Онъ щедръ для тѣхъ, кто ему послушенъ, и грозенъ тѣмъ, кто его ослушается. Въ Москвѣ и безопаснѣе и привольнѣе житье. Кто поручится, что будетъ впередъ... Ну, да я почиталъ

тебя догадливѣе, гость Некоматъ! вскричалъ сердито Белевутъ и взялся за свою богатую шапку.

«Бояринъ, господинъ честной и почтенный!» сказалъ Некоматъ, кланяясь —«не гнѣвайся? Вѣдь и мы, посадскіе, смѣкнуть умѣемъ. Ты загонулъ загадку, а отгадка-то видно послѣ сказана будетъ?»

— Умный и теперь ее угадаетъ, гость Некоматъ, отвѣчалъ Белевутъ смѣясь. Не ручаюсь за вашего Симеона — вѣдь еще будетъ ли онъ послушенъ нашему князю, а не будетъ... такъ знаешь — старшій братъ воленъ меньшому и покрѣпче приказать — ну, а нашему брату что мѣшаться въ княжія дѣла? Было бы намъ тепло, а у какой печки грѣешся, тебѣ что до того? Да, вотъ къ воротамъ подвели моего коня. Князь Борисъ звалъ меня съ собою. — Некоматъ! понялъ ли

ты меня! Вѣрь дружбѣ Белевута и на старости не одурачь себя. И въ Москвѣ есть женихи для дочерей богатыхъ гостей Нижегородскихъ!

Онъ вынулъ листъ бумаги, на которомъ написано было множество именъ. «Видишь!» сказалъ онъ Некомату, указывая на имена Димитрія, Замятни и другихъ, подлѣ коихъ поставлены были киноварью крестики. «А вотъ и Некоматово имя!» Онъ указалъ на замаранное черными чернилами имя его.

Некоматъ поблѣднѣлъ, когда Белевутъ спокойно прибавилъ: «А, вотъ этого молодца-то я и забылъ» — и ногтемъ провелъ черту подлѣ имени брата Некоматова, Ѳедора, горячаго приверженца Симеонова.

«Господи, вразуми меня!» шепталъ про себя Некоматъ. Тутъ Белевутъ обратился къ нему, но лицо Некомата уже

прояснѣло. Никакого недоумѣнія не изъявлялъ онъ, и ласково, почтительно пожималъ толстую Белевутову руку, провожая гостя съ крыльца. Белевутъ еще остановился на первой ступенькѣ, подумалъ, шагнулъ еще — и воротился.

— Некоматъ! сказалъ онъ — во всемъ власть Божія, да княжая, а дружба Белевута не измѣнитъ тебѣ и понадежнѣе дружбы боярина безъ боярства!

Онъ сошелъ поспѣшно, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ ко дворцу княжескому.

Скорыми шагами возвратился Некоматъ въ свѣтлицу, остановился, подумалъ, еще подумалъ, и какъ будто недоумѣвая, громко сказалъ самъ себѣ: «Что-же? Они думаютъ погубить меня? Аль сберечь? Что говорилъ онъ вчера? А что теперь говоритъ? Боже Господи! милостивъ буди мнѣ грѣшному!»

Жадно озирался онъ кругомъ, на груды соболей и чернобурыхъ лисицъ. «Вотъ,» вскричалъ онъ — «къ чему и стяжаніе! Пособитъ ли оно тебѣ въ часъ гнѣва Божія? Ты смотришь на свое злато и сребро, а между тѣмъ бояринъ какой нибудь ставитъ красный крестикъ подлѣ твоего имени и дни твои изочтены суть!...» Въ раздумьи ходилъ онъ по свѣтлицѣ. «Однакожь,» вскричалъ онъ, остановясь — «не сули журавля въ полѣ, а дай синицу, да въ руки — мнѣ-то что же? Да! Безумный я былъ въ то время, когда медомъ моимъ запивалъ посулы Московскіе! Ждать бы мнѣ, ждать, да и только — нелегкая меня дернула...» И поспѣшно сталъ Некоматъ складывать въ сундукъ дорогіе товары свои. Потомъ схватилъ онъ шкатулку, и нагибаясь подъ ея тяжестью, вышелъ въ заднія двери.

Между тѣмъ Белевутъ подъѣзжалъ ко дворцу княжескому, и изъ воротъ дворцовыхъ высыпало на встрѣчу его множество сокольниковъ и охотниковъ, вельможъ, бояръ, а за всѣми выѣхалъ самъ князь Борисъ. Дорогой соколъ сидѣлъ на рукѣ его. Конь шелъ гордо и величаво.

«Здравія, боярину Московскому!» сказалъ Борисъ, весело. «Насилу пріѣхалъ ты, старый соколъ! Пора, пора! Видишь ли, какой у меня молодецъ?»

Онъ щелкнулъ въ носъ своего сокола.

— Соколъ хорошъ и пора тебѣ пошевелиться съ мѣста, пора, князь Нижегородскій! отвѣчалъ Белевутъ. — Я ждалъ отвѣта боярина Румянца.

«Все готово, бояринъ,» сказалъ Румянецъ, смѣясь.

— Такъ поѣдемъ скорѣе. Кто погуляетъ утромъ часа два, тотъ запасется

здоровьемъ на два года—говорилъ мнѣ когда-то Армянинъ лекарь.

«Самъ сухой, какъ спичка, такъ ужь какъ не повѣрить ему!» подхватилъ Румянецъ. Всѣ засмѣялись и поѣздъ княжескій отправился. Дорогой Белевутъ приблизился къ Румянцу.

«Что Московскій колдунъ? Сколдовалъ ли?» спросилъ его Румянецъ тихо.

— Высылай на Коломенскую дорогу. Они близко! — отвѣчалъ Белевутъ.

«Такъ пускай же князь тѣшится охотой,» шепнулъ Румянецъ,» а мы потѣшимъ его поладнѣе!»

Онъ отсталъ отъ поѣзда княжескаго въ переулкѣ, куда повернулъ Борисъ съ своею свитою. Тихо простоялъ онъ тамъ, пока всѣ проѣхали и поскакалъ назадъ. Ему понался бояринъ Поле.

— Что? вскричалъ Поле. Убаюкаю ли твое дитя?

«Они распотѣшились охотою, »отвѣчалъ Румянецъ.» Далеко ли ваши?»

Не замѣшкаютъ! Скачи во дворецъ и прибери все къ рукамъ, да не положи охулы на руку!

«Вотъ еще о чемъ тревога!»

=

Между тѣмъ князь Борисъ и свита его выѣхали изъ города. День былъ осенній, но прекрасный. Передъ ними открылся вдали густой лѣсъ, черезъ который пробита была торная дорога къ заповѣднымъ болотамъ княжескимъ. Сокольники поскакали впередъ — и вотъ длинноногая цапля поднялась надъ лѣсомъ, вылетѣла на дорогу и княжескій соколъ спущенъ. Онъ взвился стрѣлою, прямо къ цаплѣ, но цапля уже стерегла его, быстро перевернулась черезъ голову, соколъ промахнулъ — крикъ, хохотъ и шумъ охотниковъ раздались по лѣсу. Соколъ опять взвился и камнемъ пустился въ низъ, стараясь перебить вѣтеръ у своей добычи. Увертливая цапля видѣла опасность, хотѣла спастись отъ своего страшнаго преслѣдователя и полетѣла въ сторону. Всѣ поскакали туда.

Вдругъ вдалекѣ поднялась пыль. Ка-

залось, что множество всадниковъ скачутъ во весь опоръ. Князь и свита не могли понять: кто смѣлъ выѣхать на дорогу, гдѣ запрещено было ѣздить, когда князь охотится?

«Чего смотрятъ ваши сторожевые?» закричалъ гнѣвно Борисъ. «Смотри, что за сволочь тамъ шевелится? Схватить ихъ, въ городъ, въ тюрьму!»

—Князь!—отвѣчалъ одинъ изъ бояръ. Сюда скачутъ какіе-то всадники, и прямо на насъ! Эй! сокольники, сюда, къ князю!

Въ смятеніи столпилась вокругъ князя Бориса свита его. Всадники приближались. Ихъ было около десяти человѣкъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ. Между ними отличался одинъ одеждою и величественнымъ ростомъ своимъ. Онъ скакалъ впереди всѣхъ.

«Господи помилуй!» вскричалъ князь

Борисъ, перекрестившись. «Что такое? Ошибаюсь ли я? Симеонъ? Измѣна! Вы меня хотите ему выдать!»

— Нѣтъ, князь! вскричали нѣсколько голосовъ. Мечи были обнажены и бердыши выправлены.

«Остановитесь, остановитесь!» издали кричалъ воинъ, ѣхавшій впереди другихъ. «Князь Борисъ! тебѣ кланяется твой племянникъ: или ты не узнаешь меня? Я — Симеонъ!»

— Какъ не узнать тебя, нежданный гость! вскричалъ Борисъ. Откуда птица вылетѣла? За чѣмъ залетѣла на святую Русь?

Симеонъ остановилъ всадниковъ своихъ. Всѣ они сдѣлались неподвижны по слову Симеона. Онъ одинъ приближился къ Борису и хотѣлъ говорить.

— Отойди прочь, измѣнникъ, отступникъ—закричалъ гнѣвно Борисъ. Спра-

шиваю тебя еще разъ: за чѣмъ явился ты сюда? Или, какъ второй Святополкъ, хочешь ты зарѣзать новаго Бориса?

«Родимый дядя хорошо привѣчаетъ племянника!» сказалъ Симеонъ, горестно улыбаясь. «Боже, Творецъ небесный! диво ли, что православная Русь погибаетъ! Дядя крамольничаетъ на племянника, племянникъ отнимаетъ добро дядино—и вотъ какъ встрѣчаетъ родня роднаго черезъ два года разлуки! Здравствуй, князь Борисъ Константиновичъ! Хоть не бранись, пожалуй, когда я не начинаю брани. Прежде Симеонъ не далъ бы тебѣ въ томъ переду, но время переходчиво – что дѣлать! Дай мнѣ свою руку и помиримся»...

— Мнѣ съ тобой мириться, выродокъ князей Суздальскихъ!—Преклони колѣни и жди суда дяди твоего и князя! Возми его, дружина!

Вдругъ бросились нѣсколько человѣкъ на Симеона. Онъ осадилъ коня своего и схватился за мечъ рукою. «Прочь вы, сволочь наемная, цаплины дѣти!» вскричалъ онъ громовымъ голосомъ. «Со мной нѣтъ золота — и кто подступитъ ко мнѣ, тотъ перевѣдается съ желѣзомъ!»

Дружина Симеонова прискакала къ нему, видя его опасность. Еще разъ остановилъ ее Симеонъ. «Князь Борисъ! дай мнѣ вымолвить слово. Развѣ я сумасшедшій, что приду гнать тебя изъ Нижняго съ десятью человѣками, или приду отдаться тебѣ руками? Удержи твою челядь и слушай!»

— Отдай оружіе! вскричалъ князь Борисъ.

«На, возми его!» отвѣчалъ Симеонъ, и гнѣвно кинулъ къ ногамъ его свой мечъ и свое копье. «Безумный князь!

гибель надъ твоей головой, а ты скачешь по болотамъ за цаплями! Симеонъ не ходилъ по-твоему челобитничать о чужомъ наслѣдствѣ у Хана, а отнималъ у тебя честнымъ боемъ свое наслѣдіе. Я пришелъ къ тебѣ мириться— мириться въ часъ общей погибели! Не требую твоего привѣта и ласки — не гордись и знай: ты и я — мы погибли оба!

— Что ты смѣешь говорить мнѣ, бродяга?

«Господи! пошли мнѣ духа кротости!» вскричалъ Симеонъ, сложа руки и обративъ взоры къ небу. «Князь Борисъ! хорошо — я отдаюсь тебѣ — вели удалиться твоей дружинѣ и я разскажу тебѣ все. Три дня безъ отдыха скакалъ я въ Нижній и ужь сутки не было у меня во рту макова зерна. Не врагомъ пришелъ я къ тебѣ и не ссо-

риться съ тобою. Ты знаешь Симеона и повѣришь, что еслибы не послѣдняя мѣра суда Божія на обоихъ насъ — ты не увидѣлъ бы здѣсь меня безоружнаго!»

— Вижу, что ты пришелъ съ покорною головою, Симеонъ, сказалъ Борисъ, успокоенный поступками Симеона. Теперь, здравствуй!

«Здравствуй, *рабъ князя Московскаго!*» отвѣчалъ Симеонъ, презрительно усмѣхаясь.

— Какъ? Ты смѣешь мнѣ сказать?

«Поѣзжай скорѣе въ свой дворецъ и встрѣчай пословъ Московскихъ. Они теперь ужь вѣрно въ Нижнемъ, и привезли тебѣ подарки отъ Хана.» Борисъ поблѣднѣлъ и оглянулся на своихъ воиновъ.

— Гдѣ Румянецъ? вскричалъ онъ. Гдѣ Белевутъ? — и затрепеталъ не видя ихъ.

Общее смущеніе видно было на всѣхъ лицахъ. — Симеонъ! ради Бога, скажи: что ты говорилъ мнѣ? Какіе послы? Какіе подарки?

«Охъ! князь Борисъ! и ты хочешь княжить въ такое время? Онъ и не знаетъ что у него дѣлается! Вотъ, теперь-то спознаешь ты, кто тебѣ былъ врагъ настоящій и чего тебѣ беречься! Поѣдемъ скорѣе въ Нижній—я все разскажу дорогою.

Онъ повернулъ коня. Безмолвно слѣдовали за нимъ Борисъ и всѣ охотники; съ ними смѣшалась дружина Симеонова.

— Объясни мнѣ, князь Симеонъ — сказалъ наконецъ Борисъ — что такое ты говоришь?

«Легко разсказать, да каково-то будетъ тебѣ слушать: ты уже не князь Нижняго Новагорода! Ты захватилъ мое

наслѣдіе и не умѣлъ удержать его. Мнѣ обѣщалъ отдать его ханъ Тохтамышъ, отдалъ тебѣ, а теперь подарилъ князю Московскому.»

— Князю Московскому!

«Подарилъ, и съ придачею Мещеры, Торусы, Городца и Мурома. Хочешь ли ты ему отдать Нижній?

Я? Нѣтъ! Никогда!

«Давай же руку, князь Борисъ — я съ тобой! Подкрѣпи Богъ твою храбрость, а не то, дай мнѣ управиться и съ Москвою и съ Ханомъ!

Борисъ молча подалъ руку. Забытое воспоминаніе родства, какъ будто растрогало его сердце. Онъ пожалъ руку Симеона.

«Жива ли княгиня моя?» спросилъ Симеонъ измѣнившимся голосомъ.

— Жива и здорова.

«А дѣти мои?»

— Здоровы.

«А братъ Василій?»

— Также.

«Гдѣ же они? Въ тюрьмѣ?» спросилъ дрожащимъ голосомъ, Симеонъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Борисъ, скрывая свое смущеніе. Княгиня твоя и дѣти живутъ сохранно въ Георгіевскомъ теремѣ, а князь Василій въ Городцѣ... подъ стражею...

«Богъ съ тобой, дядя! Сколько зла сдѣлалъ ты намъ твоею окаянною жадностью!» Симеонъ утеръ слезу. «Но что было, то было и кончено!» примолвилъ онъ задумчиво.

— Князь Симеонъ! я отдамъ тебѣ Городецъ и Суздаль.

«Спасибо! Щедро даешь, да еще дадутъ ли тебѣ самому хоть посмотрѣть на твой Городецъ!

— Вмѣстѣ души, вмѣстѣ руки, и — Богъ станетъ за правыхъ!

«Правыхъ, князь Борисъ? Ты самъ себя осуждаешь! Но слышишь ли ты — что тамъ такое дѣлается?»

— Кажется, бьютъ набатъ на Спасской колокольнѣ! О Господи! защити насъ!

Быстрѣе прежняго поскакали они въ городъ. «Не думалъ я, что такъ скоро отзовется здѣсь голосъ Хана!» сказалъ Симеонъ. «Видно и Москвичи медлили не долѣе моего. Поспѣшимъ!»

Они взъѣхали на пригорокъ, съ котораго открылся имъ весь Нижній Новгородъ. По всему замѣтно было, что въ городѣ большое смятеніе. Уныло отдавался набатъ, хотя нигдѣ не видно было пожара. Народъ бѣгалъ по улицамъ. Воины, полуодѣтые, бѣжали изъ домовъ своихъ. Борисъ и Симеонъ въѣ-

хали въ городъ и смѣшались съ толпами народа. Напрасно спрашивали они, что такое сдѣлалось — никто не зналъ. Всѣ были испуганы набатомъ и спѣшили на площадь.

Тамъ толпы народа уже сбѣжались со всѣхъ сторонъ. Воины Нижегородскіе стояли рядами. Передъ ними на конѣ былъ Румянецъ и что-то горячо говорилъ имъ. Увидя Бориса, онъ остановился въ смятеніи...

=

Ни одинъ человѣкъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ не оставался спокоенъ. Народъ любитъ бѣжать на всякій шумъ, а теперь еще болѣе всѣ взволновались, видя, что въ городѣ сдѣлалось что-то необыкновенное. Набатъ, воины, собранные рядами у дворца—все было непонятно Нижегородцамъ. Говорили, что Татары подступаютъ къ городу; что Симеонъ пришелъ къ Нижнему съ войскомъ—кричали, спрашивали, отвѣчали и не знали что такое говорятъ. Жены, дѣти стояли подлѣ воротъ домовъ своихъ и нетерпѣливо преслѣдовали встрѣчнаго и поперечнаго вопросами: «Что тамъ такое, родимый, сдѣлалось?» — У Некоматова дома была толпа его челядинцовъ, стариковъ, старухъ, дѣтей. Разинувъ рты, смотрѣли они на волненіе, когда подскакалъ къ нимъ воинъ на борзомъ конѣ и въ свѣтломъ шеломѣ. «Дома ли гость Некоматъ?» вскри-

чалъ онъ. Изумленные зрители не знали что сказать ему «Вѣрно дома!» сказалъ воинъ, спрыгнулъ съ коня своего и побѣжалъ въ свѣтлицу. «Вѣдь это бояринъ Димитрій?» говорили между собою свидѣтели неожиданнаго явленія. «Откуда онъ взялся? За чѣмъ онъ здѣсь?» Димитрій толкнулъ въ двери свѣтлицы; онѣ были заперты. Съ лѣстницы терема тащилась старая няня Ксеніи. «Гдѣ гость Некоматъ, старушка?» спросилъ Димитрій.

— Въ саду, батюшка, отвѣчала няня — прикажешь позвать его? — Но Димитрій не дослушалъ словъ старухи и бросился въ садъ. Тамъ, въ углу между деревьями, увидѣлъ онъ старика. На колѣняхъ, нагнувшись къ землѣ, закрывалъ Некоматъ пожелтѣвшими листьями деревъ мѣсто, гдѣ замѣтно взрыта была недавно земля. Голосъ Димитрія заставилъ его содрогнуться. Онъ обо-

ротился, испуганный, и не зналъ что сказать ему.

— Готовъ ли ты на дѣло, гость Некоматъ? вскричалъ Димитрій.

«Готово сердце мое, готово!» отвѣчалъ Некоматъ, отталкивая ногою заступъ, брошенный на землю.

— Что значатъ твое смущеніе, твой встревоженный видъ! За чѣмъ ты здѣсь — въ саду?

«Я... я хотѣлъ бы знать, бояринъ, что за нужда тебѣ спрашивать? Куда ты спѣшишь? За чѣмъ я тебѣ надобенъ?

— Колоколъ говоритъ тебѣ, Некоматъ, что мы начали свое дѣло. Вижу, что ты дѣлалъ здѣсь: золото твое не давало тебѣ покоя, пока ты не схоронилъ его!

«Дивлюсь, бояре, что вамъ все чудится у меня золото, и вы только и доспрашиваетесь его у меня!

— Некоматъ! не схоронилъ ли ты съ золотомъ твоимъ усердія къ правому дѣлу? Готовъ ли ты?

«Куда же бояринъ? На что мнѣ быть готовымъ? Бога ты не боишься—середи бѣла дня пріѣзжаешь ко мнѣ... Ну, если увидятъ»...

— Что съ тобой сдѣлалось, Некоматъ? Чего ты боишься? Не кончено ли все было вчера? Теперь скрываться нечего —власть князя Бориса скоро разлетится, какъ дымъ! Все готово... Поспѣшимъ на Спасскую площадь! Мои молодцы всѣ въ сборѣ!

«Бояринъ! Зачѣмъ же я-то туда пойду? Человѣкъ я старый, не ратникъ, не воинъ... Дѣло, можетъ, дойдетъ до мечей... Бояринъ Димитрій! и ты себя побереги—ради меня — ради моей Ксеніи—твоей Ксеніи»...

Димитрій въ изумленіи смотрѣлъ на

Некомата, блѣднаго и трепещущаго. Жалкая трусость видна была во всѣхъ движеніяхъ старика. Рѣзкій звукъ трубы раздался вдалекѣ — другой звукъ отвѣчалъ ему съ другой стороны.

—Слышишъ ли, Некоматъ? Вотъ съѣхались и удальцы мои! Они подаютъ вѣстовой голосъ. Идешь ли ты съ нами?

«Ради Христа, бояринъ Димитрій! Голова моя кружится... Позволь мнѣ молитвою участвовать въ вашемъ дѣлѣ... Благословляю тебя отцовскимъ благословеніемъ... Береги себя, сынъ мой!»

— Если мнѣ судилъ Богъ положить душу за моего князя—умру радостно... Но я точно ошибся, Некоматъ—ты не годишься на наше дѣло... Я полагалъ въ тебѣ болѣе смѣлости. Жди же меня, или мертваго, или... Прощай!

Громкіе клики раздались передъ садомъ. Блестящія оружія показались вдали.

«О! ради Бога! Пойдемъ къ нимъ!» вскричалъ Некоматъ. «Пойдемъ къ нимъ! Тебя ищутъ — не приводи ихъ сюда!»

Онъ поспѣшно пошелъ изъ сада, оглядываясь во всѣ стороны съ ужасомъ и трепетомъ. На дворѣ Некоматовомъ было множество всадниковъ. Ворота были настежь растворены, и передъ ними еще болѣе видно было пѣшихъ и конныхъ воиновъ и народа съ дрекольемъ. Только что показался Димитрій съ Некоматомъ, какъ братъ Некомата Ѳедоръ со смѣхомъ закричалъ имъ на встрѣчу: «Вотъ они оба! Поздравляю тебя, бояринъ: ты умѣлъ вытащить и моего тяжелаго братища! Что, Некоматъ, не отсидѣлся?»

— Ѳедоръ! я всегда былъ душею за Симеона!

«Кто жь узнаетъ васъ, хитрецовъ! Бояринъ! пора, пора — мои всѣ здѣсь!

Только Замятня, Богъ вѣсть, гдѣ дѣвался!

— Что вамъ до него — онъ свое дѣло знаетъ!

«Коли такъ, то мѣшкать нечего — съ Богомъ! Белевутъ только что проѣхалъ здѣсь. Онъ звалъ насъ къ Спасу и самъ велѣлъ бить набатъ. Московскіе воины и послы уже въ городѣ и ѣдутъ прямо туда. Съ ними и ханскій посолъ.»

— Съ Богомъ!—Димитрій вскочилъ на коня. «Прощай, Некоматъ — молись за насъ усерднѣе!

— Какъ: молись? Развѣ онъ не съ нами!

«У него голова болитъ и кружится. Оставьте его.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричали множество голосовъ — онъ хитритъ! Не пускать его!

Только тогда замѣтилъ Димитрій, что

многіе изъ воиновъ и народа были пьяны. Онъ хотѣлъ защитить Некомата. Толпа зашумѣла — начался споръ. Смѣло растолкалъ Димитрій толпу, но послушаніе было потеряно. Тутъ прискакалъ еще воинъ. «Ребята! Товарищи!» вскричалъ онъ — мы ошиблись: Борисъ не дремлетъ! Его дружина собралась подлѣ княжескихъ теремовъ. Приверженцы Бориса поднялись! Къ дѣлу скорѣе — тамъ нашихъ бьютъ!»

Смятенный крикъ раздался въ толпѣ: «За Симеона! За Симеона!» Всѣ бросились въ безпорядкѣ на улицу, но Некомата не оставили. Его ухватили за воротъ. «Спасите меня!» кричалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Димитрій былъ уже далеко и скакалъ по улицѣ, въ тѣснотѣ народа. «Кричи съ нами! Иди съ нами!» шумѣли вокругъ Некомата. «Дайте мнѣ хоть шапку взять!» — Уйдетъ — не пускать! На мою! вскричалъ одинъ изъ

толпы и надвинулъ на него свою шапку. Въ отчаяніи закричалъ Некоматъ громко: «Да здравствуетъ Симеонъ!» и его увлекли въ толпѣ и смятеніи.

=

Тихо и спокойно свѣтило солнце на суеты земныя. Ни одного облачка не было на небѣ. Вѣтерокъ вѣялъ освѣжительнымъ холодомъ. Неизмѣняема была природа — волновались только люди. Всѣ страсти разыгрались на просторѣ буйнаго своеволія.

По условію съ Белевутомъ, Димитрій собралъ къ Некоматову дому всѣхъ своихъ сообщниковъ. Къ нимъ пристало множество недовольныхъ княземъ Борисомъ и его боярами. Воины Симеона, жившіе скрытно въ Нижнемъ, всѣ явились въ условленное время. Безумцы! они не знали, что коварство готовило только сѣти для ихъ погубленія!

Разнообразное скопище, предводимое Димитріемъ, шумно бѣжало къ Спасской церкви, гдѣ глухимъ воемъ отзывался набатъ.

Димитрій былъ впереди всѣхъ. Но

только что хотѣлъ онъ повернуть на площадь, какъ на встрѣчу ему прибѣжалъ воинъ.

— Бояринъ! будь остороженъ: дѣло наше худо! вскричалъ онъ.

«Что ты говоришь?»

— Послы Московскіе уже тамъ. Съ ними посолъ Хана, но знаешь ли, кто посолъ Ханскій? Царевичъ Уланъ!

«Избави Богъ! За чѣмъ послалъ Тохтамышъ его, а не инаго?» И Димитрій бросился опрометью—за нимъ послѣдовали другіе. Толпа, гдѣ находился Некоматъ, отстала отъ нихъ. Вотъ съ боковой улицы бѣжитъ другая толпа и кричитъ громко: «*За Бориса! За князя Бориса!*»

—За князя Симеона! отвѣчали яростно приверженцы Димитрія.

«Прочь Симеона!»

— Прочь Бориса!

Тутъ въ бѣшенствѣ бросились обѣ толпы другъ на друга. Но приверженцы Бориса были сильнѣе. Въ нѣсколько минутъ разсѣялись заступники Симеона. Молодой бояринъ Бориса ринулся въ самую середину ихъ скопища, съ мечемъ въ рукахъ. Некоматъ успѣлъ вырваться и броситься къ нему. «Ты зачемъ здѣсь, гость Некоматъ?» вскричалъ бояринъ.

— Я за Бориса, кормилецъ, я за Бориса! едва могъ проговорить Некоматъ, задыхаясь. «Добрый человѣкъ, но какъ же попался ты къ нимъ?» — Неволею, бояринъ! Меня прибили, уволокли! — «Я твой защитникъ — пойдемъ съ нами!» И Некоматъ, махая чужою шапкою, пошелъ съ бояриномъ и его дружиной, при громкихъ кликахъ: *За Бориса*! *За Бориса*!

Такъ стремились со всѣхъ сторонъ

буйныя толпы народа. Въ смятеніи почти никто не зналъ, что дѣлаетъ и куда бѣжитъ. Это предвидѣли, этого ждали Белевутъ и сообщники Москвы.

Близъ церкви Спаса, въ тѣснотѣ народной, видны были блестящіе ряды многочисленной Московской дружины. Юный князь Димитрій Александровичъ Всеволожъ предводилъ ими. Нѣсколько Татарскихъ воиновъ и посолъ Ханскій, царевичъ Уланъ, на вороном Арабскомъ конѣ, горделиво стояли тамъ, опершись на копья. Рядомъ съ царевичемъ былъ другой знаменитый Татаринъ, мрачный, угрюмый и сѣдой, какъ лунь.

Задыхаясь отъ жара и усталости, подъѣхалъ къ нимъ Белевутъ, слѣзъ съ коня, низко преклонился предъ посломъ Хана и дружески обратился къ князю Димитрію.

— Насилу дождались мы васъ, князь Димитрій! сказалъ онъ. Мы работали здѣсь обѣими руками и работы было намъ довольно!

«Все ли ты сладилъ, бояринъ?»

— Все, все. Вамъ остается только взять Нижній. Дураки думали, что и въ самомъ дѣлѣ мы хотимъ помогать ихъ бродягѣ Симеону — они взворошились, а мы въ мутной водѣ рыбы наловили.

«Мастеръ своего дѣла! Князь скажетъ тебѣ спасибо. Кромѣ Белевута, не всякій бы захотѣлъ здѣсь быть рыбакомъ.»

— Ты еще молодъ, князь Димитрій, и не знаешь, что съ твоей храбростью ничего не сдѣлалъ бы ты противъ ретивыхъ Нижегородцовъ. Ловко умѣлъ я облѣлѣять князя Бориса, нашелъ друзей, но этого еще было недовольно. Нижній начиненъ приверженцами Си-

меона. Бѣшеная храбрость его кружитъ головы всѣмъ и удаль Нижегородская рада была вступиться за него. Да что? Были такіе молодцы, что тайно скрывались здѣсь и крамольничали. Все высмотрѣно мною—замѣчены всѣ ихъ удалыя головущки! Довольно было попировать съ ними десятка два разъ, и увѣрить ихъ, что князь Московскій идетъ защитить Симеона, такъ они и выложили сердца на ладони. Отъ крѣпкаго меду ихъ еще болитъ у меня голова — легко ли: недѣли три изо-дня въ день я принужденъ былъ бражничать съ ними, да вѣдь иной разъ, что называется, до положенья ризъ! За то они вереничкой придутъ сюда и мы возмемъ ихъ руками.

«Что же дѣлать съ ними?»

— А что Богъ дастъ! Въ Волгу, такъ въ Волгу, а нѣтъ, такъ въ Москву ихъ,

или передать Татарамъ, а лишнее у нихъ обобрать!

Князь Димитрій съ презрѣніемъ отвернулся отъ него. Белевутъ горделиво взглянулъ на Димитрія и проворчалъ сквозь зубы: «Молодой звѣрокъ, а какъ носъ задираетъ, да мы съ тобой перевѣдаемся въ Москвѣ!»

Тутъ приближился къ нимъ толмачъ и объявилъ, что царевичъ Уланъ требуетъ къ себѣ бояръ Московскихъ. Они окружили Улана, сняли шапки и слушали, что онъ началъ говорить имъ. Уланъ требовалъ на лицо князя Бориса. «Вы привели меня на площадь, но я не торговать пріѣхалъ къ вамъ, а объявить, чтобы князь Нижегородскій передалъ Московскому свое княжество. Приведите его ко мнѣ!»

— Мы ждемъ его сюда, знаменитый царевичъ! отвѣчалъ князь Димитрій.

«Да, я не хочу ждать! Подите и скажите ему, что непослушаніе его будетъ наказано. Посолъ могущаго Хана, повелителя Русской земли, не повторяетъ своего приказа.» Онъ поправилъ шапку и гордо подперся рукой. Сѣдой товарищъ его хранилъ угрюмое молчаніе. «Проклятые гордецы!» проворчалъ князь Димитрій, крѣпко сжимая рукоять сабли своей и отвращая гнѣвный взоръ свой отъ ненавистныхъ Татаръ — «когда-то разсчитаемся мы съ вами!»

=

Сюда, въ сѣти враговъ спѣшили безразсудные приверженцы Симеона. Хитрая уловка Московскихъ бояръ однимъ ударомъ подсѣкла всѣ опоры Нижняго Новагорода. Измѣна Румянца и бояръ Борисовыхъ отдавала въ ихъ руки безпечнаго князя Бориса безъ боя, безъ сопротивленія. Онъ не зналъ даже о приближеніи пословъ Ханскихъ и Московской дружины, быстро мчавшихся изъ Коломны, гдѣ остановился на время князь Московскій Василій Димитріевичъ, возвращаясь изъ Орды.

Тамъ, встрѣченный привѣтствіями вельможъ своихъ и кликами народа, пришедшаго на встрѣчу ему изъ Москвы и окрестныхъ городовъ, онъ обнялъ радостное семейство свое и извѣстилъ боярскую думу о рѣшеніи Хана. Изумлялись успѣху предпріятія, почти неожиданнаго. Сильное *Суздальское княжество* подпадало власти Москвы, съ

областями, даже и не принадлежавшими къ Суздалю и Нижнему Новугороду. Думали однакожь, что Нижній не поддастся Москвѣ безъ сопротивленія. Многіе полагали даже походъ на Нижній дѣломъ необходимымъ. Между тѣмъ и другія извѣстія, привезенныя княземъ изъ Орды, тревожили бояръ. Князь разстался съ Тохтамышемъ на берегахъ Волги, гдѣ Тохтамышъ ждалъ противника страшнаго и могущаго. Тимуръ, гроза Азійскихъ царей, побѣдитель Персіи, властитель Вавилона, Бухаріи и Грузіи, приближался съ безчисленнымъ войскомъ. На Волгѣ должна была рѣшиться вражда, горѣвшая между двумя страшилищами народовъ. Опасеніе Тохтамыша за успѣхъ видѣли изъ его ласковаго пріема князю Московскому, изъ рѣшенія, коимъ онъ отдавалъ Москвѣ обширную область своего союзнаго князя, только что за годъ передъ

тѣмъ получившаго ее въ обладаніе отъ самого Тохтамыша.

Кто могъ узнать, чѣмъ кончится битва Тохтамыша съ Тимуромъ? И если Богу угодно было рѣшить участь борьбы въ пользу Тимура, Русской землѣ, можетъ быть, грозило нашествіе страшнѣе Батыева. Москва могла пожалѣть тогда даже о паденіи цѣпей, наложенныхъ на нее Тохтамышемъ. Тимуръ тяготѣлъ надъ Русью, какъ тяготѣетъ тяжелая неизвѣстность будущаго надъ головою человѣка, испытаннаго прежнимъ бѣдствіемъ и окруженнаго угрожающими предвѣстіями, какъ гроза, чернѣющая вдали на краю небосклона, страшитъ земледѣльца, у котораго молнія недавно попалила поле и сожгла хижину.

Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя было отвести отъ Москвы войскъ, со-

биравшихся отвсюду. Надобно было встрѣтить общую опасность, соединявшую всѣхъ подъ знамена Москвы. Опытные бояре, окружавшіе юнаго князя Московскаго, не хотѣли соблазнять Руси междоусобіемъ, въ то время, когда и небесныя знаменія предвѣщали ужасы и бѣдствія. Каждый вечеръ, каждое утро кровавая заря загаралась на небесахъ. Не хотѣли упускать случая присоединить къ Москвѣ области богатыя, многолюдныя, сильныя, но не могли рѣшиться на рать съ Нижнимъ Новгородомъ. Всего болѣе страшилъ Москву Симеонъ, смѣлый, отважный сынъ бывшаго князя Нижегородскаго.

Бояре помнили дѣла Симеона. Наслѣдство княжества Суздальскаго было давнимъ предметомъ споровъ между Димитріемъ Константиновичемъ и братомъ его Борисомъ. Димитрій, добрый, но слабый, еще при жизни своей ввѣрилъ

правленіе сыновьямъ. Онъ былъ въ милости у хана Агиса. Когда Андрей, князь Нижегородскій, скончался, Димитрій, княжившій въ Суздалѣ, объявилъ права свои на Нижній, но Борисъ, братъ его, князь Городецкій, захватилъ престолъ Нижегородскій. Димитрій прибѣгнулъ къ помощи Москвы. Увидѣли зрѣлище невиданное: изъ Москвы не воинство явилось, не рать сильная пришла — явился смиренный пустынножитель Сергій, мужъ святой еще при жизни. Онъ судилъ двухъ братьевъ и осудилъ Бориса. Неповиновеніе осужденнаго страшно наказано было святымъ человѣкомъ: Сергій затворилъ храмы Божіи въ Нижнемъ Новѣгородѣ и грозилъ проклятіемъ. Нижегородцы со слезами молили его простить ихъ. Борисъ затрепеталъ, уступилъ, и благословеніе пустынножителя возвело Димитрія на престолъ. Смерть Димитрія

чрезъ нѣсколько лѣтъ возродила новыя распри. Симеонъ отъ смертнаго одра отцовскаго посланъ былъ въ Орду требовать Нижняго, какъ своего наслѣдія. Туда явился и Борисъ. Золото покорило ему сердца вельможъ Ханскихъ, но Симеонъ не смирился, бѣжалъ изъ Орды въ Москву, и Димитрій Іоанновичъ, тогда еще княжившій, подвигся на защиту племянника. Борисъ укрылся въ Городцѣ, наслѣдномъ княжествѣ своемъ, уступилъ Нижній Симеону, но снова явился въ Ордѣ, полгода кланялся Хану, обѣщалъ дань и покорность — и выкланялъ Нижній. Напрасно Симеонъ спѣшилъ въ Орду изъ Москвы, гдѣ посѣщалъ вдову, сестру свою, княгиню Евдокію, оплакивавшую преждевременную смерть героя Донскаго — его ожидали цѣпи. Борисъ тверже прежняго сѣлъ на престолъ Нижегородскій. Но непродолжительно было торжество вѣ-

роломнаго хищника. Дворъ Хановъ ордынскихъ представлялъ тогда позорище смятеній и неустройствъ. Все покупалось золотомъ. Вѣры и вѣрности не знали. По призыву Хана, юный князь Московскій, сынъ и преемникъ Димитрія Донскаго, явился въ Ордѣ. Тохтамышъ, безпокоимый слухомъ о Тимурѣ, хотѣлъ уладить миръ съ Москвою, уже сильною среди другихъ Русскихъ княжествъ. Бояре юнаго князя Московскаго, не смотря на бѣдственныя предвѣстія новыхъ ужасовъ отчизны, не хотѣли оставить безъ пользы милостиваго пріема ханскаго: они просили Нижняго и Суздаля. Тохтамышъ разодралъ грамату Борисову и отдалъ Нижній Москвѣ. Въ число статей договора включенъ былъ вѣчный плѣнъ Симеона въ Ордѣ. Но у Симеона были друзья, и онъ сгибъ и пропалъ изъ Орды. Мы видѣли, гдѣ очутился онъ.

Еслибы Московскіе бояре не были дальновидны и не отправили заранѣе въ Нижній Белевута, боярина Московскаго, хитраго и опытнаго въ дѣлахъ, покореніе Нижняго было бы невозможно. Мы видѣли, какъ успѣлъ Белевутъ усыпить князя Бориса, умѣлъ найдти измѣнниковъ въ окружавшихъ его вельможахъ, и между тѣмъ узналъ тайныхъ сообщниковъ Симеона. Сношенія Белевута съ Москвою были безпрерывны. И когда Московскіе бояре думали и не знали на что рѣшиться, извѣстія отъ Белевута показали имъ, что хитрость уже успѣла сдѣлать, чего недоумѣвала ихъ мудрость. Белевутъ просилъ только поспѣшнѣе присылать дружину и пословъ Ханскихъ, увѣряя, что Нижній покорится. Дружина и послы отправились. Онъ уговорилъ между тѣмъ сообщниковъ Симеона возмутиться въ самый день пріѣзда ихъ. Въ смятеніи

легко можно было управиться со всѣми.

И тогда—еслибы князь Борисъ былъ дѣятельнѣе, еслибы Симеонъ успѣлъ пріѣхать въ Нижній днемъ ранѣе, ни что не помогло бы Беелевуту. Одинъ день... Но теперь все было потеряно. Князь Борисъ, встревоженный волненіемъ сообщниковъ Симеона, не слушалъ никакихъ убѣжденій его. Разгнѣванный смятеніемъ, онъ укорялъ его въ измѣнѣ и велѣлъ наложить на него цѣпи, а Румянцу съ дружиною разогнать сообщниковъ Симеона, пока самъ отправлялся принимать Ханскихъ пословъ на площади у Спасской церкви.

Несчастный князь! Едва явился онъ туда, посолъ Ханскій объявилъ его княжество областью Москвы и бросилъ передъ нимъ граматы Тохтамыша, коими Борисъ возведенъ былъ на княжество. Подлѣ той темницы, куда по его велѣ-

нію поверженъ былъ Симеонъ, посадили и его, обремененнаго оковами. Бояръ его развезли по разнымъ областямъ Московскимъ. Буйные сообщники Симеона встрѣчены были пищальнымъ огнемъ Московской дружины. Невиданное дотолѣ дѣйствіе губительнаго оружія ужаснуло ихъ — всѣ разбѣжались, и на другой день въ Нижнемъ Новгородѣ все было тихо и спокойно. Три дня угощалъ Белевутъ царевича Улана и Татаръ въ княжескомъ дворцѣ. Пируя, они забыли даже законъ Мугаммеда, пили вино изъ золотыхъ кубковъ княжескихъ и прятали ихъ къ себѣ за пазуху, на память угощенія, какъ всегда велось у Татарскихъ пословъ. Белевутъ проводилъ ихъ за городъ, низко поклонился имъ, и поѣхалъ въ Москву поздравить своего юнаго князя *княземъ Нижегородскимъ и Суздальскимъ*. Съ нимъ поѣхали избранные люди Нижегородскіе.

Кто были сіи избранные? Гдѣ были тогда Димитрій, пламенный юноша, всѣмъ жертвовавшій своему князю, и Замятня, неосторожный, но вѣрный дружбѣ и усердію? Гдѣ былъ Некоматъ, сребролюбивый, бездушный скряга? Что ожидало Белевута при Дворѣ князя Московскаго?

=

Тамъ, гдѣ вьется струистая Сѣтунь, и гдѣ воды Раменки пробираются по каменистому дну въ Москву рѣку, росъ въ старое время густой лѣсъ. Простираясь на Воробьевы горы, въ другую сторону онъ выходилъ далеко на Дорогомиловскую дорогу. По Сѣтуни и около нея въ лѣсу разсѣяны были хижины села Голенищева, принадлежавшаго Московскому митрополиту. Среди нихъ бѣлѣлась церковь Трехъ Святителей. Подлѣ нея былъ домъ митрополита. Старецъ Кипріанъ, испытанный скорбями и опытомъ жизни, часто удалялся сюда, въ мѣсто «безмятежно, безмолвно и спокойно отъ всякаго смущенія.» Здѣсь, иногда долго вечеромъ свѣтилась лампадка въ его келліи, и онъ, умершій настоящему, жилъ въ прошедшемъ. Окруженный *ветшаными* книгами, онъ вникалъ въ сокровенный смыслъ писаній Святыхъ Отецъ, раз-

бралъ премудрость Эллиновъ, и по слѣдамъ «вѣщателей вѣковъ прошедшихъ,» описывалъ дѣянія князей Русскихъ, житія святыхъ и добропобѣдныхъ мучениковъ, или прелагалъ Эллинскія книги на языкъ Русскій, который сдѣлался ему роднымъ въ продолженіе долговременнаго пастырства его въ Москвѣ и Кіевѣ.

Еще не подавали огня и вечерняя заря тускло свѣтила въ окна митрополитской келліи. Кипріанъ сидѣлъ за большимъ столомъ. Вокругъ него лежало множество пергаментныхъ списковъ и бумажныхъ свертковъ. Противъ него сидѣлъ благообразный инокъ. Они только что кончили чтеніе рукописи. Жаръ, оживлявшій инока, еще горѣлъ въ очахъ его, устремленныхъ на святителя—подобно яркой лампадкѣ, тепляцейся надъ гробомъ, сіяли взоры его, хотя блѣдное лицо показывало отрече-

ніе и умертвіе его всему земному. Долго и безмолвно внималъ ему Кипріанъ и потомъ сказалъ тихо:

«Благъ подвигъ твой, инокъ Димитрій, и усладительна бесѣда твоя! Изучая премудрость премудрыхъ, ты не скрываешь свѣтильника подъ спудомъ, ставишь его на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ, сущимъ въ храминѣ! Ты передаешь намъ вѣщанія велемудраго Георгія Писидійскаго, и напутствуя души христіанъ къ созерцанію дѣлъ Божіихъ, будешь благословенъ благодарностію соотчичей, услажденныхъ трудомъ твоимъ!»

— Владыко! смиренно отвѣчалъ инокъ — если трудъ мой будетъ награжденъ хвалою міра, я отнесу хвалу сію на алтарь смиренія моего предъ волею Божіею, внушившею мнѣ мысль передать на родномъ языкѣ книги премудраго Ге-

оргія. Рано отрекся я отъ міра и ничего не требую отъ сильныхъ земли. Созерцая съ святымъ Георгіемъ твореніе Бога, хваля Его устами смиренными, я награжденъ съ избыткомъ, и за бдѣнія мои, и за трудъ малый, но усердный!

«Такъ, ты правъ! Міръ не для того, кто вкусилъ сладость бесѣды мудрыхъ мужей, умершихъ плотію, но живыхъ духомъ въ твореніяхъ безсмертныхъ — не для того онъ, кто позналъ суету и тщету міра, и во прахѣ земли витаетъ мыслью на небесахъ! Тяжка земная жизнь человѣку праведному, тяжекъ міръ человѣку, бѣгущему суеты! Димитрій—ты блаженъ, что міръ не преслѣдуетъ тебя въ тихой келліи твоей, и суеты его не врываются къ тебѣ сквозь монастырскія затворы! Сколько разъ воспоминалъ я о келліи Хиландартской, гдѣ протекла моя юность, гдѣ

молитва и трудъ готовили жертву Богу, еще не оскверненную суетами, и гдѣ въ тишинѣ духъ мой возносился къ Вездѣсущему, или бесѣдовалъ съ мудрыми и святыми мужами!»

— Но, владыко, судьба вела тебя съ береговъ моря Эгейскаго быть пастыремъ стада великаго!

«Не ропщу на волю Его, и благословляю перстъ Божій, указавшій мнѣ путь къ полунощи! Но сколько страданій претерпѣлъ я среди трудовъ о паствѣ, сколькихъ бѣдствій былъ свидѣтелемъ, сколько разъ падалъ я, искушаемый навожденіемъ суетъ! И нынѣ, вѣрь мнѣ — только здѣсь нахожу я покой, только сюда удаленный, внемлю я гласу души моей, какъ елень на источники водные, стремящейся въ небесную отчизну свою! Тамъ — въ Москвѣ — суета поѣдаетъ дни мои — время бы-

тія моего гибнетъ въ смущеніи и вѣчность задвигается міромъ малымъ и суетнымъ! Блескъ и почести — я бѣгу отъ нихъ, они гонятся за мной и влекутъ меня съ собою! Вчера, возвратясь сюда, въ уединеніе мое, послѣ бесѣды князей и бояръ, гдѣ уныніе и грусть о судьбѣ Руси терзали насъ скорбью, послушай, что написалъ я...»

Кипріанъ выдвинулъ листъ бумаги изъ другихъ, лежавшихъ на столѣ, и прочиталъ: «Все человѣческое множество, общее естество человѣка оплачемъ, злосчастно богатѣющее. Земля смѣшеніе наше, земля покрываетъ насъ и земля возстаніе наше. О дивство! Всѣ шествуемъ мы отъ тмы во свѣтъ, отъ свѣта во тму, отъ чрева матери съ плачемъ въ міръ, и отъ міра сего съ плачемъ въ гробъ: начало и конецъ жизни—плачъ. Сонъ, тѣнь, мечтаніе красота житей-

ская! Многоплетенное житіе, какъ цвѣтъ увядаетъ, какъ тѣнь преходитъ.»

Когда Кипріанъ кончилъ чтеніе и безмолвно преклонилъ голову въ смутной думѣ, кто-то постучался въ дверь келліи и проговорилъ тихо: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» — Аминь! отвѣчалъ Кипріанъ. Дверь отворилась.

Князь Василій Димитріевичъ вошелъ первый, подошелъ къ благословенію митрополита и привѣтствовалъ его. Инокъ Димитрій робко всталъ, видя своего государя и повелителя. Василій, едва вступившій въ юношескій возрастъ, былъ не величественнаго, но важнаго и суроваго вида. Морщины уже видны были на челѣ его и показывали въ немъ умъ твердый, нравъ неуступчивый. Богатый бархатный *терликъ* и шитый шелками *охобень* были на него надѣты, и сабля

его блистала дорогими каменьями. За-нимъ шелъ старецъ, высокаго роста, сѣдой, но еще не согбенный лѣтами: то былъ князь Владиміръ Андреевичъ *Храбрый*. Бояре слѣдовали за нимъ Между ними былъ и толстый Белевутъ. Инокъ Димитрій низко преклонился передъ всѣми и вышелъ.

Задумчиво остановился онъ въ ближней комнатѣ, гдѣ келейникъ митрополита въ бездѣйствіи дремалъ, сидя на лавкѣ и сложа руки. Потомъ вышелъ въ обширныя сѣни, гдѣ широкія стеклянныя оконницы были растворены, и крашеныя скамейки показывали, что митрополитъ здѣсь сидитъ иногда, наслаждаясь прохладой вечера. Долго смотрѣлъ Димитрій въ растворенное окно, какъ тѣни вечера ложились на окрестные лѣса и горы, какъ обширная Москва вдалекѣ засвѣчивалась огня-

ми, и какъ Москва рѣка извивалась вблизи полукружіемъ около Воробьевыхъ горъ. Перебирая четки, повторялъ онъ: «Дивна дѣла Твоя, Господи, яко вся премудростію сотворилъ еси!» Вдругъ вошелъ келейникъ митрополита и сказалъ, что митрополитъ требуетъ его къ себѣ.

Не понимая зачѣмъ могли призывать его въ совѣтъ князей и бояръ, инокъ шелъ робко. Подходя къ келліи митрополита, онъ услышалъ многіе голоса— замѣтно было, что говорятъ съ жаромъ. Димитрій вошелъ въ келлію. На столѣ горѣли двѣ свѣчи. Князь Василій и князь Владиміръ сидѣли подлѣ Кипріана. Бояре стояли въ отдаленіи. Разговоръ прекратился.

»Князь!» сказалъ Кипріянъ, «инокъ сей мудръ и благочестенъ. Ты можешь ввѣрить ему всѣ тайны. Онъ знаетъ

Греческій языкъ и прочитаетъ намъ посланіе.» Князь молча вручилъ Димитрію свитокъ.

То было письмо Грека, издавна жившаго при дворѣ Ордынскихъ Хановъ. Онъ былъ нѣкогда посланъ изъ Греціи, еще къ хану Муруту, и званіе лекаря доставило ему милость и любовь всѣхъ послѣ Мурута хановъ Золотой Орды. Димитрій просмотрѣлъ письмо и руки его задрожали. Нетерпѣливое ожиданіе видно было во взорахъ князей и бояръ. Трепещущимъ голосомъ началъ онъ читать и переводить:

«Какъ единовѣрнаго государя и благодѣтеля моего, спѣшу увѣдомить тебя, благовѣрный князь, что судьба Золотой Орды рѣшена. Тимуръ ханъ побѣдилъ. Тохтамышъ разбитъ, бѣжалъ и скитается въ твоихъ, государь, или князя Витовта областяхъ. Но горе намъ,

горе твоей Руси, горе благовѣрной Византіи! Огнь и мечъ Тимура сравняли ханскіе терема съ землею — уже нѣтъ ханскаго Сарая; погибло великое, погибло и малое: и мое убогое стяжаніе расхищено. Не забудь, государь, меня, твоего доброхота и радушника! Пишу къ тебѣ, государю, среди развалинъ, потоковъ крови и грудъ смердящихъ труповъ. Тмы темъ Татаръ Тимуръ-хановыхъ, какъ саранча, хлынули на берега Волги, и ни возрастъ, ни полъ, ни родъ, ни санъ — ничто не избѣгло гибели, посрамленія и неволи! Желѣза недостаетъ на цѣпи и мечи воиновъ проржавѣли отъ запекающейся на нихъ крови. Увѣдомляю тебя, государь, что Тимуръ-ханъ есть одинъ изъ бичей, посылаемыхъ на человѣковъ гнѣвомъ Божіимъ, предъ коими исчезаютъ и гладъ и хладъ, равняются горы и вы-

сыхаютъ рѣки, отверзая имъ пути. Страна есть нѣкая, между царствомъ Попа Ивана и Скиѳіею Великою, именуемая Арарь, и въ ней родился, не отъ царя и не отъ старѣйшины, Тимуръ, свирѣпый, лютый, кровожадный. Говорятъ, что три звѣзды упали на небѣ, когда онъ родился, и громъ трижды загремѣлъ зимою. Онъ былъ разбойникъ. Сперва грабилъ стада, но пойманный пастырями былъ ими зѣльно битъ. Они изломали ему ногу. Онъ же перековалъ ногу желѣзомъ, и отъ того нареченъ *Темиръ Аксакъ*, иначе же *Тамерланъ*, иже преводится *Темиръ хромецъ*. И завоевавъ всю Арарь съ немногими разбойниками, потекъ онъ на другія страны, и отъ Синія Орды исшелъ въ Шамахію и Персиду, гдѣ преклонились предъ нимъ цари и князи и военачальники, Богу гордымъ и злоб-

нымъ на время попускающу. Тимуръ хочетъ перейдти пучины Окіяна и побѣдить весь свѣтъ, и взять Индію и Амазоны и Макарійскіе блаженные острова; и уже пріялъ онъ Ассирію и Вавилонское царство, и Севастію, и Арменію, и всѣ тамошнія орды поплѣнилъ, и се имена ихъ: Хорусани, Голустане, Ширазы, Испаганъ, Орначъ, Гинянъ, Сизъ, Шибренъ, Савазъ, Арзанумъ, Тефлисъ, Бактаты, и нынѣ Сарай Великій и Чегадай, и Тавризы и Горсустани, Обезы и Гурзи. Былъ онъ и въ Охтеѣ, и пріялъ Шамахію и Китай и Крымъ. Шелъ онъ на Орду безвѣстными степями; шесть мѣсяцовъ не видалъ ничего, кромѣ неба надъ головою и песка подъ ногами; за полгода впередъ сѣяли просо для прокормленія его войскъ. И самъ Тимуръ яростенъ, злобенъ, пьетъ кровь и питается —

вить ударъ, отъ коего палъ Мамай и разсыпалась гордыня его. Но едва прошло два года и Тохтамышъ испепелилъ Москву. Суетны надежды человѣческія! Нейди самъ на бѣду и жди, пока не придетъ она!

«Должно ли мнѣ сказать дружинамъ, отвсюду ко мнѣ идущимъ: идите вспять — я не смѣю вести васъ на битву? Должно ли самимъ себя оковать, придти къ Темиръ Аксаку и раболѣпно преклонить предъ нимъ колѣни?»

— Нѣтъ! будь на конѣ, но не ратуй. Стереги Москву и молись о спасеніи. Тщетно оружіе тамъ, гдѣ гнѣвъ Божій ведетъ грозу и погибель!

«Такъ, князь, таково и мое мнѣніе,» сказалъ Кипріанъ. «Богъ, безъ чьей власти не погибнетъ и власъ съ главы твоей, защита вѣрнѣе воинства.»

— Владыко! ты не слышишь здѣсь

воплей народа, не видишь горестныхъ женъ, бродящихъ съ безутѣшными дѣтьми, старцовъ, отчаянныхъ на краю гроба! — Нѣтъ! я пойду отсюда, пока плачъ женъ и вопли дѣтей не погубили моей силы душевной! Прошу тебя, князь Владиміръ, быть въ Москвѣ и защищать ее, и если мы падемъ въ неравной битвѣ—твои лѣта и твое мужество порукой за храбрость малой силы, какую оставлю тебѣ.

«Князь!» отвѣчалъ Владиміръ, «очисти же себя отъ грѣха, прекрати усобицу, губящую Русскую землю — умири совѣсть твою и не отринь совѣта старца — отдай Нижній Симеону!»

— Нѣтъ—тому не бывать! Вспомни, князь Владиміръ, что я запретилъ даже и говорить мнѣ о Симеонѣ!

«Князь! вспомни о бѣдствіи грозящемъ Россіи, вспомни, что въ день су-

да Божія горе будетъ человѣку, алчущему корысти! Коварство и измѣна предали въ руки твои дѣда твоего и дядей твоихъ, но горе зиждущему домъ свой неправдою! Отдай Симеону его наслѣдіе!»

— Не говорите мнѣ, ни ты, владыко, ни ты, князь Владиміръ—я не отдамъ Нижняго!

«Страшись и блюдись, да не постигнетъ тебя бѣдствіе, которое ты готовишь другимъ!»

— Нѣтъ! Не на того падетъ гнѣвъ Божій, кто хочетъ собрать воедино разсыпанное и совокупить раздѣленное! Не ты ли первый, князь Владиміръ, уступилъ мнѣ право первородства? Благо тебѣ, но Симеонъ и Борисъ противятся мнѣ—они противники власти, данной мнѣ отъ Бога, а не законные на-

слѣдники, и мечъ правосудія тяготѣетъ надъ главами ихъ! Такъ я думаю, такъ должны всѣ думать.

=

да Божія горе будетъ человѣку, алчущему корысти! Коварство и измѣна предали въ руки твои дѣда твоего и дядей твоихъ, но горе зиждущему домъ свой неправдою! Отдай Симеону его наслѣдіе!»

— Не говорите мнѣ, ни ты, владыко, ни ты, князь Владиміръ—я не отдамъ Нижняго!

«Страшись и блюдись, да не постигнетъ тебя бѣдствіе, которое ты готовишь другимъ!»

— Нѣтъ! Не на того падетъ гнѣвъ Божій, кто хочетъ собрать воедино разсыпанное и совокупить раздѣленное! Не ты ли первый, князь Владиміръ, уступилъ мнѣ право первородства? Благо тебѣ, но Симеонъ и Борисъ противятся мнѣ—они противники власти, данной мнѣ отъ Бога, а не законные на-

слѣдники, и мечъ правосудія тяготѣетъ надъ главами ихъ! Такъ я думаю, такъ должны всѣ думать.

=

— Молодъ, а уменъ, сказалъ Белевутъ, входя въ свѣтлицу своего боярскаго дома и сбрасывая свой боярскій ферезь — молодъ, а уменъ князь нашъ! Никто не уговоритъ его выпустить изъ рукъ, что однажды ему попалось. Поздравляй меня, Некоматъ, намѣстникомъ Владиміра и Суздаля! прибавилъ онъ, обращаясь къ Некомату, который дожидался его возвращенія и низко кланялся ему, стоя подлѣ дверей.

«Садись,» сказалъ Белевутъ, отодвигая дубовый столъ отъ лавки — садись и поговоримъ о дѣлѣ.»—Некоматъ сѣлъ и придвинулся къ боярину.

— Слушай: князь нашъ одобрилъ все, что я сдѣлалъ. Завтра объявятъ торжественно о присоединеніи Нижняго къ Москвѣ, и тебя и Замятню допустятъ къ князю, какъ избранныхъ по-

сланниковъ Нижегородскихъ. Что за шубы подарятъ вамъ—заглядѣнье!

«Печорскихъ, аль Сибирскихъ соболей, бояринъ?» спросилъ Некоматъ усмѣхаясь. Белевутъ захохоталъ.

— Признайся, гость Некоматъ, что Белевутъ помнитъ дружбу. Какъ было оплошалъ ты, вступившись за Симеона! Теперь все у тебя цѣло, все сохранно...

«Слѣпота, батюшка бояринъ, слѣпота окаянная пришла на меня! Тутъ недобро было—демонское наважденіе влекло меня, прости Господи!» Некоматъ плюнулъ на обѣ стороны и перекрестился.

— То-то слѣпота—старая ты голова! Надобно слушать добрыхъ людей, кто тебѣ впрямъ добра желаетъ! Теперь отпустятъ тебя и Замятню съ честью и почестью.

«И Замятню, бояринъ?»

—Да, ты знаешь, какую услугу оказалъ онъ намъ въ тогдашнемъ переполохѣ: онъ указалъ мѣсто, гдѣ лежало оружіе, серебро и золото сообщниковъ Симеона, выдалъ намъ все, и самъ не только не явился на площадь, да и другихъ отводилъ...

«Боюсь что-то я за его вѣрность, бояринъ! Если ужь онъ передался вамъ безъ кривды, то самъ Богъ предаетъ въ руки князю Василію Димитріевичу сердца враговъ его.»

— А я такъ очень хорошо понимаю Замятню, и знаешь ли, что вотъ этакой-то душѣ всего скорѣе ввѣряйся — глупъ, или что называется, добръ! Ты, да я, мы летимъ туда, куда намъ хочется, а его просто вѣтеръ уноситъ, куда дуетъ, а къ тому жь Замятня богатъ, какъ Аредъ!

«Ну, Богъ знаетъ, бояринъ — животы смерть окажетъ!» сказалъ Некоматъ, съ усмѣшкою.

— Полно, Некоматъ! Онъ и не заикнулся, когда я попросилъ у него... на княжескіе расходы... чистымъ золотцомъ отсчиталъ, а теперь гуляетъ себѣ по Москвѣ, да и только! Видно, что за душой у него ничего не таится. Нѣтъ! я вѣрю Замятнѣ — да, это дѣло сторона, а поговоримъ о нашемъ другомъ дѣлѣ. Я тебѣ сказывалъ, что у тебя есть товаръ, а у меня есть купецъ, которому онъ приглянулся. Согласенъ ты что ль?

«Бояринъ! хоть сей часъ по рукамъ. Сынъ твой куда молодчикъ, а моя Ксенія дѣвка на возрастѣ.»

— Отлагаю все до пріѣзда князя Василія Димитріевича въ Нижній. Ви-

дишь: завтра васъ примутъ, и дадутъ вамъ облобызать княжескую ручку, а тамъ поѣзжайте и готовьте ему пріемъ поласковѣе. Князь хочетъ испить вашей Волжской водицы и полюбоваться на Нижній. Я пріѣду впередъ. Такая вѣдь у насъ теперь завороха, что и Господи упаси — тутъ Витовтъ, тамъ Тверской князь, а тутъ еще черный воронъ налетаетъ на Русь, и Богъ вѣсть откуда! Татары дрались, дрались между собой, а теперь, вонъ, слышишь, идутъ сюда... Бабы, да старики воютъ, еще ничего не видя!

«А что же, бояринъ, ты думаешь?»

— Что думать! Живи, не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ! Разумѣется, у кого есть запасъ, тому и съ Татарами хорошо. Нашъ бояринъ Кошка, смотри, какъ ладитъ съ ними! И то правду сказать—голова умная!

Такъ бесѣдовали между собой Некоматъ и Белевутъ въ Московскомъ теремѣ боярина.

=

Жребій Нижняго Новгорода былъ рѣшенъ. Ни упреки матери, ни слова князя Владиміра, ни совѣты митрополита Кипріана, ничто не могло склонить князя Василія Димитріевича на милость къ Симеону и роду его. Участь князей Нижегородскихъ оставалась еще неизвѣстною. Князь Борисъ томился въ темницахъ Суздальскихъ. Симеонъ и семейство его были заключены въ темницахъ Нижегородскихъ. Бояре Нижегородскіе, иные предались князю Московскому, другіе, непокорные, разосланы были въ дальніе города. О многихъ—ничего не было слышно...

Зима прошла въ совершенной тишинѣ. Войска Русскія собрались около Коломны, отаборились тамъ и не двигались съ мѣста. Князь Василій Димитріевичъ былъ въ Москвѣ, кипѣвшей воинскою дѣятельностью. Спѣшили оканчивать вооруженіе войскъ, собирали деньги,

ожидали вѣстей. Слухи изъ Орды замолкли, но то была зловѣщая тишина, подобная той, какую чувствуетъ страдалецъ, удрученный недугомъ, передъ послѣднимъ страданіемъ смерти — она не покоитъ его; холодный потъ, костенѣющія руки и ноги, темнѣющій взоръ говорятъ объ его разрушеніи — онъ живъ, но на него уже вѣетъ могилою — онъ предчувствуетъ то близкое мгновеніе, котораго содрогается все живущее! — Тимуръ остановился на Ахтубѣ. Полчища его не двигались на Россію. Но такъ и за полтора столѣтія, когда при Калкѣ погибла надежда на спасеніе Россіи, нѣсколько лѣтъ прошло, пока Батый ринулся въ предѣлы Русскіе и потекъ огненною рѣкою. Церкви Московскія были наполнены народомъ. День и ночь слышались молитвы и воздыханія молящихся.

А страсти не умолкали и на краю

бездны! Сердце человѣка! содрогнется тотъ дерзкій, кто осмѣлится заглянуть въ тебя — содрогнется и побѣжитъ отъ самыхъ обольстительныхъ надеждъ и мечтаній своихъ, какъ бѣжитъ, содрагаясь, суевѣрный юноша при взглядѣ на гробъ своей подруги, на ея лицо, обезображенное смертью и тлѣніемъ!

=

Лѣтомъ Белевутъ пріѣхалъ въ Нижній Новгородъ. Съ нимъ была многочисленная свита. Князь Димитрій Александровичъ Всеволожъ, съ дружиною Московскою, выступилъ на встрѣчу Московскаго князя. Въ Нижнемъ готовились встрѣтить его торжественно. Жители были въ большихъ хлопотахъ: вынимали и готовили праздничныя платья, чистили улицы, даже мыли домы снаружи. Белевутъ безпрестанно окруженъ былъ воеводами, просителями, искателями милостей, пріѣзжими изъ Нижегородскихъ городовъ. Бояре, гости, почетные люди Нижегородскіе толпились у него въ свѣтлицѣ. Обѣды превращались въ пиры, и часто старики забывали идти къ заутрени послѣ безсонной до бѣлаго свѣта ночи, проведенной въ гульбѣ у Белевута или какого-нибудь богатаго гостя. Но никто не отличался такимъ разгульнымъ весельемъ,

какъ Замятня. Золото и серебро блистали на столахъ его. Двѣ бочки Малвазіи выписалъ онъ нарочно изъ Москвы, и часто, среди гульбы и пѣсенъ, горстями кидалъ за окошко серебряныя деньги, и хохоталъ, смотря, какъ дрались за нихъ мальчишки и нищіе. Добрые люди говорили, что у Замятни пируютъ на поминкахъ Суздальскаго княжества, да кто сталъ бы ихъ слушать, какихъ-то добрыхъ людей, которые всегда ворчатъ и на которыхъ угодить трудно!

Въ веселомъ разгульи прошло двѣ, три недѣли. Однажды Замятня зазвалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ бояръ и всѣхъ богатыхъ и почетныхъ людей. Никогда не бывало у него такъ весело. Столы трещали подъ кушаньями. Медъ, пиво, вино лились рѣками. Многіе изъ гостей со скамеекъ очутились уже подъ скамейками. Въ иномъ углу пѣли псаль-

мы; въ другомъ заливались въ гулевыхъ пѣсняхъ. Насталъ вечеръ. Домъ Замятни, ярко освѣщенный, казался свѣтлымъ фонаремъ, когда туманная, темная ночь облегла городъ и окрестности, и въ домахъ погасли послѣдніе огоньки, все улеглось и уснуло, кромѣ любопытныхъ, которыми наполненъ былъ домъ и дворъ Замятни. Одни изъ нихъ пили, что подносили имъ, потому что велѣно было всѣхъ угощать; иные громоздились къ окошкамъ, и держась за ставни и колоды, смотрѣли, какъ пируютъ гости и бояра, пока другіе зрители, подмостившись, сталкивали первыхъ, а третьи любовались конями бояръ и гостей, богато убранными и привязанными рядомъ у забора къ желѣзнымъ кольцамъ.

И теперь еще найдете въ собраніяхъ старинныхъ чарокъ Русскихъ *чарки-свистуны*. У нихъ не было поддона,

такъ, что нельзя было поставить такую чарку, а надобно было опрокинуть ее, или положить бокомъ, и потому такими чарками подносили гостямъ, когда хотѣли *положить* своихъ гостей—верхъ славы и гостепріимства хозяина! Вмѣсто поддона, на концѣ чарки придѣлывали свистокъ: гость обязанъ былъ сперва выпить, а потомъ свиснуть. Старики наши бывали замысловатѣе насъ на угощеніе.

Такого-то *свистуна* огромной величины поднесъ Замятня Белевуту. Говорили, что Белевута нельзя было споить, но и у него бывало однакожь сердце на языкѣ, когда успѣвали заставить его просвистать раза три, четыре, и когда уже пѣтухи возвѣщали часъ полуночи.

— Чокнемся, бояринъ! вскричалъ Замятня, протягивая другаго свистуна— чокнемся и обнимемся еще разъ!

«Будетъ, гость Замятня! У меня и такъ скоро станетъ двоиться въ глазахъ,» отвѣчалъ Белевутъ, смѣясь и протягивая руку къ свѣчѣ, чтобы увѣриться: не исполняются ли уже слова его, и не по десяти ли пальцовъ у него на каждой рукѣ?

— Э! была не была! Что за счетъ между Рускими! Слушай: здоровье того, кто пьетъ, да не оглядывается! Разомъ!

—«Давай! Если за нами череда, чего мѣшкать!»

Они разомъ выпили, свиснули и бросили чары на серебряный подносъ, который держалъ передъ ними одинъ изъ кравчихъ. «Подавай кругомъ!» вскричалъ Замятня. Кравчій повиновался. «Эхъ! ты, бояринъ! Вотъ ужь люблю тебя за то, что молодецъ — и дѣло дѣлать, и съ другомъ выпить! Такъ по нашему! Всѣ кричатъ, что Замятня гу-

ляка, пустая башка! Врутъ дураки: я въ тебя, бояринъ—вотъ что ни смотрю, точно братья родные...»

— Ты диво малый! вскричалъ Белевутъ, обнимая Замятню—точной Москвичъ, а не Нижегородецъ!

«Что тебѣ попритчилось, что ты сначала-то меня не взлюбилъ? Вѣдь я былъ все тотъ же?»

— Нѣтъ, не тотъ же, а теперь чудо не человѣкъ... Прежде ты глядѣлъ не такъ—немножко кривилъ голову... Ха, ха, ха!

«А ты ее повернулъ мнѣ, куда слѣдуетъ?»

— Сама повернулась!

«То-то же *сама*. Видишь, не туда вѣтеръ дулъ! Что ты льнешь къ такимъ, что изъ подлобья-то смотрятъ? Вѣрь то-

му, кто прямо въ глаза глядитъ. Вотъ, посмотри-ка: здѣсь кого-то недостаетъ...»

— Кого? сказалъ Белевутъ, смѣясь. Вѣдь не тринадцать ихъ осталось—чего бояться, если кто и уплелся!

«Надо знать *кто*! Вотъ, примѣромъ сказать: Некоматъ гдѣ? Вонъ тамъ сидѣлъ онъ и морщился!»

— Такъ не лежитъ ли онъ гдѣ нибудь...

«Нѣтъ! думаю, онъ бодро ходитъ на ногахъ: не тотъ онъ человѣкъ, чтобы свалился. О, не люблю я этакихъ народовъ...»

— Знаешь ли, Замятня, что и мнѣ онъ не больно любится что-то? Я спасъ его отъ погибели: онъ не то, что ты; у него всѣ проказы Симеоновы были скрыты. Онъ и на Спасскую площадь шелъ съ Семеновцами, а я все таки умѣлъ его выгородить!

«А онъ спустилъ тебя на посулахъ?»

— Не то, не такого олуха царя небеснаго нашелъ онъ — да, что-то не ладится у меня съ нимъ никакъ — словно козьи рога, въ мѣхъ не идетъ.

«Скоро ли у васъ свадьба?»

— Скоро ли свадьба! Пріѣхавши сюда, я и сына привезъ. Въ Москвѣ Некоматъ подтакивалъ, а здѣсь отнѣкивается. Видишь, говоритъ, дочка не хочетъ, дочка плачетъ, а просто, жаль съ сундуками разстаться—вѣдь богатъ, какъ немногіе бояре Московскіе...

«Полно отъ того ли бояринъ? Богатъ-то онъ богатъ, но, право, я что-то куда сомнѣваюсь... Вотъ я — былъ грѣхъ... стоялъ—за Симеона (тихонько прибавилъ Замятня), а какъ пошло не туда, такъ я ужь на прямикъ твой! Тогда кричалъ я за кого стою, и теперь

кричу: мнѣ что за дѣло! Думай обо мнѣ кому что угодно! А этотъ Кащей все молчитъ, и кто его знаетъ что у него на умѣ!»

— Я знаю—сказалъ Белевутъ, коварно улыбаясь.

Ой ли? Хочешь о большомъ медвѣдѣ моемъ, моей любимой стопѣ, что вонъ тамъ стоитъ на полкѣ?»

— Полно шутить, Замятня — теперь ужь все старое кончено...

«Какъ не такъ! Ты думаешь, траву скосилъ, такъ и не вырастетъ — а коренья-то выкопалъ ли? Чего тутъ далеко ходить... Что ты думаешь: все ужь молодцы у васъ въ рукахъ?»

— Всѣ. Хочешь покажу тебѣ роспись кто и гдѣ теперь?

«Убирайся съ росписью! Я всѣхъ ихъ прежде тебя зналъ, да что ни лучша-

го-то, того-то у васъ и нѣтъ... Гдѣ бояринъ Симеоновъ Димитрій?»

— Гдѣ? У бѣса въ когтяхъ! Только его одного и недостаетъ.

«Этакъ онъ ошутилъ: *только его!* Да знаешь ли, что этотъ одинъ стоитъ сотни?»

— Ну, гдѣ жь его взять! Пропалъ, какъ въ Камскій мохъ провалился!

«Его нигдѣ не сыскали?»

— Ужь всѣ мышьи норки перерыли!

«А Некоматъ тянетъ ваше сватовство?»

— Ну, что же?

Князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ, въ куски рубилъ,
Въ куски рубилъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку, во Смородину...

Такъ запѣлъ Замятня. Хоръ гостей подтянулъ ему съ крикомъ и смѣхомъ.

«Что жь ты хотѣлъ сказать?» спросилъ нетерпѣливо Белевутъ.

— Постой, бояринъ! Пусть они распоются погромче—я нарочно затянулъ, чтобы насъ не слыхали.—Слышалъ ли ты, что у Некомата въ банѣ появился домовой, стучитъ, воетъ, кричитъ въ полночь?

«Бабьи сказки!»

— Мужскія сплетни, скажи лучше. Я... хмъ! я видѣлъ домоваго!...

«Ты?»

— Да, я. Ну, какъ ты думаешь: каковъ собой этотъ домовой дѣдушка? Кто онъ? Чортъ что ли? — Замятня плюнулъ.

— Говори, говори! — вскричалъ Белевутъ. Глаза его засверкали.

«Постой—дай одуматься—все порядкомъ будетъ! Однажды ночью вздумалось

мнѣ подсмотрѣть: что тамъ за чудеса такія творятся и правда ли это—и вотъ и пошелъ я подкараулить—вотъ и идетъ Некоматъ, идетъ дочь его—и домовой идетъ... Мѣсяцъ свѣтилъ ярко... Провались я на мѣстѣ, если это былъ не бояринъ Димитрій, переодѣтый бѣсомъ! А вѣдь оттуда недалеко и Егорьевскій теремъ, гдѣ княгиня Симеонова, и тюрьма, гдѣ... Симеонъ!

«Если ты лжешь, Замятня...» вскричалъ Белевутъ и взялся за саблю.

— Вотъ: лжешь! Послушай: теперь полночь... Ну, хочешь ли пойдемъ потихоньку — насъ не замѣтятъ! Авось мы встрѣтимъ домоваго!

Недовѣрчивость, суевѣрный страхъ, досада, смѣхъ смѣнялись на лицѣ Белевута.—У тебя сабля, а я съ голыми руками! сказалъ Замятня.—На домоваго

крестъ, а вѣдь ты не вѣришь, что Некоматъ думаетъ что нибудь худое!

«Нѣтъ, не вѣрю... не вѣрю... Пойдемъ!»

=

Голова Белевута была разгорячена. Тихо вывелъ его Замятня въ заднюю дверь, засвѣтилъ фонарь и повелъ въ садъ свой, говоря, что огородами пройдти ближе. Ночь была темная. Осенняя мгла наполняла воздухъ. Все вокругъ было тихо. Лишь изъ дома Замятни слышны были клики и пѣсни. Белевутъ шелъ за Замятнею. Они перешли черезъ заднюю улицу, въ переулокъ, и ни одна душа человѣческая не встрѣтилась имъ. Только собаки лаяли сквозь подворотни. Скоро пришли они къ задамъ Некоматова двора. Маленькая калитка была отворена. Они входятъ въ обширный садъ Некомата, идутъ тихо, осторожно. Ночной сторожъ крѣпко спитъ на скамейкѣ. Вотъ вдалекѣ блеснулъ огонь. Они не ошибаются — идетъ человѣкъ съ фонаремъ. Замятня задуваетъ свой фонарь. Онъ и Белевутъ

прячутся за деревья—человѣкъ съ фонаремъ подходитъ—это Некоматъ.

Онъ идетъ озираясь, оглядываясь, видитъ спящаго сторожа, дрожитъ, поднимаетъ палку и останавливается. «Господи! помилуй! Не узнали ль? Если кто нибудь подмѣтилъ... Онъ, вѣрно, въ заговорѣ, проклятый пьяница... Если узнали! Горе мнѣ, горе!» Некоматъ ворчалъ еще что-то про себя, пошелъ по дорожкѣ къ калиткѣ и пропалъ въ дали.

«Что, бояринъ?»

— Ничего, отвѣчалъ Белевутъ, улыбаясь принужденно. Вѣдь это не домовой, и что жь тутъ за бѣда, если Некоматъ бродитъ ночью?

«Пойдемъ далѣе, а позволь однакожь тебя спросить: куда и за чѣмъ бы этакъ, на примѣръ, Некомату бродить, съ твоего позволенія?»

Белевутъ молчалъ. Опять прошли они мимо сторожа, и пустились въ самую отдаленную сторону сада, гдѣ построена была у Некомата черная баня, въ чащѣ вишневыхъ деревъ.

Низкое строеніе стояло уединенно и было покрыто дерномъ. Одно только окошечко было въ немъ въ ровень съ землею. Огонекъ свѣтилъ изъ окошечка.

«Да, воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!» заговорилъ Белевутъ, крестясь.

— Вотъ и струсилъ, бояринъ! Что вѣришь ли мнѣ? Пойдемъ ближе!

Едва подвигался Белевутъ. Страхъ отнималъ у него силы. Они подходятъ къ окошечку—ложатся на землю. Внутри горитъ свѣчка. При мерцаніи ея видно, что на лавкѣ сидитъ Ксенія, дочь Некомата. Она плачетъ. Подлѣ

нея человѣкъ, въ какомъ-то странномъ нарядѣ—свѣтъ падаетъ ему на лицо— Замятня не ошибся: онъ, Димитрій, бояринъ Симеона!

Какъ бѣшеный вскочилъ Белевутъ. Замятня удерживаетъ его — напрасно! Белевутъ вырывается, бѣжитъ къ дверямъ бани, спотыкается, падаетъ, хочетъ встать, чувствуетъ, что его держатъ крѣпко и съ изумленіемъ видитъ, что его обхватилъ Замятня. Онъ борется съ Белевутомъ и кричитъ неизвѣстныя слова. Огонь въ банѣ погасъ. Дверь растворяется. Димитрій поспѣшно выходитъ и несетъ на рукахъ Ксенію, безчувственную...» Она умерла! Она умерла! Господи Боже мой!» говоритъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

«Сюда, помоги!» кричалъ Замятня, зажимая ротъ Белевуту и опутывая его

своимъ кушакомъ. Димитрій оставляетъ Ксенію на землѣ. Они съ Замятнею вяжутъ Белевута, тащатъ его въ баню, бросаютъ туда, запираютъ двери и заставляютъ ихъ запоромъ.

«Пусть кричитъ себѣ тамъ, сколько хочетъ!» сказалъ Замятня, оправляя платье. «Димитрій! Братъ! Другъ!»

Они крѣпко обнялись.—Доволенъ ли ты мною? спросилъ Замятня.

«Скорѣе усомнился бы я въ царствѣ небесномъ, а не въ тебѣ...»

— Что: дуракъ я, аль нѣтъ? Не обманулъ я самыхъ хитрыхъ, самыхъ сильныхъ людей, Москву и Нижній, Татаръ и Рускихъ? Жизни моей недостанетъ отмолить всѣ лжи, всѣ обманы, какіе принялъ я въ это время на свою душу—и какъ легко плутовать, только захоти! Гораздо легче, нежели сдѣ-

лать что нибудь доброе, а еще хвастаютъ дураки!

«Замятня, другъ и братъ! Міръ не знаетъ души твоей, да онъ и не стоитъ того... Награда твоя не здѣсь!»

— Да, и чемъ наградили бы меня здѣсь за все, что я дѣлалъ для праваго дѣла? Деньгами? Я бросалъ ихъ горстями за окошко! Почестями? Какія почести тому, кто о жизни своей думаетъ столько же, сколько объ изношенной шапкѣ! Димитрій! дай Богъ тебѣ часъ добрый! Ступай прямо къ Симеону—тамъ все уже готово, а я побѣгу къ гостямъ моимъ — у меня всѣ собраны, и я ни кого не выпущу до свѣта...

«Замятня! увидимся ли мы еще въ здѣшнемъ свѣтѣ?»

— Богъ знаетъ, другъ Димитрій... Ну! все равно—прощай!

«Прощай!..» Еще разъ, крѣпко обнялись они, и Димитрій чувствовалъ, какъ горячія слезы Замятни измочили ему лицо. Димитрій былъ точно, какъ окаменѣлый. Онъ отшатнулся отъ Замятни, и какъ будто тогда только вспомнилъ о Ксеніи, безъ чувствъ лежавшей на землѣ. Онъ наклонился къ ней; взялъ ея холодную руку. «Умерла?» сказалъ онъ. «Прости! И я вѣдь не жилецъ на землѣ! Тебѣ не радостна была жизнь—я погубилъ тебя, а мнѣ развѣ лучше твоего было?.. Но, нѣтъ, нѣтъ! Она жива!.. Замятня, другъ мой! Ксенія жива! Ради Бога, пособи мнѣ...»

— Чѣмъ же, братъ? отвѣчалъ Замятня, сложа руки и горестно смотря на несчастную Ксенію и Димитрія, который, стоя на колѣняхъ, сжималъ въ рукахъ своихъ ея руки.—Если Богъ дастъ Симеону возвратиться съ честью

и на счастье, будете еще жить и довольны и веселы...

«Димитрій, супругъ мой, милый другъ!» вскричала Ксенія, тихо поднявшись съ земли и обхвативъ Димитрія обѣими руками. «Ты идешь? Надолго? Когда возвратишься ты? Скоро ли?»

— Скоро, милый другъ мой, скоро и навсегда! Иди домой—успокойся...

«Домой! И мнѣ должно скрываться, таиться передъ отцомъ моимъ, глотать слезы мои и не видать тебя.. »

— Димитрій! Время дорого! сказалъ Замятня.

«Иду! Еще на часокъ...»

— Вспомни, что отъ тебя зависитъ участь Симеона...

«Да, да... Могъ ли я забыть»—и онъ исчезъ. Тутъ крикъ Белевута глухо

отдался въ банѣ. Ксенія опомнилась, закричала пронзительно и быстро побѣжала въ свой теремъ. Замятня остановился на минуту и слушалъ. Все умолкло. Холодный вѣтеръ шевелилъ листья деревъ. Невольный какой-то трепетъ объялъ его и онъ спѣшилъ идти.

Быстро пробѣжалъ Димитрій по саду, захлопнулъ за собою калитку, и опять хотѣлъ отворить — ему хотѣлось еще разъ взглянуть на домъ Некомата, на садъ, гдѣ съ Ксеніей провелъ онъ столько счастливыхъ часовъ въ несчастное время своей жизни! Тайный бракъ соединилъ ихъ во время поѣздки Некомата въ Москву. Золото обольстило няню Ксеніи. Въ зимнюю ночь, когда всѣ спали въ домѣ, Димитрій увезъ Ксенію. Они были обвѣн-

чаны въ отдаленной церкви. Счастье не было ихъ удѣломъ. Только Замятня, сторожъ сада и няня знали тайну свиданій ихъ.

=

Темница, гдѣ заключенъ былъ Симеонъ, стояла подлѣ Кремля. То былъ старый, огромный, опустѣвшій домъ. Высокій заборъ окружалъ тюрьму. Стража стояла подлѣ воротъ и вокругъ дома. Двое Московскихъ бояръ жили въ самомъ домѣ. Рядомъ съ симъ домомъ былъ садъ Некомата и небольшой старый домикъ его. Димитрій быстро прибѣжалъ къ воротамъ темничнаго двора. Нѣсколько человѣкъ показались изъ-за угловъ: то были его сообщники. У воротъ не было ни души—стукнули въ ворота; изнутри отодвинули засовы. Всѣ вошли въ маленькую калитку. Димитрій трепеталъ даже голоса товарищей. Три ратника, стоявшіе у дверей дома, подошли къ Димитрію и сказали, что сторожевые бояре еще не возвращались, а темничный приставъ, не участвовавшій въ заговорѣ, спитъ въ своей каморкѣ. Прежде всего

задвинули двери и ставень окна его каморки. Вотъ на другой сторонѣ забора раздался громкій окликъ часоваго. Одинъ изъ ратниковъ откликнулся; раздалось еще нѣсколько окликовъ и все умолкло. Не теряя времени, стали ломать замки на дверяхъ. Они уступили усиліямъ. Дверные запоры упали. Двери растворились. Вдругъ померещилось Димитрію, что по улицѣ вдоль забора отъ воротъ кто-то крадется... Холодный потъ выступилъ на лицѣ его... Боясь испугать другихъ, онъ не сказалъ ни слова, велѣлъ идти всѣмъ далѣе и ломать другую внутреннюю дверь. Онъ одинъ—весь обращенъ въ слухъ—тихо — опять шорохъ... Такъ! Кто-то крадется къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ Димитрій... Всемогущій! если ихъ открыли! Изнутри дома слышно было, какъ скрыпитъ замокъ отъ напряженія лома... Димитрій прячется—таитъ ды-

ханіе. Кто-то подходитъ ближе — вынимаетъ изъ-подъ полы маленькій фонарь — свѣтитъ. Мерцающій свѣтъ отражается на лицѣ незнакомца — Димитрій узнаетъ Некомата...

«Не даромъ чуяло у меня сердце!» шепчетъ старикъ — «здѣсь не добро! Мое все цѣло, а здѣсь... Посмотримъ... калитка отворена — сторожей нѣтъ... Какъ? И дверь разломана!.. И здѣсь нѣтъ стражи! Измѣна! Ударимъ въ набатъ!» Онъ спѣшитъ идти. Свѣтъ изъ фонаря его мелькаетъ ярче... О ужасъ! Димитрій не замѣтилъ сначала новой предосторожности, взятой тюремщикомъ: въ трехъ шагахъ отъ дверей его каморки протянута веревочка, проведенная на набатную Кремлевскую башню. Уже Некоматъ подлѣ нея — одно движеніе рукой и вся Кремлевская стража пробудится...

Дыханіе сперлось въ груди Дими-

трія. Въ глазахъ у него потемнѣло. Кровь его застыла, и опять, какъ огонь, полилась по жиламъ. Онъ не помнитъ себя, бросается, сбиваетъ съ ногъ Некомата — фонарь тухнетъ... началась борьба отчаянія...

Старикъ былъ довольно силенъ. Онъ выбивается и бросается снова къ веревкѣ. Димитрій опять нападаетъ на него. Рука Некомата ловитъ—почти хватаетъ веревку—все заключено въ одномъ взмахѣ руки — старикъ хочетъ кричать — ножъ выпадаетъ у него изъ запазухи, и какъ безумный, онъ ищетъ его въ темнотѣ, схватываетъ его и поражаетъ Димитрія. Димитрій чувствуетъ, что теплая кровь течетъ по рукѣ его—онъ не помнитъ о себѣ, борется, зажимаетъ ротъ Некомату—крикъ—новое усиліе—еще удушаемый крикъ, еще усиліе—послѣднее, отчаянное — и за нимъ послышалось хрипѣніе умирающаго...

«Убійца!» вскричалъ Димитрій. Голосъ его глухо раздался во мракѣ — «я убилъ его!» И ему чудится, что кто-то страшно захохоталъ вдали. Но вотъ идутъ изъ тюрьмы — слышны голоса. Въ забытьи оттаскиваетъ Димитрій въ сторону трупъ Некомата, бросается къ выходящимъ — Симеонъ!..

=

«О! стонать тебѣ, Русская земля, помянувши прежнюю годину и прежнихъ князей, Владиміра Великаго, Ярослава Мудраго, Мстислава Храбраго! Нынѣ усобица князей на поганые погибла. Рекли князья: то мое и то мое же, и сами на себя стали крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ съ побѣдою приходятъ на землю Русскую. Тоска разлилась по землѣ Русской и печаль тучная бродитъ по весямъ и градамъ. О! стонать тебѣ Русская земля, помянувши первую годину и первыхъ князей!» Такъ пѣлъ, ты, пѣвецъ плѣна Игорева, и два вѣка протекли, но вѣщія слова твои роковымъ пророчествомъ носятся по землѣ Русской!

Что тамъ разстилается, какъ туманъ на синемъ морѣ? То стелется дымъ отъ огня, попаляющаго жилища православныхъ! Что тамъ бѣлѣетъ, какъ снѣга во чистомъ полѣ? То бѣлѣютъ шатры

безчисленной рати Тимуровой! Сбылись страшныя знаменія, сбылись предчувствія, ужасавшія Русь—Тимуръ перешелъ Волгу и двинулся на полночь по берегу Дона. Пустынями шло его воинство, ни встрѣчая ни града, ни веси, ни села. Если и *были тамъ древле грады красны и нарочиты видѣніемъ, мѣста ихъ единыя только оставались, пусто же все и ненаселенно, нигдѣ не видно человѣка, только дебри велія и звѣрей множество.* При впаденіи Сосны въ Донъ раскинутъ былъ наконецъ привальный таборъ Тимуровъ.

За чѣмъ между ордами Татаръ явилась Русская дружина? За чѣмъ она не въ цѣпяхъ, не въ плѣну? Кто сей Русскій князь, котораго руку дружески жметъ старый Татаринъ? Онъ, сѣдой вождь Татарскій, былъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и безмолвно смотрѣлъ, какъ сорвали вѣнецъ княжескій съ главы

князя Бориса, и какъ бросили въ темницу Симеона.

— Наконецъ и ты здѣсь, Русскій князь. Поѣдемъ же въ ставку великаго Тимура! говорилъ Татаринъ. — «Поѣдемъ!» отвѣчалъ князь Русскій.—Дружина твоя останется у моихъ шатровъ. — «Пусть останется.» — Ты долженъ оставить здѣсь все свое оружіе. —Русскій князь безмолвно снялъ саблю, отстегнулъ кинжалъ, положилъ копье. Подводятъ коней. Они ѣдутъ.

Мѣсто, гдѣ расположенъ былъ станъ Тимура, тянулось на нѣсколько верстъ по берегу Сосны и Дона и неправильно простиралось въ лѣсъ. Передовые отряды Тимуровы были за пепелищемъ Ельца. Ясное лѣтнее солнце сіяло на небѣ. Взъѣхавъ на пригорокъ, откуда видны были и берега Дона, и быстрыя воды Сосны, и мѣловыя горы, при впа-

денiи сей рѣки въ Донъ, Русскiй князь невольно остановился и тяжкая печаль изобразилась на лицѣ его.

Передъ глазами князя раскрылся станъ Тимура—ни въ которую сторону не видно было конца безчисленному множеству шалашей, палатокъ, шатровъ, землянокъ. Лѣсъ на нѣсколько верстъ былъ вырубленъ. Вдали дымъ поднимался клубами отъ догаравшаго Ельца. Стада коней, воловъ, верблюдовъ, овецъ; орудiя, какихъ до того времени не видано въ Россiи; воины, разнообразно одѣтые, богатые Бухарцы, покрытые овчинами Курды, закованные въ желѣзо Персiяне, черные Эѳiопы, наѣздники Горскiе, воины Европейскiе; женщины и дѣти плѣнныя; тѣлеги, нагруженныя снарядами и добычами; оружiе, наваленное кучами и разставленное рядами; огни, во-

кругъ которыхъ сидѣли воины; балаганы, гдѣ раскладены были богатства и товары изъ всѣхъ странъ свѣта и гдѣ шла дѣятельная торговля, какъ будто на какомъ торжищѣ; ревъ животныхъ; звукъ бубновъ и трубъ, клики, пѣсни, плачъ, игры, уныніе отчаянія и неистовство счастія, бѣшеная радость и вопль ярости — все раскрывалось въ зрѣлищѣ невиданномъ и неслыханномъ.

На самомъ высокомъ мѣстѣ, среди табора, стоялъ шатеръ Тимура. На немъ блистала, какъ звѣзда, золотая, осыпанная алмазами маковица. Полы шатра, изъ драгоцѣнныхъ Индійскихъ тканей, были опущены. Вокругъ шатра постланъ былъ бархатъ, вышитый золотомъ и жемчугомъ. На полверсты къ нему трудно было пробраться сквозь толпу вождей, воиновъ, князей, купцовъ, духовныхъ людей и странниковъ.

Тройная цѣпь стражей, скрестивши копья, опрашивала всѣхъ подходящихъ. При ярлыкѣ, который показалъ Татаринъ, пропустили его и Русскаго князя. Тутъ протянуты были серебряныя цѣпи, и тянулись въ обѣ стороны богатые шатры женъ и вельможъ Тимуровыхъ. *Безсмертная Дружина* Тимурова окружала его ставку. Совершенное безмолвіе было въ рядахъ сихъ воиновъ, прошедшихъ отъ песковъ Татарскихъ до Китая и отъ Персіи до береговъ Дона. Облитые золотомъ, опершись на булатныя сѣкиры, они были неподвижны. Какъ будто не видали они, что Татаринъ и сопутникъ его, подняли полу шатры и вошли въ первое его отдѣленіе. Здѣсь разостланы были парчи, и на бархатныхъ подушкахъ сидѣли писцы и муллы; одни писали на шелковыхъ тканяхъ; другіе погружены были въ чтеніе свитковъ. Въ сто-

ронѣ сидѣлъ какой-то человѣкъ, съ сверткомъ въ рукѣ, молча, но выпучивъ глаза, шевелилъ губами и размахивалъ руками. Другой человѣкъ, съ черною длинною бородою, не сводя глазъ съ книги, передъ нимъ лежавшей, протянулъ руку къ Татарину, взялъ его за руку, посмотрѣлъ ему на ладонь, потомъ взглянулъ въ книгу, взглянулъ на какой-то страннаго вида математическій инструментъ, и далъ знакъ, что они могутъ идти далѣе. Тихо подняли Татаринъ и Русскій князь балдакиновую завѣсу, преклонили головы, вступили внутрь и стали на колѣни. Глубокое молчаніе. Украдкой поднявши глаза, князь Русскій ослѣпленъ былъ блескомъ драгоцѣнныхъ камней, изъ коихъ узорами сдѣланы были украшенія стѣнъ шатра. Вокругъ набросаны были дорогія ткани; стояли деревянныя кадки и горшки съ жемчу-

гомъ, золотомъ, серебромъ; въ грудѣ лежало множество золотыхъ чашь; въ сторонѣ брошенъ былъ овчинный тулупъ; шерстяной войлокъ лежалъ на кучѣ безцѣнныхъ соболей. Вокругъ стѣнъ положены были подушки, бархатныя и парчевыя, и подлѣ каждой изъ нихъ, на колѣняхъ, обратясь лицами къ Тимуру, стояли люди, преклонивъ головы. Только одинъ старикъ, державшій въ рукахъ развернутый свитокъ и читавшій его въ слухъ, и другой, державшій атласный свертокъ и трость писальную, сидѣли, нѣсколько ниже хана. Посреди шатра стоялъ большой кувшинъ, глиняный, на огромномъ золотомъ подносѣ, и подлѣ него лежали два черные невольника. Самъ Тимуръ сидѣлъ, поджавъ ноги, на подушкѣ изъ драгоцѣннаго балдакина, потупивъ глаза, окруженный оружіемъ, съ чашею въ рукахъ. Онъ прихлѣбы-

валъ что-то изъ чаши и слушалъ чтеніе свитка — то было утреннее чтеніе Алкорана.

«Онъ далъ свѣтъ солнцу и блескъ звѣздамъ. Онъ уставилъ измѣненія мѣсяца, да послужатъ человѣку дѣлить время и считать лѣта. Во истину онъ создалъ всю вселенную. Онъ повсюду явилъ очамъ мудрыхъ знаменія своего могущества Послѣдованіе ночи и дня, согласіе всѣхъ твореній на землѣ и на небѣ суть блистательныя свидѣтельства боящимся Господа. Не ожидающій будущей жизни, обольщенный прелестями земнаго бытія, уснетъ на нихъ ненадежно, а презирающій мои вѣщанія, за дѣянія свои, получитъ возмездіемъ огнь адскій!»

Здѣсь Тимуръ махнулъ рукой. Чтеніе прекратилось. Всѣ поднялись и сѣли на подушкахъ около стѣнъ шатра.

Русскій князь съ невольнымъ трепетомъ устремилъ взоры на страшилище, ужаснувшее собою полъ-свѣта. Онъ увидѣлъ человѣка, которому, по видимому, было не болѣе 50 лѣтъ — такимъ желѣзнымъ здоровьемъ одаренъ былъ Тимуръ. Смуглое, загорѣвшее лицо, черная съ просѣдью борода, простая зеленая чалма, пестрый шелковый халатъ и кинжалъ за поясомъ—ничто не показывало ничего необыкновеннаго при первомъ взглядѣ. Но другой взглядъ едвали осмѣлился бы кто нибудь возвести на Тимура. Глаза его сверкали, какъ глаза тигра. Лицо его не выражало ни одной страсти, но оно было смѣшеніемъ всѣхъ страстей. Ничего не высказывало отдѣльно лицо Тимура, но каждое движеніе рѣзкихъ чертъ его обнажало пучину страстей, подобную той пучинѣ моря Океана, гдѣ, какъ говорятъ, неугасающая смола горитъ, и

кипитъ и застываетъ — плавитъ камни и леденитъ воду въ одно время.

«Вотъ истинная премудрость, Джеладдинъ-Абу Гіафаръ!» сказалъ Тимуръ, указавъ на Алкоранъ, жилистою рукою, показывавшею его необыкновенную силу—«вотъ гдѣ языкъ человѣка долженъ замкнуться въ храмину безмолвія! Намъ ли, праху земному, мудрствовать и стучаться въ двери небесной мудрости? Что мы? Муравьи, тлѣнъ! Вѣкъ нашъ — тѣнь былія на горѣ Ливана!

Писецъ, сидѣвшій по одну сторону Тимура, принялся писать. Тимуръ обратился къ нему. «Развѣ я сказалъ что нибудь достопамятное?» промолвилъ онъ. «Правду, простую правду сказалъ я!»

— Правду небесную! — отвѣчалъ писецъ.

«На что же записывать ее? Она въ сердцѣ твоемъ и моемъ, и всѣхъ людей. Люди всѣ одинаковы.

«Нѣтъ!» откликнулся кто-то у входа шатра. Это былъ тотъ человѣкъ, котораго видѣлъ Русскій князь въ преддверіи и почелъ сумасшедшимъ за его кривлянья.

— Тебѣ могу повѣрить—сказалъ тихо Тимуръ.—Богъ рекъ: «Мы даровали премудрость Локману и вѣщали ему: даждь славу Богу!» Ты поэтъ, вдохновенный небомъ—говори!

И поэтъ проговорилъ быстро:

«Если всѣ древа земныя обратятся въ писальныя трости, если всѣ семь океановъ потекутъ чернилами, и тогда мы не испишемъ всѣхъ чудесъ Бога, создавшаго Тимура, *саибъ керема* вселенной. Въ единомъ человѣкѣ возсоздалъ Богъ все человѣчество. Онъ из-

рекъ: *кунъ* (да будетъ!)—и явился человѣкъ. Онъ изрекъ: *желаледдинъ* (возстань!)—и возсталъ Тимуръ! Цари—рабы его; вѣяніе крылъ ангела смерти—гнѣвъ его; отъ взоровъ его колеблются столпы Византіи и трепещутъ опоры Индіи! Пилою могущества перепилилъ онъ землю: на одной половинѣ престолъ его; на другой океанъ бѣдствій, гдѣ рѣютъ въ волнахъ слезъ и разбиваются о скалы ужаса враги его! Древо блаженства смертныхъ выросло въ груди его и распростерло сѣни святыхъ законовъ отъ полудня до полуночи! Какъ изъ растворенныхъ вратъ Рая вѣетъ радостью на смертныхъ, такъ изъ устъ Тимура вѣетъ премудрость, и обтекая пучину временъ, она прейдетъ вѣка и возсіяетъ надъ гробницею послѣдняго смертнаго!»

— Благословенъ Алла, создавшій Тимура! воскликнули присутствовавшіе.

«Абу-Халебъ! возми себѣ вотъ этотъ горшокъ,» сказалъ Тимуръ, указывая на огромный кувшинъ, насыпанный вровень съ краями золотомъ, «и помни, что Тимуръ прервалъ сонъ наслажденій небесными розами поэзіи, видя бѣднаго пришельца у прага шатра своего. Говори мнѣ, Эйтякъ,» сказалъ онъ обращаясь къ Татарину, пришедшему съ Русскимъ княземъ — «говори: тотъ ли это человѣкъ, который проситъ помощи? Что ему надобно? Не отняли ль у него земли, по которой идемъ мы, съ благословеніемъ пророка, возставить повсюду законъ и правду?»

— Нѣтъ, великій сагебъ-керемъ! Онъ князь въ полунощной части земли Русь.

«Въ сколько седмицъ пройдти можно землю его? Простирается ли она хоть на мѣсяцъ пути?»

— Нѣтъ! Онъ владѣлъ немногими го-

родами, далеко отсюда, на берегу большой рѣки, и у него отняли его землю.

«Такъ угодно было судьбамъ Вышняго! За чѣмъ же противится онъ волѣ Бога! За чѣмъ не отдастъ онъ вѣнца за мирную соху, при которой счастливъ бываетъ человѣкъ? Что ему хочется мѣнять блаженство тишины на заботы царей?»

— Землица была его наслѣдіе. Онъ почитаетъ обязанностью хранить ее, ибо въ ней схороненъ прахъ его предковъ.

«Не Москва ли было наслѣдіе его? Я слыхалъ о какомъ-то городѣ Москвѣ?

Нѣтъ! Москва отняла у него наслѣдіе.

«И такъ, даже Москва могла обидѣть его, Москва, которая сама преклонялась у подножія сѣдалища людей, ничтожныхъ предъ избранными Проро-

комъ—преклонялась предъ ордою Тохтамыша!»

Онъ умолкъ, и потомъ обратился къ одному изъ присутствовавшихъ.—«Гдѣ посолъ Баязета?» спросилъ онъ.

— Съ восхожденія солнца вчерашняго ждетъ онъ отвѣта, не двигаясь съ мѣста, не совершая молитвъ и омовенія, и не вкушая трапезы, близъ своего шатра.

«Кто онъ?

— Онъ царь Эрзерума, взятый въ плѣнъ Баязетомъ, и нынѣ рабъ его.

«Напиши Шефереддинъ, ясно напиши на бумагѣ Баязету, что Тимуръ предвидитъ погибель его на скалѣ гордости и что корабль его плыветъ черезъ пучины безумія. Напиши, что воины мои покрываютъ полъ-міра, и что скоро приду я въ Анатолійскіе лѣса, и тамъ Бо-

гу правосудія предамъ мою обиду! Напиши и пошли проводить посла его столько человѣкъ, чтобы глазъ не видѣлъ конца рядовъ ихъ. А ты, князь Руси, если Москва обидила тебя—поди съ моимъ именемъ, поди одинъ, и пѣшкомъ, въ Москву—поди и скажи князю Московскому, что я отдалъ тебѣ Москву, и—возми ее себѣ.»

— Онъ не посмѣетъ взять не своего— отвѣчалъ угрюмо Эйтякъ.

«Эта Русь мнѣ нравится,» сказалъ Тимуръ, улыбаясь. «Здѣсь, мнѣ кажется, были когда нибудь царства сильныя. Ты знаешь лѣса Индіи и Персіи? Здѣсь совсемъ другіе лѣса — они гробницы жизни. Вчера я много думалъ, смотря на слѣды города, которые открылись въ дикой, вырубленной моими воинами дебри. Тутъ былъ лѣсъ —онъ былъ уже нѣкогда вырубленъ—

жили люди и ихъ нѣтъ — и на городахъ ихъ выросли вновь лѣса. Люди здѣсь на Руси сжались въ маленькихъ городкахъ—и также называются ханами, и отнимаютъ другъ у друга, то городокъ, то землицу! Для чего желаешь ты, князь Русскій, владѣть своею землею? Земли всего надобно тебѣ вотъ столько! (Тимуръ показалъ мѣру могилы) Сегодня ты гордишься, а завтра никто и не вспомнитъ тебя! Стоитъ ли труда земля твоя и вѣкъ твой? Я былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Вавилонъ Великій, и никто не могъ мнѣ сказать именъ хановъ, которыхъ могилы являлись предъ мною длиннымъ рядомъ обломковъ. А знаешь ли, что одинъ изъ сихъ хановъ построилъ стѣны города, которыхъ въ семь дней нельзя было объѣхать? Что ты скажешь объ этомъ, Мостассемъ-Гассанъ, мудрецъ Багдада?»

— Рабъ твой — отвѣчалъ одинъ изъ присутствовавшихъ — осмѣливается думать, что воля Провидѣнія неисповѣдима: оно создало кедръ Ливанона, розу Іемена, и траву, растущую на могилѣ Монгола, умершаго въ Сибирской степи, гдѣ никто не вѣдаетъ, не только его самого, но и народа его, погребеннаго въ вѣтрѣ пустынномъ. Я видѣлъ водопады великаго Нила: тамъ волны рѣки падаютъ съ того самаго часа, какъ Богъ изрекъ міру: *будь!* и онъ былъ. Волна смѣняетъ волну и все льется въ море, гдѣ и глазъ и умъ человѣка теряются въ необозримой пучинѣ.

Гласа Тимура блеснули, какъ молнія. «Взгляни на звѣзды небесныя,» сказалъ онъ, «и знай, что есть и въ мірѣ такія звѣзды! Пыль подъемлется вѣтромъ и падаетъ опять на землю, а *глаза Аліевы* вѣчны, и Богъ избираетъ

здѣсь на землѣ человѣка тлѣннаго и даетъ ему *нетлѣнные глаза!* Собирается воинство и идетъ на край свѣта. Для чего движутся сонмы ихъ, для чего клики ихъ будятъ духа безмолвныхъ пустынь? Не для стяжанія, не для корысти! Они ищутъ церковъ славы, нетлѣнныхъ очей памяти. Полъ-хлѣба, купленнаго за одну копѣйку, насытитъ человѣка. И что я? Бѣдный грѣшникъ, старый и хромой—но мнѣ суждено было покорить Иранъ, Кипчакъ, Туранъ и предать *губительному вѣтру истребленія* силы великія и царства многія! Духъ Божій ведетъ меня — и будто я знаю, куда онъ ведетъ меня? — Онъ теперь отвращаетъ меня отъ пути на полночь — онъ велитъ мнѣ идти туда, въ страны орошаемыя Гангесомъ, Ниломъ и Евфратомъ. Мы пройдемъ Эѳіопію и перейдемъ чрезъ тѣ горы, гдѣ сказалъ какой-то безсильный богатырь: *не да-*

лье! Придемъ сюда еще разъ, но уже съ запада, и черезъ Желѣзныя Врата Каспія пронесемъ завѣтъ Пророка въ Самарканду! А, Мустафа! исполнилъ ли ты повелѣнное тебѣ?

— Голова Корійчака и головы его совѣтниковъ складены столпомъ подлѣ шатра твоего.

«Поди же и объяви Темиръ-Кутлую, что Тимуръ избираетъ его владыкой Кипчака, водъ Яика и водъ Дона, до самаго Крыма.»

Одинъ изъ присутствовавшихъ повергся ницъ на землю.

«Ты здѣсь, Темиръ-Кутлуй? Я и не замѣтилъ тебя! Воздай хвалу не мнѣ а Богу. Будь милосердъ, правосуденъ и —царствуй многіе дни!»

— Восемь верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ, и восемь невольниковъ повер-

гаетъ рабъ твой къ стопамъ твоимъ! отвѣчалъ Кутлуй.

«Восемь?» спросилъ изумясь Тимуръ. «Девять дверей Рая, девять молитвъ Пророка, и число девять благословляетъ человѣка на землѣ!

— Девятый рабъ твой—самъ я, освѣщенный взоромъ твоимъ, и девятый верблюдъ—царство мое! Пророкъ не отринулъ нѣсколькихъ капель воды, принесенныхъ ему усердіемъ...

«*Востокъ и Западъ область Божія! Куда ни обрати взоры, вездѣ узришь образъ Бога! Онъ наполнилъ вселенную своею безконечностію.* Не такъ ли рекъ пророкъ его?»

— Но мы не видимъ его, и только духъ премудрости его явленъ человѣку въ образахъ видимыхъ, и гдѣ болѣе явленъ онъ, если не въ томъ, кто пере-

живетъ тысящелѣтія и будетъ на землѣ *нетлѣнными очами* человѣчества!

«Поди же, Темиръ-Кутлуй — я даю тебѣ средство начать добромъ — отдай этому князю Русскому то, что у него отняли Тохтамышъ и враги его! А ты, князь Русскій, помяни въ молитвѣ твоей меня, бѣднаго хромца, и воздай за добро благоденствіемъ твоихъ подвластныхъ!»

По данному знаку, Темиръ-Кутлуй, Эйтякъ и Русскій князь преклонились и вышли изъ шатра. Всѣ остальные зрители оставались неподвижны, и сидѣвшіе въ преддверіи шатра были, какъ прежде, на своихъ мѣстахъ. Все, какъ будто оставалось недвижимо, но первый предметъ, поразившій князя Русскаго, когда онъ вышелъ изъ шатра Тимурова, была пирамида изъ окровавленныхъ человѣческихъ головъ, которую склали въ краткое время бытно-

сти его въ шатрѣ Тимура. На вершинѣ пирамиды лежала голова Корійчака, избраннаго за нѣсколько дней прежде въ ханы Золотой Орды. Кровь изъ нея капала и падала на песокъ, по обезображеннымъ головамъ друзей Корійчаковыхъ.

=

Прошли годы, прошли вѣка. Память о нашествіи Тимура осталась только въ молвѣ народной. Лѣтописи Русскія повѣствуютъ, какъ благодать Божія спасла Москву отъ гибели; какъ чудотворный образъ Богоматери принесенъ былъ изъ Владиміра въ Москву; какъ звѣровидный Тимуръ устрашенъ былъ чуднымъ видѣніемъ — въ трепетѣ, ночью, вскочилъ съ одра своего, завопилъ страшнымъ голосомъ, обратилъ вспять отъ береговъ Сосны полки свои и бѣжалъ *ни къмъ же гонимъ!*

Когда вы вступите въ древній Московскій храмъ Успѣнія Богоматери, ваши взоры благоговѣйно встрѣтятъ на лѣвой сторонѣ отъ царскихъ вратъ, унизанный жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями образъ, предъ коимъ денно и нощно горитъ елей, приносимый православными. — Сей святый образъ

перенесенъ былъ изъ Владиміра, когда Тимуръ грозою двигался по берегамъ Дона къ Москвѣ. Предъ нимъ молились предки наши, предъ нимъ падали тогда во прахъ князи и бояре, предъ нимъ лились горячія слезы Рускихъ, когда князь Василій Димитріевичъ и воинство его обрекали себя вѣрной погибели на берегахъ Оки и хотѣли лечь костьми за Москву и православную Русь.

Краснымъ лѣтомъ, когда зацвѣтаютъ окрестности Московскія и толпы пѣшеходовъ идутъ поклониться мощамъ св. Сергія, благоговѣйно останавливаются сіи странники у древняго Срѣтенскаго монастыря, совершаютъ три земные поклона, и въ душѣ ихъ пробуждается память о томъ времени, когда на семъ самомъ мѣстѣ сердца предковъ ихъ усладила *первая надежда спасенія,* когда сонмы народа преклo-

нились предъ чудотворнымъ образомъ Богоматери—и Тимура поразили страхъ и трепетъ.

Поколѣнія прешли по лицу земли. Пыль гробовъ отяготѣла на нихъ вѣками. Если вы будете въ Нижнемъ Новѣгородѣ, войдите въ древній Преображенскій соборъ, взгляните на ветхіе гробы князей Нижегородскихъ, разберите старинныя письмена на ихъ гробницахъ: вы найдете тамъ гробницу Симеона; подлѣ него гробница князя Бориса. Гробъ примирилъ ихъ.

=

Вы хотите знать судьбу Симеона, послѣ того, когда вы видѣли его въ шатрѣ Тимура, и слышали, какъ могущимъ словомъ Тимуръ отдавалъ ему Москву, не только наслѣдіе его. Разогните древнія лѣтописи и читайте:

«Лѣта 1424-го, князь великій Василій Димитріевичъ посылалъ воеводъ своихъ, Ивана Андреевича Уду, да Ѳедора Глѣбовича, а съ ними рать свою, искать князя Семена Дмитріевича Суздальскаго, и самого его обрѣсти, или княгиню его, или дѣти его, или бояръ, крыяшесь бо въ Татарскихъ мѣстѣхъ. И идоша на Мордву, и наѣхаша князя Семена княгиню Александру въ Мордовской землѣ, на мѣстѣ, нарицаемомъ Цыбирца, у святаго у Николы, идеже поставилъ церковь бесерменинъ Хазибаба. И изымаша тамо княгиню Семенову Александру, и ограбиша ея, и приведоша въ Москву, и съ дѣтьми,

юными, и затвориша ихъ на дворѣ Белевута. Слышавъ же князь Семенъ, что княгиня его и съ малыми дѣтьми изымана, и посла къ Великому Князю съ челобитьемъ, милости моля, и вниде въ покореніе, и во многое умиленіе и смиреніе, прося *опаса*. Былъ же тогда князь Семенъ въ Ордынскихъ мѣстехъ, бѣгаша отъ великаго князя, отъ Василія Дмитріевича. Князь же великій Василій Дмитріевичъ даде ему *опасъ*. Онъ же пріиде изъ Орды на Москву и взяша миръ съ Великимъ Княземъ, и иде съ Москвы на Вятку, съ княгинею и съ дѣтьми, боленъ бо бяше уже, и пребысть на Вяткѣ пять мѣсяцовъ, и въ большій недугъ впаде, и преставися, мѣсяца Декемврія въ 21 день. И сей князь Семенъ Димитріевичъ Суздальскій въ вѣкѣ своемъ многи напасти подъятъ, и многи истомы претерпе, во Ордѣ и на Руси, тружався, добиваясь

своей отчины, и восемъ лѣтъ сряду не почивая, по ряду въ Ордѣ служаху четыремя царямъ: первому Тохтамышу, и второму Темиръ-Аксаку, и третьему Темиръ-Кутлую, и четвертому Шадибегу, а все поднимая рать на великаго князя, на Василія Дмитріевича, какъ бы ему найдти свою отчину, княжество Новагорода Нижняго, и Суздаль и Городецъ. И того ради многъ трудъ подъя, и много напастей и бѣдъ потерпе, пристанища не имѣя, и не обрѣтая покоя ногама своима, и не успѣ ничтоже, но яко всуе труждаясь. Суетно есть человѣческое спасеніе и упованіе, понеже отъ Бога вся суть возможна, а отъ человѣкъ ничтоже...»

—

Такова была судьба князя Симеона Суздальскаго. Но его бояринъ Димитрій, но Ксенія, но Замятня?..

Если что успѣемъ найдти, перескажемъ когда нибудь о Димитріи, Ксеніи и Замятнѣ. Теперь, простите, православные, и благодать Божія, да будетъ съ вами. Повѣсть о Симеонѣ кончена. Чему научила она насъ? Повторимъ слова современника: «суетно есть человѣческое спасеніе и упованіе!» — Истина не новая, да помнимъ ли мы ее?

1828 г.

=

ПОВѢСТЬ

О

ВУСЛАѢ НОВГОРОДЦѢ.

=

Вы слыхали о Великомъ Новгородѣ? То-то былъ *городокъ, Москвы уголокъ*— огромный, могучій и привольный! Ганзейцы и Мурмане заглядывались на его широкія улицы, на золоченыя главы его церквей, и называли его *Великимъ*. Одинъ пугливый Латинскій лѣтописецъ даже и намъ передалъ старую поговорку: *Кто противъ Бога и Великаго Новагорода?* Говорятъ, таковы были похвальба и присловье Новогородцовъ. Князья Московскіе и Литовскіе часто

доказывали Новогородцамъ копьемъ и огнемъ, что пословица ихъ не говоритъ правды, да гдѣ сладить съ Новогородцомъ! Отхлынетъ бѣда—опять Новогородецъ надвинетъ шапку на ухо, пойдетъ козыремъ и готовъ спорить съ Княземъ Московскимъ о *самосудѣ*, а Литовскому послу указать путь-дорогу изъ Новагорода. Удалыя дружины Новогородскія не боялись грозы Московской: то и дѣло пускались внизъ по Волгѣ; куда пришли, тутъ и гости, въ Кострому ли, въ Ярославль ли, въ богатую ли Астрахань, вольница Новогородская не труситъ! Давай серебра и золота, выкатывай бочки годовалаго меда, а какъ дойдетъ до расплаты, разсчитаются желѣзомъ, да калеными стрѣлами, и хозяева рады радехоньки, что уши уцѣлѣли.

Въ Москвѣ княжилъ князь Дмитрій Ивановичъ и Новгородъ съ нимъ не ла-

дилъ; войны не было, да и миръ не походилъ на миръ. Такая же дула погода, какъ на Ильменѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, то дождь, то снѣгъ, то свѣтло, то ясно. Сколько ни говорилъ Князь Московскій Новогородцамъ, вольный городъ не унимался, шумѣлъ, какъ молодая брага. «Не въ-первые Новгороду слышать немилостивое слово!» кричали Новогородцы. «Отъ Московскаго Князя не дождешься ни хлѣба, ни соли— отсыпайся золотомъ въ мирѣ, да готовься на желѣзную баню. Далека Москва отъ Новгорода, а сердце Московскаго Князя еще дальше. Намъ и съ своими князьями житье было горе, а съ чужимъ княземъ и поготово!» Вотъ что кричали въ Новгородѣ и на Софійской и на Торговой Сторонѣ. Народъ собирался къ Святой Софіи; день и ночь держали вѣче; казалось, забыли Новгородцы, что въ праздникъ дѣла

не дѣлаютъ. Вечера были святочные, а посадникъ къ посаднику, тысяцкій къ тысяцкому пріѣзжали не Христа славить, не вина пить, а толковать, да шумѣть о черной дани, о разметной граматѣ Московскаго Князя, о Заволочской сварѣ. Всякій говорилъ и толковалъ, и часто не зналъ самъ что говоритъ. Вѣдь и въ нынѣшнее время такая притча изъ народа не вышла.

Но чему дивились и Литовцы и Ганзейцы, привыкшіе пить и бражничать о святкахъ у посадника Ѳеодора Тимоѳеевича, что у этого посадника не было ни пира, ни бесѣды. «Задурѣлъ Новгородъ,» поговаривали собесѣдники, поглядывая на домъ посадника, «быть бѣдѣ, коли и посадникъ Ѳеодоръ не гуляетъ на святкахъ! Смотрите, плотники, не состроить бы вамъ себѣ лиха!

Домъ посадника Ѳеодора стоялъ въ

Славянскомъ Концѣ, на улицѣ Рогатицѣ. Одинъ Нѣмецкій письменный человѣкъ, словоохотливый, какъ котъ-баюнъ въ Русскихъ сказкахъ, называлъ домъ Ѳеодора мудренымъ Нѣмецкимъ именемъ, и говаривалъ, что Новгородъ можно купить на то, что лежитъ въ этомъ домѣ, въ кованыхъ сундукахъ посадника. Доброму молодцу не перестрѣлить бы стрѣлою съ одной стороны дома на другую. За то и крѣпко жилъ посадникъ. Желѣзные ставни запирались у посадника желѣзными крючьями и пять цѣпныхъ собакъ бѣгали по векшамъ во всю ночь. Днемъ иное дѣло: широкія ворота были у него настежь растворены—милости просимъ съ дѣломъ и съ бездѣльемъ! Дорогой гость садись на лавку подъ святые, и бѣдному дверь не заперта. Не чарка вина, такъ ласковое слово—придетъ съ горемъ, а уйдетъ съ весельемъ.

Не даромъ говорили теперь бесѣдники посадничьи, что Ѳеодору не до гулянья. Во всѣхъ окнахъ его дома былъ свѣтъ; на посадничьемъ дворѣ было саней что и не перечтешь, да видно, что были не гости. То и дѣло приѣзжали къ нему и уѣзжали отъ него дѣльцы, писцы, житые люди. Ни одинъ изъ нихъ сходя съ крыльца не обтиралъ бороды: видно, круговая чара лѣнилась сойдти на посадничій столъ съ горки, гдѣ покоились дѣдовскія чары и погары. Дѣльцы останавливались у фигурныхъ воротъ посадничьяго дома, и рожи ихъ были длинны, какъ шпиль на застрѣльной башнѣ.

Но не всѣ же въ Новѣгородѣ думали о дѣлѣ — оставалось еще довольно гулякъ. По улицѣ Рогатицѣ шли дѣвичьи хороводы; пѣли пѣсни; много народа тихонько пробирались подлѣ самой стѣнки, видно боясь измѣнить посло-

вицѣ: Новогородецъ хоть пьянъ, а все таки на ногахъ держится.

Вдругъ среди шума и волненія покатился по улицѣ поѣздъ — саней десять, съ колокольчиками и побрякушками, на выписныхъ лошадяхъ, ѣхали по Рогатицѣ. Веселыя, залетныя пѣсни раздавались такъ громко, что у прохожихъ въ ушахъ звенѣло, да видно и у разгульныхъ поѣзжанъ въ головѣ было не пусто. Вотъ подлѣ самаго посадничьяго дома остановились первыя сани. Съ нихъ соскочилъ лихой удалецъ Буслай, сынъ посадника Григорья Якуновича. «Поѣзжайте, бояре, я догоню васъ!» закричалъ онъ своимъ поѣзжанамъ. Съ шумомъ покатился мимо веселый народъ, а Буслай, сложа руки, сталъ подлѣ лавки у воротъ, на которой сидѣлъ задумавшись Владиміръ, сынъ посадника Ѳеодора Тимоѳеевича.

«Что съ тобой сдѣлалось, товарищъ?» спросилъ его Буслай. «Спишь, не спишь, аль думу думаешь? Такъ раздумаемъ въ двоемъ.»

— Отстань отъ меня—отвѣчалъ Владиміръ—у тебя на умѣ веселье, а у меня на сердцѣ не радостно.

«Зазноба что ли какая? Такъ не тебѣ, такому молодцу, сгинуть отъ дѣвичьихъ глазъ! Казны что ли нѣтъ? Да, у твоего отца изъ одного ларца до Хутыня можно дорогу помостить!»

— Черезъ золото слезы текутъ. У тебя только такая буйная голова, что хоть все пропадай, а меня и чужая бѣда печалитъ!

«Полно, братъ, успѣешь и на свой пай нахныкаться—вѣдь намъ съ тобой еще вѣкъ жить. Богъ знаетъ за что я люблю тебя, за что мы помѣнялись

съ тобой крестами! У тебя не мой нравъ: я всегда веселъ, а у тебя веселье, какъ дождикъ весной—чуть перепадетъ, ужь и высохъ. Каждая красная дѣвица кружитъ мнѣ голову, а на тебя сколько ни глядятъ ихъ бѣглые глазенки, все тебѣ нужды нѣтъ.»

— Слушай, Буслай—сказалъ Владиміръ, вставая со скамьи—если ты пришелъ балагурить со мной, такъ мнѣ право не до того! Прощай!

«Нѣтъ, Владиміръ,» отвѣчалъ Буслай, «не тебѣ бы говорить и не мнѣ бы слушать. Ты не вѣришь моей головѣ, такъ повѣрь ретивому—оно бьется у меня не хуже твоего. Я люблю веселье, да за что же ты полюбилъ меня? Развѣ за то, что Буслай ходитъ одинъ на цѣлую стѣну въ кулачномъ бою, или за то, что онъ умѣетъ спѣть залетную пѣсню лучше другаго?»

Владиміръ остановился. Охъ ты, горячая голова! сказалъ онъ. Не уже ли ты думаешь, что я тебя не знаю? Вотъ тебѣ мое слово, что когда дойдетъ до дѣла, такъ я къ первому тебѣ приду и скажу: Буслай! пойдемъ, братъ, со мной! И ты пойдешь со мной въ огонь и въ воду, но я не скажу тебѣ о чемъ теперь думаю — твоя голова на то не годится.

«Такъ ты мою голову считаешь добрымъ кистенемъ, которымъ пробиваютъ стѣну, а потомъ бросаютъ его подъ лавку? Спасибо, дружище!» Буслай снялъ шапку и поклонился Владиміру.

— Не сердись, Буслай!

«За что сердиться! Ты умница, разумница; сего года твой отецъ посадникомъ, а на тотъ годъ и ты туда же мѣтишь. Куда мнѣ за тобой тянуться!

Только смотри, Владиміръ: въ большомъ чинѣ быть, что по крутой кровлѣ ходить—ударишся о земь и поддержать будетъ нѣкому.»

— Братъ Буслай! дай мнѣ свою руку и не сердись!

«Ты также говорилъ, когда, помнишь, я выхватилъ тебя изъ толпы Чуди, и обнимая тебя плакалъ, какъ баба! Похоже на это ты сказалъ и тогда, какъ на Невѣ озерѣ я вплавь пустился и выхватилъ тебя изъ омута, гдѣ чуть самъ не захлѣбнулся.»

— За чѣмъ же теперь хочешь, чтобы я бросилъ тебя въ омутъ, изъ котораго и самъ я не знаю выплыву ли? Буслай! если крестовый братъ твой любитъ тебя меньше твоего, такъ пусть не увижу я сей часъ Божьяго свѣта!

«Садись, Владиміръ, и послушай. Я не умѣю такъ красно говорить, какъ

ты, и право, не знаю, какъ тебѣ высказать, что вотъ тутъ у меня вертится.» Онъ указалъ на голову. «Я слыхалъ, что когда-то жилъ былъ на святой Руси мудрый человѣкъ, Данило Заточникъ: и книженъ, и уменъ и словесенъ. Что жь ты думаешь? При княжескомъ дворѣ онъ не сдержался. Злые люди надули на него Князю, и Данила, не спрося, услали на холодное море, нѣтъ, на Бѣлоозеро—Богъ знаетъ куда! Вотъ тебѣ и умъ и разумъ: сидитъ Данило въ кельѣ, да плачетъ; посылаетъ граматку, перехватятъ; попросилъ бы добраго человѣка поговорить за себя, да вѣдь добраго человѣка со свѣчей поискать и у князя при дворѣ, а не только въ другомъ мѣстѣ. Что дѣлать! Пришелъ къ нему рыбакъ, простой рыбакъ, принесъ въ келью рыбу, да выдумалъ лучше его. Напиши, сказалъ онъ Данилѣ, граматку, а я ужь знаю,

какъ ее сбыть. Тому ума не занимать стать—написалъ граматку, какъ жемчугомъ вынизалъ; рыбакъ взялъ ее, закаталъ въ воскъ и бросилъ въ Бѣло озеро; рыба проглотила ее, а рыбу поймали для князя, вынули грамату Данилову, прочитали, поговорили, отдали князю, а тотъ прочелъ, задумался, да вмѣсто рыбы велѣлъ бросить въ озеро клеветниковъ. Что братъ, Владиміръ, кто умнѣе былъ: рыбакъ или Данило Заточникъ? Ты пригожъ молодецъ, да и братъ твой Буслай думу сдумать умѣетъ.

— Умѣетъ, да я люблю его столько, что не захочу тащить съ собою въ ту пучину, въ которой, можетъ, и самъ погибну!

«Любишь! Знаешь ли ты, куда я ѣхалъ? Къ суженой моей невѣстѣ на вечеръ, къ дочери тысяцкаго Богдана

Аввакумовича, Машѣ, моей милой, дорогой Машѣ. Ты не любилъ еще—гдѣ тебѣ знать, какъ хочется молодецкому сердцу обнять поскорѣе свою невѣсту, по сердцу выбранную! Ѣду, лечу, вижу брата Владиміра грустнаго—полно думать о невѣстѣ! Слушай: еслибы кто вѣсомъ съ меня далъ мнѣ слитокъ золота, я не отдалъ бы сегоднишняго вечера за это золото, а для тебя... Скажи, куда мнѣ идти? Не простясь съ моей Машей, сяду на коня и поѣду за тобою...»

Владиміръ, вмѣсто отвѣта, крѣпко обнялъ Буслая и тихо сказалъ ему: «Спрашивай—я все скажу тебѣ. Богъ знаетъ, добро ли, худо ли я дѣлаю, что не утаиваю отъ друга тайны тяжелой, но ты хочешь и суди меня самъ! Злая мысль, какъ язва пристанетъ и къ тебѣ...

Буслай молча поправилъ горлатную шапку свою, а Владиміръ продолжалъ:

«Я росъ не такъ, какъ ты, Буслай! Рано узналъ я то, что узнаютъ въ старости. Мои первые годы провелъ я не въ Новѣгородѣ. Помнишь, что отецъ мой долго управлялъ Вотскою Пятиною. Ребенкомъ лелѣяли меня волны Варяжскаго моря; подъ шумомъ ихъ я засыпалъ въ ладьѣ подлѣ отца моего, и часто кличъ на битву съ Чудью, или Ямью, пробуждалъ меня. Такъ укрѣплялось мое тѣло на битвы и умъ на совѣты. Отецъ и степенные люди юнаго призывали меня въ свои совѣщанія. Возвратясь въ Новгородъ, я узналъ всѣ тайны правленія Новогородскаго; съ юности изучилъ нравы и обычаи каждаго изъ Новогородскихъ знаменитыхъ людей. Ты счастливъ Буслай, что невѣдѣніе скрываетъ отъ тебя смрадное болото, которое называютъ Новогород-

скимъ вѣчемъ. Ты слышишь звонъ вѣчеваго колокола, какъ голосъ вольности Новагорода, богатаго и сильнаго, а я слышу его, какъ набатъ, возвѣщающій близкую кончину народа добраго, но буйнаго, достойнаго счастія и влекомаго къ погибели страстями, низкими, недостойными ни крови, ни бѣдствій, которыхъ не жалѣютъ за нихъ Новогородцы.»

— Владиміръ! я бьюсь за мою сторону, когда мнѣ велятъ биться; не жалѣю ни руки, ни головы въ сѣчѣ за мою родину, и не могу слушать твоихъ рѣчей—не хочу слушать ихъ!

«Не хочешь? За чѣмъ же ты спрашивалъ меня? Хорошо—посмотри вокругъ себя: ты видишь этого коварнаго Литовца, этого князя Патрикія Наримантовича въ Новѣгородѣ, съ удѣломъ, съ почестями; видишь раздоръ нашъ съ

Московскимъ Княземъ, наши волненія, бѣготню нашихъ дѣльцовъ и — ничего не страшишся?»

— Не почти хвастовствомъ, когда я скажу тебѣ, что и бояться нечего. Мы ужь привыкли къ такимъ суматохамъ; онѣ веселятъ сердце вольнаго Новогородца. И какъ часто вижу я, что самые бѣдные Новогородцы, собравшись подлѣ Святой Софіи, поговариваютъ между собою: «Что-то давно не звонятъ въ вѣчевой колоколъ—мы залежались на печахъ!

«Безумные люди! чего вы требуете!»

— Да, коли правду сказать, такъ у твоего отца, да у моего, надобно объ этомъ спрашивать. Не они ли затѣяли все въ Новѣгородѣ? Жить бы, да жить, какъ жилось прежде. Свѣтъ-то наши бывшіе посадники: Іустинъ Молчальникъ, да Филиппъ Постникъ. Они стро-

или церкви и ни съ кѣмъ не ссорились. Мой отецъ ввелъ этого Патрикія Наримантовича въ Новгородъ, твой уговорилъ Новогородцовъ отложиться отъ суда Князя Московскаго, а теперь вы думаете и сами не придумаете. Старинное присловье: Русакъ заднимъ умомъ крѣпокъ!

«Буслай, Буслай! Для чего не могу я сказать тебѣ всего... Но нѣтъ! Обвиняй лучше меня и другихъ, но не прощайся съ своимъ счастьемъ! Твоя грудь не вынесетъ всей тайны: она, какъ палящій огонь, сожжетъ ее. Я не хочу никого оправдывать: что сдѣлано, того не воротить, но если ты хочешь знать печаль твоего брата и друга, я раскрылъ тебѣ причину, и ты видишь, что бѣды Новагорода терзаютъ мою душу; я думаю, ищу и не нахожу нигдѣ средствъ.

— Они сами найдутся, мнѣ кажется.

Бывали времена хуже нашего, и вѣрь мнѣ, Владиміръ, будетъ, можетъ быть, и то время, когда живые позавидуютъ мертвымъ.

«Да! Седьмая тысяча, седьмая седмица грозитъ приближеніемъ! Господи умилосердись надъ нами! Но и наше время, Буслай, не золотое. Новогородцы не то что были прежде, и сосѣди ихъ не то стали. Литовскій Князь, какъ воронъ, сидитъ на трупахъ дяди и братьевъ и остритъ когти на Новгородъ; Московскій, какъ соколъ подымается, и стережетъ насъ, какъ цаплю болотную, а мы, съ усобицами, съ упадкомъ храбрости, съ привычкой богатѣть не добромъ, сами на себя накликаемъ бѣду!»

— Но Московскому соколу, кажись, подшибено крылушко: еще и пяти лѣтъ не прошло, какъ Татары головней покатили его Москву и соколенокъ

засѣлъ у нихъ въ когтяхъ—ему не до насъ; пускай строитъ себѣ свой дѣтинецъ, а на Новгородъ онъ только что грозится!»

«Нѣтъ! И всего бы лучше намъ ждать мира отъ Князя Московскаго—онъ въ самомъ дѣлѣ *Великій* Князь. Я видѣлъ его въ славную годину, когда полки Новогородскіе, нежданные, пришли на Куликово поле. Тамъ все было забыто, и вражды и усобицы: темное царство Татаръ, какъ туча, затмило солнце, и всѣ гады спрятались въ норы отъ близкой грозы, но не задохлись тамъ и снова выползли, когда солнышко пригрѣло ихъ! Я помню, я видѣлъ, какъ Димитрій, послѣ благословенія пастырскаго, отпускалъ насъ съ побѣдой и говорилъ намъ: «Живите правдой, Новогородцы, а я не забуду васъ!» Но гдѣ Новугороду успокоиться! Мнѣ душно стало теперь въ собраніи посадниковъ

нашихъ—слышишь, какъ шумятъ они: тамъ нѣтъ простора ни уму, ни правдѣ! Содрогаюсь при видѣ бѣдствій нашихъ и черныя думы бродятъ въ душѣ моей. Это не даромъ — чувствую, что врагъ человѣковъ поймалъ меня въ свои сѣти...»

— Владиміръ! перекрестись! Что ты думаешь? что ты хочешь сдѣлать?»

«Не знаю самъ! И что мнѣ въ здѣшнемъ свѣтѣ, гдѣ съ малыхъ лѣтъ ничто не веселитъ меня! Слушай, Буслай! Я видѣлъ каменистую страну за Варяжскимъ моремъ, былъ въ дремучихъ лѣсахъ ея, и узналъ, чего не хотѣлъ бы знать! Тамъ видѣлъ я тѣхъ злыхъ кудесниковъ, которые обморочиваютъ человѣка своими обаяніями; и вчера, когда я не зналъ самъ что мнѣ дѣлать, когда страшилища, казалось мнѣ, ходили вокругъ меня, тотъ кудесникъ, ко-

тораго видѣлъ я въ лѣсахъ Карель-рельскихъ, явился передо мною...»

Буслай невольно затрепеталъ, вскочилъ, хотѣлъ что-то сказать и остановился.—Что ты хочешь дѣлать, Владиміръ?

«Ничего,» отвѣчалъ Владиміръ съ горькою улыбкою — «я хочу гадать о будущей судьбѣ моей.»

— Ради Бога, удержись...

«Не могу—я далъ ему обѣщаніе, я долженъ идти, куда онъ велѣлъ, и...»

Какъ два угля, сверкнули во мракѣ два глаза дряхлаго старика, который подошелъ въ то время къ друзьямъ. Буслай хотѣлъ перекреститься; рука его не поднималась—онъ стоялъ, какъ окаменѣлый.

«Аль душа робѣетъ?» сказалъ имъ старикъ. «Чего жь трусить удалымъ

Новогородцамъ? Владиміръ! пора—путь не близокъ и не легокъ. Коли ты молодецъ, такъ услышишь добрую вѣсточку!»

Владиміръ всталъ молча, пожалъ руку Буслая, и только промолвилъ: » Прощай, пріятель!»

Буслай опомнился, оглянулся; старика уже не было. Ретивые кони Буслая прозябли отъ холода и били копытами, но Буслай не думалъ объ нихъ, ухватилъ за руку Владиміра и—«Куда ты идешь? вскричалъ онъ—«я съ тобой, и не разстанусь никогда! Вмѣстѣ жить и умирать!

«Я скажу тебѣ, Буслай,» отвѣчалъ Владиміръ, «но знай, что ты можешь идти со мною только тогда, когда захочешь: безъ того моя дорога не доведетъ тебя ко мнѣ. Ты знаешь Бѣсово Городище на берегу Волхова, тамъ,

гдѣ стоитъ избушка, опустѣлая съ давнихъ поръ, откуда въ полночь бѣжитъ всякая живая душа, гдѣ утонулъ Волховецъ? Тамъ скрывается теперь Карельскій кудесникъ—къ нему иду я. Прощай...»

Не успѣлъ Буслай отвѣчать на слова Владиміра, когда Владиміръ былъ уже далеко. «Постой, постой, я за тобою!» вскричалъ Буслай, бросился въ сани и помчался за своимъ другомъ.

=

«Видно, Буслай Григорьевичъ не будетъ сегодня,» говорила няня, снимая со свѣчекъ, и обращаясь потомъ къ додочери тысяцкаго Богдана Аввакумовича, невѣстѣ Буслая.

— Видно что не будетъ, няня! отвѣчала печально невѣста—а безъ него мнѣ не радостно...

«Полно, подруга, печалиться! За чѣмъ ты ушла отъ насъ?» сказала ей молодая дѣвушка. «Пойдемъ допѣвать подблюдныя пѣсни. Тебѣ вынули на добрую пѣсню: *Щучка шла изъ Новагорода*—вотъ твое кольцо.»

—Посмотри—оно распаялось! Буслая еще нѣтъ!—вскричала Марія, и слезы градомъ потекли по блѣдному лицу ея.

«Полно, моя родимая!» отвѣчала няня, «это такъ...»

— Ахъ! няня, и несчастье развѣ не

«такъ» приходитъ? Милая подруга! я приду къ вамъ; поди туда, дай мнѣ вздохнуть на свободѣ!

«Что-то нерадостно эта свадьба идетъ,» шептала дѣвушка, возвращаясь отъ невѣсты къ подружкамъ.

— Няня! дай мнѣ свѣжей воды умыть глаза; не хочу, чтобы гости замѣтили, что у меня глаза покраснѣли отъ слезъ.

«Да, вотъ, матушка, и подблюдныя пѣсни у нихъ, видно, кончились. Слышишь—золото хоронятъ...»

— Хоронятъ! вскричала Марія—кого хоронятъ, няня? Что ты говоришь?

«Что тебѣ мерещится, мое дитятко! Золото хоронятъ, а ты, прости, Господи, и нивѣсь что думаешь! Да вонъ ужь дѣвушки и другую пѣсню запѣли. Экія лепетуньи!»

— Золото! Пропадай все золото на свѣтѣ! говорила Марія—былъ бы мой

милый здоровъ, да счастливъ. Ахъ, няня! слышишь, какую пѣсню запѣли подружки!

Въ это время раздавалась Новогородская пѣсня:

Въ славномъ было Новѣгородѣ,
На большой Славковой улицѣ,
Въ высокомъ теремѣ посадничьемъ,
Сидитъ пригорюнясь красна дѣвица,
Глядитъ она въ окошечко косящетое.
Грусть, тоска горе-горькая
Змѣей сосетъ сердце дѣвицы!
По щекамъ ея горючи слезы
Жемчугомъ перекатнымъ покатилися.
Не мила ей сторонка родимая:
Изъ Москвы къ Новугороду
Вѣсть перепала недобрая!
Прокатилась звѣзда по поднебесью,
Въ тучу палъ свѣтелъ мѣсяцъ...

«Ну, ужь пѣсню выбрали, право, кстати!» сказалъ отецъ Маріи, тысяцкій Богданъ, входя въ комнату, гдѣ сидѣли поѣзжане Буслая и хоръ дѣвушекъ пѣлъ пѣсню. «Аль и красныя дѣвушки

о томъ же думаютъ, о чемъ прожужжали намъ уши у посадника?»

— Нѣтъ, Богданъ Аввакумовичъ! — вскричалъ одинъ изъ поѣзжанъ, веселый старикъ — грѣшный человѣкъ: я упросилъ ихъ спѣть ее; она моя любимая.

«Э! сосѣдъ, на свадьбѣ можно забывать о Москвѣ! Милости просимъ, сватушка,» сказалъ онъ, обращаясь къ дверямъ, въ которыя входилъ въ то время посадникъ Григорій Якуновичъ, отецъ Буслая, «а вотъ невѣста на лицо,» прибавилъ онъ, указывая на дочь свою Марію, въ то же время вошедшую съ няней.

Посадникъ помолился иконамъ, поклонился на всѣ стороны и радостно поглядѣлъ на прелестную невѣсту своего сына. «Поцѣловалъ бы я тебя моя милая, еслибы не побоялся захо-

лодить твое бѣлое лицо замерзлою моею бородою!»

«А вотъ мы ее разогрѣемъ братиною меду!» отвѣчалъ Григорій. «Дѣвушки! пѣсенку заздравную, а ты, няня, добраго медку съ холодку! Садись-ка, сватушка!»

Лейся медъ въ чашу золотую,
Обходи кругомъ, братина круговая!

Гости зашумѣли. Чье сердце не готово выпрыгнуть на ладонь, когда въ головѣ шумно? Но радость посадника и тысяцкаго перемѣнилась въ изумленіе, когда они увидѣли, что жениха не было между боярами.

— А гдѣ жь Буслай? вскричалъ Григорій Якуповичъ.

«Не знаемъ,» отвѣчали поѣзжане, «мы чаяли, что онъ съ тобой пріѣдетъ. Когда поравнялись мы съ дво-

ромъ посадника Ѳеодора, онъ остановился у воротъ, велѣлъ намъ ѣхать и хотѣлъ догнать насъ — мы ждали его здѣсь...»

Сердце посадника вспыхнуло. — Охъ, вы бражники, гуляки! Да, что жь вы безъ него? — Стрѣлы безъ лука! — Гдѣ Буслай? вскричалъ онъ громко. Дѣвушки замолчали и невѣста поблѣднѣла, какъ полотно.—Я не видалъ его у Ѳеодора, да и что ему тамъ дѣлать!

«Да, онъ не спѣшитъ къ невѣстѣ,» сказалъ съ насмѣшкою тысяцкій Богданъ. «Смотри, сватъ, не за старое ли взялся Буслай!»

— Сватъ! не коли мнѣ глаза ложкой, которой кормишь. Буслай удалая голова, да ретивое у него доброе, а иной и смиренъ, да черна душа его. — Быстрый взоръ посадника обратился на Родислава, брата невѣсты.

«Да, гдѣжь загулялся твой Буслай?»

— Загулялся! Можетъ быть... Охъ! вѣщее, вѣщее! сильно ты бьешся! сказалъ посадникъ, сѣлъ на лавку и закрылъ лицо руками. Всѣ молчали.

«Сватъ! не сердись!» сказалъ добродушно посадникъ, протягивая руку къ Богдану. «Стараго не поминать—было не было! Человѣкъ въ руцѣ Божіей. Эта охота до лихихъ коней... Можетъ быть... я боюсь... Буслай не даромъ не пришелъ...»

Какъ ни осторожно сказалъ эти слова посадникъ, но Марія слышала ихъ; ноги ея подкосились; она безъ чувствъ упала на руки нянѣ; дѣвушки бросились помогать ей.

— Прощай, сватъ — сказалъ посадникъ Григорій, и схватя шапку свою, спѣшилъ вонъ. За нимъ въ безпорядкѣ

поскакали поѣзжане, а отецъ невѣсты задумчиво сѣлъ на лавку и не говорилъ ни слова. Густыя брови его закрыли глаза и мрачныя думы стѣснились въ душѣ.

=

Но гдѣ же Буслай? За чѣмъ онъ забылъ, оставилъ невѣсту? За чѣмъ допустилъ слезамъ катиться изъ ея прекрасныхъ глазъ?

Быстро помчался Буслай за другомъ своимъ Владиміромъ. Ему казалось, что онъ видитъ его передъ собою, что Владиміръ идетъ отъ него не вдалекѣ, но напрасно борзые кони, понуждаемые сильною рукою, скакали во весь опоръ: Владиміръ все казался впереди. Вотъ повѣялъ вѣтерокъ, поднялъ перелетный снѣгъ по дорогѣ, становился сильнѣе, сильнѣе, и началъ взвивать мятелицу вокругъ Буслая. Кони его пышутъ, скачутъ. Буслай хочетъ остановить ихъ. Нѣтъ, они бѣгутъ, не по дорогѣ, изъ сугроба въ сугробъ; домы мелькаютъ мимо; Божьи церкви застилаетъ вихрь, взвѣваемый сильнымъ вѣтромъ. Буслай не робѣетъ. Вотъ онъ видитъ себя на берегу Волхова; кони несутъ его въ

рѣку; съ крутаго берега покатились сани прямо на ледъ и полетѣли вдоль рѣки. Буслай не узнаетъ мѣста. Съ одной стороны лѣсъ; на луговой сторонѣ разстилается снѣговое поле—ни жилья, ни домика. То, какъ холмы, воздымаются предъ Буслаемъ снѣговые сугробы; то онъ падаетъ съ конями въ ухабы; холодъ проникъ въ молодецкую грудь: Буслай спрыгнулъ съ саней, идетъ подлѣ, хлопаетъ рукавицами, желая согрѣться, и каждый ударъ глухо отзывается въ лѣсу. Но вотъ, онъ смотритъ: стоитъ на берегу избушка; въ ней свѣтится огонекъ—туда, туда, обогрѣться у добрыхъ людей! Буслай беретъ подъ узду своихъ коней, которые въ пѣнѣ, выбившись изъ силъ, едва идутъ, едва переступаютъ по глубокому снѣгу.

Избушка совсемъ опустѣлая. Кругомъ заборъ обвалился, дворъ разгороженъ, крышка упала; огонекъ въ окошкѣ, то

мелькнетъ, то пропадетъ. Буслай хочетъ постучаться въ двери, останавливается; въ избушкѣ тихо, въ лѣсу тихо. Вдругъ изъ-за лѣса, какъ отдаленный вздохъ времени, раздался гдѣ-то вдали, звонъ колокола, точно по похоронному. Одинъ ударъ... и все замолкло!

«Думалъ ли я,» сказалъ Буслай, «быть этотъ вечеръ въ такой глуши! Да, чего жь бояться? Двухъ смертей не будетъ, одной не миновать!» и сильно ударилъ онъ въ двери...

— Кто тамъ? раздался грубый голосъ.

«Отвори!» закричалъ Буслай, и не съ другаго толчка дверь заскрыпѣла, точно, какъ немазаное колесо.

Чуть мелькаетъ ночникъ на столѣ, а на лавкѣ за столомъ сидитъ старикъ и точитъ ножикъ на брускѣ.

Ни добраго слова, ни ласковаго при-

вѣта, молчитъ, да точитъ. Устремивъ глаза на старика, остановился Буслай.

«Что ты человѣкъ, аль бѣсъ?» сказалъ онъ старику. Тотъ молчитъ и сидитъ.

«Говори, старый хрычъ, на что ты точишь ножикъ, а не то...» Буслай поправилъ рукавицу на правой рукѣ.

Старикъ сверкнулъ на него глазами и уродливо захохоталъ. — Тебѣ подарить! — сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.

«А ты кто, старое чудище?»

— Возми мой подарокъ, такъ я скажу тебѣ! Видишь: каковъ булатный ножикъ? Каково лезвее? — Старикъ дернулъ по бруску — такъ и брызнули искры.

«Душегубецъ! кто даритъ добраго человѣка ножемъ? Я тебя узнаю поближе...

И перекрестившись, Буслай размахнулся съ богатырскаго плеча.

Вдругъ пронзительный, страшный хохотъ раздался по лѣсу; половина избушки повалилась; огонь исчезъ, старикъ пропалъ; сквозь полое окно задулъ свѣжій вѣтерокъ, и лучи мѣсяца освѣтили опустошенную избушку на Бѣсовомъ Городищѣ!

Еще разъ перекрестился Буслай. Онъ ищетъ дверей, но какія двери: косяки вывалились, ставня нѣтъ! Скорѣе на свободу, на Божій свѣтъ! Буслай идетъ, и передъ нимъ стоитъ человѣкъ, блѣдный, дрожитъ, какъ осиновый листъ — Владиміръ.

«Братъ Владиміръ!» вскричалъ Буслай, «ты ли это, или еще бѣсовское обаяніе со мною?»

— Я, отвѣчалъ Владиміръ слабымъ

голосомъ. Ради Христа, выведи меня. Я чуть не погубилъ свою душу...

«Братъ! что ты говоришь? Съ нами крестная сила! Пойдемъ отсюда. Мы недалеко отъ Новагорода.»

Свѣжій вѣтеръ обвѣялъ Владиміра, когда они вышли изъ избушки, и Владиміръ вздохнулъ свободно. Буслай сжалъ его въ своихъ объятіяхъ.

«Владиміръ!» сказалъ онъ робко, «боюсь не за себя, а за тебя. Мудрость человѣческая близка къ безумію. Что ты сдѣлалъ съ собою? Не предалъ ли ты себя врагу людей и Бога?»

— Нѣтъ! нѣтъ! Но страшно мнѣ видѣлось... Я не помню всего... Черный котъ бѣжалъ передо мною до самой избушки и вскочилъ прямо въ нее. Я взялъ три камня съ каменки; передо мною забѣгали чудищи... Вѣнецъ... са-

ванъ... гробъ! Я очнулся отъ твоего богатырскаго голоса... Ты спасъ меня!

Они свели сани Буслая на Волховъ и поѣхали въ Новгородъ. Буслай не спрашивалъ своего друга и только погонялъ коней.

=

Уже былъ третій часъ дня. Народъ толпами валилъ съ Софійскаго вѣча и дорогою шумно разговаривалъ о томъ, что было рѣшено на вѣчѣ. Тихо, сложивъ руки, шелъ на дубовое крыльцо своего дома посадникъ Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ. Сумрачное неудовольствіе изображалось на лицѣ его. Первый, кто встрѣтился ему, только что онъ отворилъ дверь, былъ посадникъ Григорій, отецъ Буслая.

Горестно покачалъ головою Ѳеодоръ. «Богъ тебѣ судья!» сказалъ онъ, «до чего ты довелъ меня на старости! Позоръ землѣ Новогородской! Старѣйшій посадникъ неволею принужденъ къ дѣлу, противному его совѣсти. Новогородцы! Новогородцы! Горе вамъ, по Божію слову, когда старый другъ мой забылъ меня...»

— Нѣтъ, сказалъ Григорій, рука Бо-

жія тяготѣетъ надъ Новгородомъ, но не упрекай меня, Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ! Когда бы ты зналъ, что доспѣлось со мною въ послѣднее время, ты не упрекалъ бы меня! Я сниму тебѣ со стѣны икону, что я не виноватъ въ перемѣнчивости, въ буйствѣ Новогородцовъ. Выслушай меня...

«Выслушай, узнай сперва, что послы Князя Московскаго нежданно и гордо явились сегодня на вѣчѣ, что они высказали всѣ жалобы Князя на Новгородъ, и не дожидаясь отвѣта, бросили народу крестоцѣловальныя наши грамоты. Они грозили намъ огнемъ и мечемъ—и тѣ люди, которые вчера пуще другихъ храбрились на совѣтѣ, замолкли, поблѣднѣли... Рука Москвы явно высится надъ нами. Новгородъ падаетъ. Напрасно вышелъ я говорить съ ними; противъ меня возстали всѣ; напрасно твердилъ я имъ о силѣ на-

шей, о честныхъ условіяхъ съ Княземъ Московскимъ; говорилъ, что самосудъ нашъ долженъ быть уваженъ Княземъ—покорность безъ условій или погибель! былъ отвѣтъ Московскихъ пословъ, и народъ принялъ все! Князь Патрикій и не явился на вѣче! Тебя не было... Гдѣ ты былъ? А сватъ твой, тысяцкій Богданъ, первый склонился на сторону Москвичей, и мнѣ, посаднику Новагорода, міромъ опредѣлено ѣхать въ Заволочье, сбирать дань, самому отвезти ее въ Москву и молить Князя помиловать насъ!».. Посадникъ поднялъ руки къ образу и слезы потекли изъ глазъ ето.

— Тяжело твое страданіе, но не вини меня! Я потерялъ вчера моего сына, моего удалаго Буслая. Онъ ѣхалъ къ невѣстѣ своей и Богъ знаетъ куда пропалъ! Мы размолвили съ сватомъ, и всю ночь, какъ полоумный, бѣгалъ я по

Новугороду—Буслая нигдѣ не было! Когда заблаговѣстили къ заутрени, и я самъ не зналъ что дѣлать, у воротъ стукнули въ кольцо: то былъ Буслай, на любимыхъ коняхъ своихъ, весь въ снѣгу, какъ полусонный; кони его были въ пѣнѣ, измучены, и пали посреди двора, а онъ не поклонился и отцу своему, не сказалъ словечка—спитъ и теперь безъ пробуду, и Богъ знаетъ что съ нимъ будетъ! Онъ еще не знаетъ своего горя: рано поутру сватъ Богданъ прислалъ ко мнѣ сказать, что не хочетъ уже отдать своей Маши за моего Буслая, за буяна, за пьяницу, который прогуливаетъ ночи нивѣсь гдѣ! Буслай спалъ, да выспалъ горе! Маша не переживетъ этого, да что отцу ея до горя дочери!.. Вини меня послѣ того, что я не былъ на вѣчѣ.»

Ѳеодоръ успокоился и началъ утѣшать своего друга: «Все минется,» го-

ворилъ онъ, «подумаемъ о судьбѣ Новагорода. Не Новогородецъ тотъ, кто помнитъ о своей бѣдѣ, когда бѣда виситъ надъ вѣчемъ Новогородскимъ! Еще не все погибло...»

Они ушли въ тайную каморку.

=

Между тѣмъ Новгородъ былъ въ волненіи. И было отъ чего: дѣла Новогородцовъ никогда еще не достигали до такого стѣсненнаго положенія. Еще сто лѣтъ послѣ сего времени Новгородъ называлъ себя вольнымъ городомъ, но, мощною рѣшительностью Димитрія, Москва въ первый разъ колебала такъ сильно основанія силы Новогородской.

Побѣда на берегахъ Дона возвысила Димитрія передъ всѣми князьями Россіи. Тверь и Нижній-Новгородъ, склоненные предъ его могуществомъ; граница Московскаго княжества, далеко заброшенная на сѣверъ; униженіе Рязани, нерѣшительная борьба Олгерда Литовскаго съ Димитріемъ, все давало мужественному Князю первенство послѣ его славнаго подвига. Новогородцы, всегда готовые на дѣло славное и великое, сами пришли къ Димитрію на

Куликово поле; кровь гражданъ Новогородскихъ и посадника ихъ залила бѣшеную ярость Монголовъ, но не взрастила счастія для Новагорода! Черезъ два года Москва сдѣлалась пепелищемъ отъ руки Тохтамыша. Тяжкая дань обременила всѣ княжества Русскія. Гордый Новгородъ, готовый дать руку на брань, не хотѣлъ нести дани Татарамъ. Новогородцы думали, что съ паденіемъ Москвы ударилъ часъ ихъ свободы.

Посадникъ Ѳеодоръ явно потребовалъ на вѣчѣ отреченія отъ зависимости Князю Московскому, а посадникъ Григорій призванія въ Новгородъ Литовскаго князя Патрикія, воина смѣлаго и человѣка хитраго. Новогородцы согласили оба предложенія, объявивъ свой самосудъ отъ Москвы и призвавъ князя Патрикія. Олгердъ обѣщалъ имъ защиту, но П-

трикій пріѣхалъ въ Новгородъ не защищать его. Новгородъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ начало гибельной усобицы; приверженцы Москвы, съ тысяцкимъ Богданомъ, свободные Новгородцы, сообщники Патрикія крамольничали и вадили другъ на друга.

Не знаю о томъ ли говорили между собою посадники Ѳеодоръ и Григорій, но на другой день Ѳеодоръ отправился съ дружиною въ Заволочье, а сынъ его Владиміръ поспѣшно собрался, и отслуживъ молебенъ въ соборной церкви, бросился въ сани и поскакалъ поспѣшно изъ Новагорода.

=

Чуть брежжился востокъ раннимъ разсвѣтомъ, и Владиміръ задумчиво смотрѣлъ на домы и церкви Новогородскія, въ темнотѣ мелькавшіе мимо него. На улицахъ не было ни одной живой души. Онъ поровнялся съ жилищемъ Ганзейскихъ купцовъ, когда изъ подъ темнаго подъѣзда этого обширнаго зданія выбѣжалъ человѣкъ, и крѣпкою рукою остановилъ коней Владиміра.

«Стой, бѣглецъ!» закричалъ неизвѣстный, «не проѣтясь добрые люди не ѣздятъ въ дорогу!»

— Буслай! ты ли это? вскричалъ Владиміръ и бросился въ объятія своего друга.

«Заворoти коней во дворъ!» сказалъ Буслай—«тамъ весело!»

Владиміръ поглядѣлъ на своего друга. На немъ не было шапки; на распашку кафтанъ, кушакъ который воло-

чилъ онъ на землѣ, удивили Владиміра.—Буслай! что ты дѣлаешь? сказалъ онъ.

«Гуляю! Мнѣ надоѣли ваши постныя рожи. Смотри, какое веселье у нашихъ Нѣмцовъ! Пойдемъ, пойдемъ!»

Грустно пошелъ за нимъ Владиміръ. Они вошли въ обширную комнату, гдѣ все доказывало, что разгульные товарищи пируютъ съ самаго вечера. Нѣсколько Нѣмцовъ и молодыхъ Новогородцовъ пѣли и плясали, переодѣтые, въ харяхъ; разбитыя рюмки и стаканы, разбросанныя одежды, чаши, смѣсь Нѣмецкихъ и Русскихъ пѣсенъ, смѣхъ, хохотъ, звуки гуслей, показали Владиміру дикое веселье, какому предавались Буслай и его товарищи.

Остановясь у порога, и съ ужасомъ смотря на буйство друга, Владиміръ не понималъ: во снѣ, или на яву онъ это видитъ?

«Трусъ!» вскричалъ Буслай, «чего ты испугался? Это вѣче Новогородское, все будущіе посадники, и также славно управятся съ Великимъ Новгородъ, какъ управляются теперь съ чашами!»

— Буслай! такъ ли дѣлаютъ добрые люди...

«Убирайся съ добрыми людьми! Пей прощальную чашу! Не прошу тебя пировать съ нами — поѣзжай, вольный Новогородецъ, бить челомъ боярамъ Московскимъ!»

— И какіе товарищи съ тобою!

«Тѣ же, какихъ мы видѣли съ тобой на Бѣсовомъ Городищѣ! Тамъ они сердились, здѣсь веселятся, а до христіанской души они и здѣсь также охочи— того и смотрятъ, какъ бы подцѣпить...»

— Буслай! вскричалъ Владиміръ, схватя его за руку—ты губишь себя!

«Нѣтъ! эту работу приняли на себя другіе! Твой, да мой отецъ хитрили, ладили и привели Новгородъ на стыдъ и посрамленье, а тысяцкій Богданъ, да добрые люди тоже сдѣлали съ Буслаемъ! Да нѣтъ! Буслай покрѣпче Новагорода... Товарищи! качнемъ гулевую!»

— Ради Бога! вскричалъ Владиміръ, если ты еще меня любишь, дай мнѣ поговорить съ тобою!

Буслай замолчалъ. Владиміръ потащилъ его изъ комнаты. Они вышли за ворота.

— Ты гибнешь, Буслай! сказалъ Владиміръ—и знаешь самъ, что гибнешь! Я хочу спасти тебя...

Презрительно улыбнулся Буслай. «Ты? Меня? Спасибо за доброе намѣреніе, да трудно, братъ, сдѣлать что ты сказалъ. Кто отдастъ старую честь Но-

вугороду? Кто смоетъ посрамленіе съ самого меня? Кто отдастъ мнѣ мою Машу? Машу!..» Слезы насильно брызнули изъ глазъ Буслая; онъ упалъ въ объятія Владиміра и зарыдалъ громко.

— Другъ и братъ—Богъ помощникъ! Не губи только себя!

«Нѣтъ! прошли мои радости и погибли навсегда! Другъ! Машу отдаютъ за какого-то Московскаго воеводу—ей не пережить этого, да и мнѣ не къ чему оставаться на бѣломъ свѣтѣ! Когда не боялся бы погубить себя и въ томъ свѣтѣ, тогда суди бы меня Богъ—наложилъ руки на себя!..

— Но подумай о своемъ отцѣ! Такое ли утѣшенье ему на старости!

«Эхъ, Владиміръ! чужую бѣду я и самъ руками разведу... Да, брось меня—что тебѣ! Куда ты? Въ Москву?»

— Въ Москву—отвѣчалъ Владиміръ,

потупляя взоры — тамъ есть у Димитрія такая заноза...

«Сынъ тысяцкаго Вельяминова? И ты, Новогородецъ, ѣдешь такаться съ возмутителемъ? Это ли совѣты отца твоего? Такъ ли дѣлать надобно?»

— Я не хочу съ нимъ такаться. Мы просимъ только его совѣта; онъ человѣкъ бывалой, знающій, онъ можетъ пособить Новугороду. Ты слышалъ, что отецъ мой поѣхалъ за данью...

«Такъ прощай же, вольный Новогородецъ, пока ты еще не платилъ дани!» вскричалъ Буслай. Онъ оттолкнулъ отъ себя Владиміра и захлопнулъ ворота за собою. Слышно было, какъ запѣлъ онъ веселую пѣсню, всходя на крыльцо.

=

Москва, и не сожженная Татарами, тогда не была еще Бѣлокаменною, а Владиміръ засталъ едва остывшій пепелъ ея. Кромѣ каменныхъ стѣнъ Кремля, чернѣвшихъ среди обширнаго пожарища, кромѣ рядовъ, кое-какъ построенныхъ, только одинъ посадъ былъ застроенъ. Въ Загородьѣ были землянки и бѣдные домы, гдѣ укрывались отъ холода жители. Зарѣчье было кое-гдѣ забросано дворами. Вездѣ торчали обгорѣлыя печи, вереи, столбы; замѣтны были груды, завѣянныя снѣгомъ, и посреди всего немногія сиротѣющія, обгорѣлыя и ограбленныя церкви. Вспомнивъ о великолѣпномъ Новѣгородѣ, невольно подумалъ Владиміръ: «И этотъ бѣдный городъ поборaетъ нашъ Великій Новгородъ?..»

Иванъ Вельяминовъ, котораго всѣ привыкли называть тысяцкимъ, былъ только сынъ послѣдняго тысяцкаго

Московскаго, Василья Васильевича Вельяминова. Привыкнувъ уважать отца, народъ Московскій уважалъ и сына тысяцкаго, еще болѣе заставлявшаго любить себя за веселый нравъ, умъ хитрый, и богатство, котораго онъ не жалѣлъ для веселья другихъ. Бояра часто засыпали у Вельяминова, любившаго угостить вдоволь. Бѣдные люди дрались за пригоршни денегъ, которыя онъ кидалъ въ ихъ толпу, когда собравшись подъ окнами его дома, они напѣвали ему заунывную пѣсню о Бѣдномъ Лазарѣ. Честолюбіе снѣдало Вельяминова. Онъ дѣлалъ добро не для добра, но люди не смотрятъ для чего что дѣлается, и Вельяминовъ былъ важный человѣкъ въ Москвѣ, такъ, что когда во время войны съ Тверью онъ перешелъ къ врагамъ Димитрія, ѣздилъ въ Орду отъ Тверскаго Князя, и послѣ мира съ Тверью возвратился въ Мо-

скву, Димитрій не хотѣлъ, можетъ быть, не смѣлъ наказать его дерзости, и бояре и гостиные люди издалека снимали шапки передъ Вельяминовымъ. Таковъ былъ человѣкъ, къ которому явился Владиміръ. Вельяминовы издавна торговали съ Новогородцами и Ѳеодоръ, старый другъ отца, тысяцкаго Василья, зналъ всѣ тайные помыслы молодаго Вельяминова.

На Лубянкѣ, гдѣ послѣ возвышался домъ храбраго князя Пожарскаго, выстроенъ былъ тогда новый домъ Вельяминова. Владиміръ стукнулъ мѣднымъ кольцомъ у воротъ. Старый дворникъ отворилъ ему, и видя простой нарядъ Владиміра, едва позволилъ ему войдти во дворъ. Хозяина не было дома. Каждый день онъ ходилъ къ заутрени и обѣдни, и тогда еще не возвратился изъ церкви. Владиміръ просилъ позволить ему подождать. Дворникъ ука-

залъ ему на крыльцо и велѣлъ тутъ дожидаться. Владиміръ остановился у рѣзнаго столба, задумался, и не примѣтилъ что вокругъ него дѣлалось. Вдругъ по снѣгу заскрыпѣли сани и остановились передъ крыльцомъ; вверху двери растворились; явилась старушка, въ лисьей шапкѣ, въ длинной шубѣ, и перекрестившись, начала переступать со ступеньки на ступеньку, кряхтя при каждомъ шагѣ. Вдругъ Владиміръ невольно вскрикнулъ и поблѣднѣлъ. Что онъ увидѣлъ? Чего испугался?

Прелестная дѣвушка вышла изъ сѣней и побѣжала по ступенькамъ. Крикъ Владиміра останавливаетъ ее; она глядитъ на него... Вдругъ лицо ея вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло; она задрожала, какъ осиновый листъ, забыла поклониться незнакомцу и бросилась къ старушкѣ, почти безъ чувствъ. «Что

ты, моя кормилица? Что ты, моя голубушка?» говорила старушка. Владиміръ не слыхалъ, что шептала ей въ отвѣтъ дѣвица, и вниманіе его привлекъ высокій, статный мужчина, который въ то время шелъ отъ воротъ на крыльцо.

«Зачѣмъ ты здѣсь, сестра?» спросилъ онъ недовѣрчиво. — Мы ѣдетъ къ тетушкѣ — прошептала робко дѣвушка. Незнакомецъ оборотился къ Владиміру. «А ты зачѣмъ здѣсь, добрый молодецъ?» спросилъ онъ. Это былъ самъ Вельяминовъ.

Отвѣтъ Владиміра прояснилъ лицо его. «Добро пожаловать!» молвилъ онъ ласково и хотѣлъ съ Владиміромъ идти въ сѣни. Вдругъ, откуда ни возмись, черный котъ фыркнулъ, и прямо съ одной стороны крыльца перескочилъ между ними и пропалъ. Какъ варомъ

обдало Владиміра! Вельяминовъ смѣшался, но протянулъ руку и повелъ гостя вверхъ. Они вошли въ сѣни, и потомъ въ особую комнату съ старинными образами, въ золотыхъ ризахъ, съ каменьями. Сѣли. Вельяминовъ спрашиваетъ вѣстей у Владиміра.

Но Владиміръ не зналъ что говорить; онъ мѣшался, краснѣлъ, заикался, и Вельяминовъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Новогородца, которому слыхалъ онъ столько похвалъ за умъ и разумъ его.

Чего испугался Владиміръ? Кошки? Не знаю, но только Вельяминовъ ничего не понялъ изъ рѣчей его, ходилъ съ досадою по комнатѣ, простился очень холодно съ своимъ гостемъ и просилъ его пожаловать завтра.

=

Долго бродилъ по Москвѣ Владиміръ, самъ не зная гдѣ, и очутился на Тверской. Здѣсь толпы народа кипѣли дѣятельностью; домы строили, не смотря на зиму; вездѣ были веселье, пѣсни и работа; только въ душѣ Владиміра не было веселья, и онъ безъ мыслей ходилъ изъ улицы въ улицу. Вдругъ, смотритъ онъ, скачутъ сани, другія, третьи—знакомыя лица! Такъ, онъ не ошибается: Новогородцы, сынъ тысяцкаго Богдана — вотъ дѣлецъ судной избы его—вотъ еще нѣсколько отъявленныхъ враговъ посадника Ѳеодора! Владиміръ скрылся отъ нихъ; сани пролетѣли мимо и исчезли въ толпѣ народа.

=

Назавтра поспѣшилъ Владиміръ къ Вельяминову. Его нѣтъ дома. Онъ уѣхалъ

изъ Москвы, говорятъ Владиміру, и возвратится черезъ три дня.

Печально, запершись въ небольшой комнатѣ, сидѣлъ Владиміръ, и при свѣтѣ лампадки, вечеромъ, читалъ Псалтирь. Вдругъ на улицѣ подлѣ его окошка забрянчало оружіе; слышанъ говоръ людей, слышно, какъ крѣпко стучатъ въ ворота, ломятся въ двери. Владиміръ чуетъ бѣду свою и ждетъ ее. Онъ отворилъ дверь своей горенки. Толпа вооруженныхъ схватываетъ его, куетъ въ желѣзы и ведетъ вонъ. «Новогородецъ! Измѣнникъ!» слышны восклицанія нѣкоторыхъ, и Владиміра влекутъ окруженнаго воинами по Московскимъ улицамъ.

=

«Что за шумъ на улицѣ?» сказала Настасья, сестра Вельяминова. «Смотри, няня, какая куча народа!»—Ахъ! мать

моя, это ведутъ разбойника, злодѣя, Новогородца! — «Новогородца?» вскричала Настасья — «какого Новогородца?» — А помнишь, мы видѣли его, когда ѣздили къ тетушкѣ твоей Афимьѣ Дмитревнѣ, и котораго ты еще такъ испугалась!

Въ то время выѣзды дѣвушекъ были рѣдки. Они составляли важныя эпохи въ ихъ тихой, уединенной жизни. Полгода разговаривала потомъ дѣвушка со своей няней о томъ, что видѣли онѣ въ свой проѣздъ по Москвѣ, кто встрѣчался имъ, что онѣ слышали.

«Няня! что ты говоришь! Онъ разбойникъ? Онъ злодѣй?« вскричала Настасья — «нѣтъ, нѣтъ! онъ добрый человѣкъ! Я знаю его.» — Что ты бредишь, моя радость! Какъ тебѣ знать его? — «Я видѣла его...» — Ты? Одинъ разъ и то испугалась. — «Нѣтъ, не одинъ разъ,

но много разъ—во снѣ его лицо показывалось мнѣ; онъ чудился мнѣ на яву; я его видѣла въ зеркалѣ, когда гадала о своемъ суженомъ, вотъ на послѣднихъ святкахъ!» Настасья заплакала, бросилась къ своей нянѣ, и обнимая ее, говорила: «Нянюшка милая! онъ не злодѣй! Не его провели теперь! Скажи, что не его—я подарю тебѣ парчевой повойникъ...» Изумленная няня крестилась, творила молитвы, и не знала что отвѣчать, чѣмъ утѣшать Настасью, которая плакала и говорила, какъ помѣшанная.

=

Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается. Кто на свободѣ ходитъ, тотъ не знаетъ, какъ тихо проходятъ часы, дни и недѣли для того, кто не дышитъ свободнымъ Божьимъ свѣтомъ, кто заперт въ тюрьму, куда и солнышко, кажется, входитъ украдкой, а люди и заглянуть не смѣютъ.

Уже прошла зима; трава зазеленѣла въ полѣ, рѣки потекли безъ оковъ, а Владиміръ все въ тюрьмѣ, да въ оковахъ. Прошло лѣто, пошелъ осенній дождь; темныя ночи, темнѣе воронова крыла, наступили, а Владиміръ все въ тюрьмѣ. Или Богъ судилъ ему положить голову за Новгородъ? Видно что такъ! Вотъ на Кучковомъ полѣ, въ Загородьѣ, собралась толпа народа; вотъ очистили мѣсто; народъ зашумѣлъ вокругъ Владиміровой темницы, загремѣли темничные запоры, отворились тяжелыя две-

ри — добраго молодца вывели изъ тюрьмы. Народъ смотритъ на Владиміра. Онъ слышитъ, какъ жалѣютъ его молодости, и склонивъ голову на грудь, идетъ между рядами стражи.

Но что это? Зазвонили въ набатъ, на одной, на другой, на третьей колокольнѣ! Смотрятъ — черный дымъ поднялся на улицѣ, вспыхнулъ домъ, горитъ; вотъ другой, вотъ третій! Ударили въ трещотки; народъ всходился; начались шумъ, крикъ; стражу мнутъ, толкаютъ; дымъ разстилается облаками — всѣ бѣгутъ на пожаръ; воины скачутъ, кричатъ... «Господи, благослови!» крикнулъ кто-то подлѣ Владиміра и одинъ изъ стражей полетѣлъ отъ сильнаго удара; другой бѣжитъ, третьяго бьютъ... Толпа и смятеніе увеличиваются! «Бунтъ! Пожаръ!» кричатъ повсюду, и вотъ сильная рука выхватила Владиміра изъ толпы — это Буслай!

«Бѣги скорѣе!» вскричалъ Буслай Владиміру, выдвинувъ его впередъ. Не опомнясь отъ изумленія, Владиміръ бѣжитъ, самъ не зная куда; съ нимъ Буслай и его товарищи; они бросаются въ самое пожарище, бѣгутъ черезъ дворы, черезъ огороды, околицей, но уже слышанъ отвсюду крикъ—народъ, воины скачутъ, бѣгутъ, да гдѣ Москвичу сладить съ Новогородцомъ! Пожаръ усилился; народъ бросился тушить, а Новогородцы поворотили назадъ, обманули преслѣдователей, засѣли между плетнями, и потомъ тихонько начали пробираться. Но въ темнотѣ, въ смятеніи, они ошиблись дорогой, опять попали въ толпу и — что увидѣли!

Прямо передъ ними домъ Вельяминова—вороты раствóрены, дворъ полонъ народа, и сынъ послѣдняго тысяцкаго Московскаго, богатый, гордый Велья-

миновъ, связанный, блѣдный, идетъ между стражею—его ведутъ на Кучково поле. Народъ ломаетъ окна, двери; кладовыя, погреба разбиты—тамъ дѣлятъ деньги; здѣсь пьютъ медъ и вина изъ полуразбитыхъ бочекъ; тутъ рвутъ парчи, богатыя ткани, сукна, штофы, ковры. Владиміръ затрепеталъ и упалъ безъ чувствъ въ руки Буслая.

=

Онъ опомнился и самъ не зналъ гдѣ онъ. Все прошедшее казалось ему мечтою, сномъ. Онъ хочетъ подумать, сообразить что съ нимъ было; видитъ вокругъ себя незнакомыхъ людей. Мысли его смѣшаны; бѣшенство кипитъ въ его груди—онъ опять безъ памяти.

=

Оставимъ Владиміра и посмотримъ, что дѣлалось въ то время, пока онъ былъ въ тюрьмѣ, и что было послѣ того.

Тысяцкій Богданъ узналъ черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Владиміра о посылкѣ его въ Москву. Онъ спѣшилъ отправить въ Москву своего сына съ друзьями, желая подслужиться Князю Московскому. Тогда же Буслай и нѣсколько молодыхъ удальцовъ пропали въ Новѣгородѣ; никто не зналъ, куда они дѣвались. Посланные Богдана донесли Московскимъ боярамъ, что въ Москвѣ живетъ тайно сынъ посадника Ѳеодора. Владиміръ былъ схваченъ. Между тѣмъ, какъ Ѳеодоръ собиралъ дань въ Заволочьѣ, Новгородъ прислалъ отъ себя пословъ просить у Князя Московскаго мира и милости. Униженіе Новогородцовъ казалось рѣшительнымъ. Московскіе бояре отказали во всѣхъ

условіяхъ и требовали покорности безъ всякихъ отговорокъ. Послы поѣхали обратно. Вдругъ получена въ Москвѣ вѣсть, что снова ватаги Новогородцовъ появились на Волгѣ и опустошаютъ селенія и города. Ярославцы, Костромитяне съ трепетомъ повторяли имя Буслая. Въ Москвѣ извѣстились еще о помощи Новугороду, которую обѣщалъ Ягайло, сынъ Олгерда, князь Литовскій. Разгнѣванный Великій Князь велѣлъ схватить Вельяминова; у него нашли граматы Ягайлы, Новогородцовъ, Тверскаго Князя, и Димитрій опредѣлилъ, чего до того времени не слыхивали въ Москвѣ, казнить смертною казнью Вельяминова и Новогородскаго посланника. Вельяминовъ запечатлѣлъ кровью ненависть свою къ Великому Князю, но Владиміръ спасенъ былъ отвагой Буслая и товарищей его.

Тогда объявлена была война Новугороду. Уже никакія предложенія Новогородцовъ не могли защитить ихъ. Димитрій объявилъ, что *будетъ говорить о миръ на Новогородскомъ вѣчѣ*. Со временъ Куликовской битвы не видали такого грознаго ополченія. Области подвластныя Москвѣ, отъ Стародубу до Костромы, отъ Можайска до Мещеры, союзники, даже подданные Новагорода, Торжковцы и Вологжане, всѣ соединились подъ хоругвію Димитрія. Великіе духомъ умѣютъ одушевить, слить въ одно желаніе сердца всѣхъ. Димитрій, побѣдитель Мамая, могъ и умѣлъ показывать силу великихъ талантовъ, какими одарилъ его Богъ на счастіе Руси, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ предавался сильной, порывистой волѣ своей, и не боялся обстоятельствъ, не слушалъ совѣтовъ другихъ. Такъ

онъ разбилъ Бегича на Вожѣ, такъ усмирилъ Тверь, такъ разсѣялъ Мамаевы полчища; и тотъ же Димитрій бѣгалъ отъ Тохтамыша, унижался передъ Олгердомъ. Но не мое дѣло разгадывать тайны историческія: я сказываю вамъ, что было. Теперь Димитрій не слушался робкихъ бояръ своихъ. Въ самый Рожественскій сочельникъ, онъ поклонился Московскимъ чудотворцамъ, простился съ княгинею Евдокіею, и черезъ Фроловскія ворота повелъ войско многочисленное и храброе. Князь Владиміръ Андреевичъ, мудрый Димитрій Вольнецъ и самъ Димитрій предводили имъ. Оно, какъ огненная рѣка, пошло по областямъ Новогородскимъ. Удальцы Новогородскіе рѣзались съ нимъ подъ Торжкомъ, но были разбиты и принесли вѣсть о быстромъ походѣ Димитрія на Новгородъ. Въ день Бого-

явленія Димитрій заслышалъ благовѣстъ Новогородскихъ церквей и велѣлъ остановиться.

=

Новгородъ подобился тогда черной тучѣ, богатой громами и молніями, и повисшей вдали, на краю неба. Рускій боится грозы, пока она не наступила, и безстрашно терпитъ бурю и громы, когда они разразились надъ его головою. Всѣ пять Концовъ Новогородскихъ сошлись на главное вѣче въ Ярославлемъ Дворѣ. Робкіе умолкли при голосѣ храбрыхъ. Всѣ ждали съ часу на часъ, что прискачетъ къ нимъ гонецъ отъ Ягайлы Литовскаго. Посадникъ Ѳеодоръ, посадникъ Григорій говорили народу, и всѣ тихо слушали почетныхъ сановниковъ. Вдругъ видятъ князя Патрикія Паримантовича, скачущаго на конѣ. Онъ всходитъ на вѣче и говоритъ народу, что грамата отъ Ягайлы получена. «Ягайло идетъ къ намъ на помогу!» вскричали тысячи голосовъ.

«Нѣтъ!» отвѣчалъ Патрикій, и мер-

твое молчаніе ужаснуло всѣхъ. «Ягайло пишетъ Новугороду, что онъ станетъ уговаривать Князя Московскаго помиловать Новогородцовъ, совѣтуетъ вамъ покориться, говоритъ, что ему недосугъ помогать вамъ. Онъ теперь въ Вильнѣ. Онъ женился на Ядвигѣ, Королевѣ Польской, принялъ Латинскую вѣру, крестить своихъ Литовцовъ и желаетъ Новугороду здравія и душевнаго спасенія!» Патрикій отдалъ грамату посадникамъ и печально сѣлъ въ сторонѣ. Всѣ молчали. Никто не смѣлъ высказать другому своего горя и ужаса.

Вдругъ раздвинулся народъ. Съ Старо-Русской дороги скачетъ отрядъ воиновъ. Они сходятъ съ коней, идутъ на вѣче, и посадникъ Григорій, съ горестнымъ изумленіемъ, узнаетъ Буслая и удалую дружину его, храбрыхъ Новогородцовъ. Буслай кланяется въ ноги

отцу, кланяется въ поясъ всему народу, и подходитъ подъ благословеніе архіепископа Алексія, который тутъ же засѣдалъ съ посадниками и тысяцкими. «Государь батюшка!» говоритъ Буслай, «прости твоего сына за его непослушаніе къ тебѣ! Народъ Новогородскій! прости своего соотчича, что онъ на перекоръ вѣчевой думѣ бился съ Москвичами! Владыко! благослови меня на слово къ народу!»

Какъ легкомысленъ бываетъ народъ, какъ быстро переходитъ онъ отъ уныніи къ ярости, какъ сильно дѣйствуетъ на него примѣръ рѣшительности и храбрости! Тѣ же Новогородцы, за одно мгновеніе молчавшіе, какъ будто могила, оживились и громко воскликнули: «Говори, Буслай Григорьевичъ! Новгородъ слушаетъ тебя.»

«Говорить много нечего, вольные Но-

вогородцы! Заварили мы кашу, такъ не надобно жалѣть масла! Нашъ Литовскій храбрецъ сидитъ пнёмъ на вѣчѣ (онъ указалъ на Патрикія); Князь Московскій въ двадцати верстахъ; посадники думали, когда бѣда была за горами, а не знаютъ что дѣлать, какъ она стала за плечами. Скажите, Новогородцы: правы ли мы были тогда, какъ объявили самосудъ отъ Князя Московскаго?»

— Правы! правы! кричали всѣ.

«Гласъ народа, гласъ Божій. Но мы не правы были, когда мы сносились съ Литовцами, когда приняли къ себѣ князя Литовскаго и дали ему удѣлъ; мы не правы были, когда жгли города и посады Димитрія, когда не хотѣли платить ему законной дани. Слушайте, Новогородцы: часъ суда Божія наступаетъ! Станемъ за правое, откажемся

отъ неправаго. Намъ некогда и нечего думать. Пошлемъ еще къ Князю Московскому — благо, онъ теперь недалеко, но пошлемъ не серебромъ подкупать его бояръ, а сказать самому Князю: мы согласны заплатить тебѣ за все, только не трогай нашихъ правъ, нашей вольности! Мы вышлемъ Литовцовъ въ одну сторону, да и ты ступай въ другую. Мы будемъ подвластны тебѣ, да и ты будь намъ не врагомъ, а другомъ. Согласится онъ — чего же хотѣть болѣе! Не согласится — умремъ за Святую Софію! Пойдемъ рѣзаться въ станъ его — ждать нечего и некогда! Сами запалимъ Великій Новгородъ! Все равно, и безъ того Димитрій оставитъ на мѣстѣ его однѣ головни, какъ оставилъ на мѣстѣ Торжка!»

— Умремъ за Святую Софію! закричали всѣ Новогородцы! Право слово Буслая!

«Но кто же пойдетъ къ Князю Московскому!»

Молчаніе снова. Буслай кланяется архіепископу. «Владыко Новогородскій! Кому говорить съ княземъ, кромѣ тебя? Иди, а насъ благослови умереть за великій нашъ Новгородъ!»

Дряхлый старецъ всталъ, благословилъ Буслая, поднялъ очи и руки къ небу и произнесъ только: «Иду! Буди воля Господня!»

— Да будетъ тако, да будетъ тако! восклицалъ народъ. Умремъ за Святую Софію! — Посадникъ Григорій обнялъ своего сына и заплакалъ.

=

Рано поутру на всѣхъ церквахъ Новагорода зазвонили во вся. Молодые спѣшили съ оружіемъ на площади и за городъ, а старцы, жены и дѣти въ Божіи храмы, со слезами молиться за отчизну. Огни загорѣлись вокругъ города и воины Новогородскіе ждали торжественнаго шествія.

Московскій станъ стоялъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Уже удальцы съ обѣихъ сторонъ выскакивали въ поле, бились, зачинали драку. Звонъ колоколовъ, толпы народа около города, все показывало нѣчто необыкновенное. И вотъ видятъ: по Московской дорогѣ валитъ народъ, остановился; отъ него отдѣляется толпа иноковъ, священниковъ; самъ архіепископъ впереди ихъ, съ хоругвями и иконами, при торжественномъ пѣніи: *Спаси, Господи, люди твоя!* идетъ тихо, медленно, величе-

ственно. Всѣ Московскіе воины высыпали изъ табора, смотрятъ, дивятся. Духовенство, избранные Новогородцы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ воиновъ, вступаютъ въ таборъ; ихъ ведутъ въ ставку самого Димитрія.

=

«Новгородъ! Новгородъ! что съ тобою будетъ!» думалъ Буслай, опершись на сѣкиру и неподвижно смотря на Московскій таборъ. «Или пробилъ часъ твой? Или ты запустѣешь подъ мечемъ Москвы, и только груды развалинъ будутъ означать мѣсто, гдѣ ты красовался своими церквами, славился своими дѣвами, гордился юношами и гремѣлъ богатствомъ и честью!»

—По дорогѣ Московской скачутъ! закричалъ сторожевой. «Станъ Московскій зашевелился!» кричитъ другой. Всадники Новогородскіе мчатся назадъ! проговорилъ конникъ. Онъ скакалъ во весь опоръ въ городъ. Что? Что?» спрашиваютъ его со всѣхъ сторонъ. — Погибель Новугороду! отвѣчаетъ онъ—все напрасно! Разгнѣванный князь не беретъ дани, нейдетъ на договоры! — «Чего жь хочетъ онъ?» спрашиваетъ не-

терпѣливый Буслай. — Твоей головы, всѣхъ зачинщиковъ бунта въ свою волю, уничтоженія самосуда, или—погибели Новугороду!

«Такъ погибни же, Новгородъ!» вскричалъ одинъ Новогородецъ, и схватя головню изъ разведенныхъ огней, кинулъ на соломенную крышку своего дома! «Погибни!» закричали другіе — и все предмѣстіе вспыхнуло; красный огонь зашумѣлъ столбомъ и багровое зарево освѣтило таборъ Московскій. Въ городѣ начался шумъ. Всѣ въ отчаяніи бросились къ оружію: «Въ таборъ Московскій!» кричалъ народъ—«умремъ за Святую Софію!» — Гдѣ Буслай? спрашивали воины и воеводы передоваго отряда. Ему поручено было начальство, но Буслай уже былъ далеко.

Онъ и удалая дружина его, не отста-

вавшая отъ него, прискакали уже въ станъ Московскій, бросили оружіе и требовали свиданія съ Княземъ Московскимъ. Ихъ повели въ ставку Димитрія между рядами воиновъ, готовыхъ на брань.

Что увидѣлъ тамъ Буслай? Великій Князь Московскій, въ бархатномъ кожухѣ, съ золотыми петлями, въ вѣнцѣ, стоялъ по срединѣ. Высокій, дородный, съ быстрыми, свѣтлыми очами своими, окруженный безмолвнымъ сонмомъ князей и бояръ, онъ казался грознымъ судіею. Предъ нимъ, съ потупленными взорами стояли Владыко, посадники и житые люди Новагорода, и на колѣняхъ Владиміръ, сынъ посадника Ѳеодора. Онъ прискакалъ изъ Москвы, не явился въ Новгородъ, узналъ всѣ происшествія, и спѣшилъ предать себя въ руки

князя, какъ преступникъ, уже осужденный имъ на смерть.

«Кто вы, буйная толпа?» спросилъ гнѣвно Димитрій, видя входящую дружину Буслая.

— Надежа-Государь! отвѣчалъ Буслай, низко преклоняясь — ты видишь Буслая, который жегъ и грабилъ Ярославль, когда вѣче уже опредѣлило покориться тебѣ; ты видишь виновника Московскаго смятенія, видишь Новогородца, котораго головы ты требовалъ, и я приношу тебѣ мою голову! Юноша, сынъ посадника Ѳеодора, невиноватъ. Онъ былъ посланъ отъ Новагорода умилостивить тебя и я спасъ его отъ плахи! Вотъ и всѣ мои товарищи!

Изумленный Димитрій быстро посмотрѣлъ на Буслая. «Много ли у тебя въ запасѣ головъ, что ты такъ милости-

во даришь ими! Измѣнникъ! что побудило тебя на раззореніе и погибель?»

— За Новогородцовъ, Государь, я жегъ твои города, и за нихъ умру теперь! Бери сколько хочешь казны и оставь Новгородъ на его судъ! Мы отказываемся отъ Литвы; мы будемъ тебѣ покорны! Не то, смотри что дѣлаютъ Новогородцы! Онъ откинулъ полу шатра княжескаго – вдали видны были полки Новогородскіе, готовые въ бой, и пламень пожара окровавлялъ пасмурное небо.

Димитрій задумался. Тогда сѣдовласый владыка Новагорода, старецъ Алексій упалъ на трепещущія колѣна свои и воскликнулъ: «Сердце царево въ руцѣ Твоей! Господи! вложи ему мысль благую и милостивую!» И добрый князь Димитрій умилился. Онъ

заплакалъ самъ и обратился къ образу. «Боже великій!» сказалъ онъ. «Ты слышишь человѣка въ день печали его, да не до конца погибнетъ! Новогородцы!» воскликнулъ онъ — остановился на мгновеніе, и прибавилъ тихо: «Да проститъ васъ Богъ, какъ я васъ прощаю! О, еслибы вся Русь была такъ сильна духомъ, какъ вы, не тяготѣло бы иго темнаго царства надъ православными!»

Всѣ пали къ ногамъ его, всѣ, кромѣ Владиміра, Буслая и друзей его — они стояли, какъ осужденные. «Великъ и милостивъ князь всея Руси!» воскликнули Новогородцы и бояре Московскіе, но они умолкли, когда Димитрій задумался и обратился къ Буслаю. «Буслай!» сказалъ онъ, «скажи мнѣ правду, какъ передъ страшнымъ престоломъ Божіимъ: не ужели ты не каешься, что за-

пятналъ руки кровью христіанскою?»

— Нѣтъ! сказалъ Буслай — прости меня, Государь Князь Великій—впередъ не буду, коли ты обѣщаешь быть добръ и милостивъ къ Новугороду! А что было, въ томъ укора нѣтъ — я былъ не убійца, не тать! Честнымъ боемъ сражался я, и если ты находишь вину на мнѣ—вели казнить! Милуешь, такъ милуй, не вспоминая прошедшаго. Кто Богу не грѣшенъ и князю не виноватъ!

«Правда твоя!» сказалъ Димитрій улыбаясь. «Исполать тебѣ—драться ты удалъ, да и въ отвѣтѣ не робѣешь! Да только смотри — впередъ не попадайся, и особливо не приходи ко мнѣ въ Москву съ своимъ *самосудомъ*, а старое забудемъ—прощаю всѣхъ васъ! Тушите пожаръ и ждите меня въ Новгородъ, какъ званаго гостя!»

=

Радость разлилась по табору. «Пощада, милость Великаго Князя Новугороду!» Сіи слова понеслись вихремъ въ городъ. И старцы, жены, дѣти со слезами встрѣтили владыку Алексія, посадниковъ и Буслая съ дружиною. Всѣ цѣловались, обнимались, какъ братья; богатые прощали долги бѣднымъ; дѣти лепетали: «Князь Московскій не сердится!» и Московскіе воины помогали тушить пожаръ.

Съ горя пьетъ Рускій, какъ не выпить на радости! Поблагодаря Бога въ соборномъ храмѣ святой Софіи, толпа повалила къ посаднику Григорію, который жилъ близко. Выкатили бочки меду и Сентябрьскаго пива, раздали ковши и—пошла гульба!

Посадники обнимались и радовались, когда вошелъ смиренно и сталъ подлѣ

дверей тысяцкій Богданъ. «Добрые люди!» сказалъ онъ, кланяясь имъ низко, «простите меня грѣшнаго! Покривилъ душею—не помяните стараго! Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ! Григорій Якуновичъ!»

Кто помнитъ обиду, когда сердце хочетъ выскочить отъ радости! Всѣ обнялись, а Буслай вспрыгнулъ съ лавки и бросился въ ноги къ отцу, когда тотъ потребовалъ у Богдана руки дочери его своему сыну. Скоро въ домѣ Богдана застучали въ тазы и въ сковороды. «Братъ Владиміръ обними меня,» сказалъ Буслай, «да не кручинься! Вѣдь и твоя зазноба въ Новѣгородѣ,» сказалъ онъ ему шопотомъ. «Настасья Вельяминова уѣхала изъ Москвы съ матерью, когда узнали онѣ, что близко погибель тысяцкаго Московскаго. У нея осталось еще животовъ столько, что есть чѣмъ позвенѣть въ уши отца тво-

его. Но поѣдемъ поскорѣе къ Машѣ—у меня ретивое изныло съ горя!»

На другой день князь Димитрій пріѣхалъ въ Новгородъ. Его приняли съ почестью и почетомъ, вынули изъ Софійской казны 3000 рублей и поднесли ему на серебряныхъ блюдахъ, а 5000 собрали послѣ и послали въ Москву, вмѣсто прощальнаго гостинца. Новгородъ остался по старому. На отъѣздѣ добраго, милостиваго князя Новогородцы гуляли, какъ гуляютъ Рускіе. А тамъ что? Богатымъ не пиво варить, не вино курить. Буслай, какъ соколъ, поѣхалъ съ Машей къ вѣнцу, а потомъ, возвратясь домой, засѣли за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣствы медовыя. И старухи пошли плясать, когда дружка доложилъ, что на столъ поставили куря съ калачемъ и съ солонкой. Гости усмѣхнулись и шумно

выпили за здоровье жениха съ невѣстой по доброй братинѣ заморскаго вина.

1826 г.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОВѢСТИ

ИВАНА ГУДОШНИКА.

II.

ПОВѢСТИ

ИВАНА ГУДОШНИКА.

СОБРАННЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К°.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 10 января, 1843 года.

Цензоръ, *П. Корсаковъ.*

СТАРИННАЯ СКАЗКА

о

СУДЬѢ ШЕМЯКѢ,

съ

НОВЫМИ ПРИСКАЗКАМИ.

Въ одномъ большомъ селеніи, далеко отъ Москвы Бѣлокаменной, не знаю только въ право, въ лѣво на югъ, западъ, сѣверъ, востокъ, вкось или прямо, подъ вечерокъ, лѣтомъ, когда солнце западало за дальнія горы, сидѣли нѣсколько мужичковъ на улицѣ, подлѣ дома. Сидѣли они на завалинѣ, которою обваленъ былъ домъ, для того, чтобы зимою не пропускать подъ полъ избы лихаго, сиваго Русскаго мороза, а лѣтомъ мо-

жно было гдѣ посидѣть и побесѣдовать, о томъ, о семъ, *а чаще ни объ чемъ*. Еслибы мнѣ было теперь досужно, разсказалъ бы я вамъ подробно, и о томъ мѣстѣ, гдѣ происходило вечернее засѣданіе мужичковъ, и о томъ, кто составлялъ ихъ бесѣду. Вотъ изобразилъ бы я вамъ деревню, или село, лучше сказать, расположенное на косогорѣ, къ рѣкѣ, гдѣ стучитъ мѣльница, сколоченная Богъ вѣсть какъ, съ плотиною, сбитою Богъ знаетъ изъ чего. На это наши Русаки тодѣльны: изъ ничего слѣпятъ вамъ что угодно; не умѣя и не учась построятъ вамъ домъ, мѣльницу, машину, и въ такой лачушкѣ, куда Французъ, или Нѣмецъ, и свиньи не загналъ бы, сработаютъ вамъ предивныя узорочья, парчу, бархатъ, сукно самоцвѣтное. Промоетъ ли у нихъ плотину — завалятъ ее всякою дрянью; испортились ли вешняки—за-

бьютъ ихъ колышками; покривилась ли мѣльница отъ водополья—подопрутъ ее подпорками, и опять мѣлютъ себѣ, да мѣлютъ. Снесетъ ли мѣльницу — соберутся, потолкуютъ, поохаютъ, и опять сберутъ всякой всячины и сладятъ ее. Впрочемъ, о мѣльницѣ рѣчи нѣтъ: извѣстно, что въ нихъ вмѣшивается кое-кто... не здѣсь онъ будь помянутъ! Мѣльникъ долженъ сладить съ нимъ хорошенько, и мало что сладить — долженъ держать его въ ежовыхъ рукавицахъ, на крѣпкихъ вожжахъ. Таковъ-то бывалъ старой памяти дѣдушка Ѳаддей, знахарь такой и ворожея великій: умѣлъ отыскивать коней, лечить дѣвичью зазнобу, молодецкое горе, бабьи причуды, колдовать рѣшетомъ и зеркаломъ. Передъ такимъ знахаремъ, бѣдный чортъ на рогахъ пляшетъ, и когда призовутъ его, то стоитъ на заднихъ лапахъ, будто ученая собаченка передъ барышней,

которая сахаромъ кормитъ ее. И такъ, въ мѣльницахъ дива нѣтъ. Но какъ въ другихъ-то случаяхъ Русакъ управляется—диво дивное, похожее на рѣшето, у котораго дыръ много, а вылѣзть некуда! Есть повѣрье, будто тутъ много помогаетъ Русская борода: въ ней, говорятъ, сидитъ что-то помудренѣе водянаго дѣдушки. О, борода Русская дѣло великое! Когда кто сбрѣетъ ее, такъ походитъ на лысаго бѣса, и начинаетъ дурѣть: такъ написано въ старой сказкѣ, а, право, не я выдумалъ. Когда же есть бородка у кого, на того положиться можете, что онъ двойной работникъ и хитрецъ, потому что ихъ двое: онъ самъ, да борода! Выросла ты, борода Русская, на снѣгахъ бѣлыхъ сѣверныхъ; среди лѣсовъ дремучихъ Муромскихъ; вспоена ты водою изъ Днѣпра рѣки, да изъ Волги матушки; не золотой гребень чесалъ тебя, а чесала тебя невзгода ве-

ликая; лелѣяли тебя красныя дѣвушки Русскія, поили тебя сытою сахарною, пивомъ крѣпкимъ, воронкомъ чернымъ, Фряжскими винами и зеленымъ виномъ! И выросла теперь ты, бородушка, на утѣху свѣту бѣлому, на удивленье краю заморскому! Не далась ты, бородушка, ни саблѣ Татарской, ни бритвѣ Нѣмецкой; задала ты перцу Шаху Персидскому, нафабрила усы Султану Турецкому; обзаводишься теперь умомъ, разумомъ, богачествомъ! Дѣльно, бородушка! Не уступай таки, не уступай никому! Гордись, красуйся, развѣвайся на вѣтрѣ родимой стороны, и не давайся въ обиду ни пану, ни хану, ни Татарину... Бѣса гони православнымъ крестомъ, а лихаго человѣка Русскимъ кулакомъ...

Ну, вотъ куда заѣхали мы, начавши говорить о мѣльницѣ! Вѣдь если такъ мы пойдемъ по всей деревнѣ, то и

къ бѣлу свѣту отъ вечерни не обойдемъ ея. А мнѣ, право, некогда, да и когда же начнемъ мы наши *старинныя сказки съ новыми присказками*?

Не во гнѣвъ вашей милости будь молвлено — какъ же и безъ того? Вѣдь птицу хвостъ краситъ, а сказку присказка, жена мужемъ хороша, дѣти честнымъ отцовскимъ именемъ, а домъ тесовыми воротами. Далеко иногда оно заводитъ, а особливо на святой Руси: иногда присказкой-то все и кончится, а сказки-то и нѣтъ! Такъ въ старые годы синица море зажигала, да только сборами и кончилось, а нашумѣла она съ три короба добрые. Лещи боялись уже, что Переяславское озеро ихъ будетъ кастрюлей, и изъ нихъ сварятъ уху; подавали они о томъ прошеніе Ярославскому воеводѣ. Ужь съ нихъ подьячіе и на водку взяли, и бумага была написана, и судьѣ съ задняго крыль-

ца поклонились, да такъ дѣло и обошлось—ничѣмъ. Велѣно только съ синицы взять штрафъ, зачѣмъ она море зажигать хотѣла, а съ лещей взяли пеню за то, что они безпокоили судъ не дѣльными бумагами, ибо-*де* оная синица, имѣвъ намѣреніе море зажечь, рѣченнаго моря не зажгла. Снѣтки Бѣлозерскіе такъ тогда испугались, что не смѣли уже и пожаловаться на щуку, которая глотала ихъ цѣлыми десятками. «Вѣдь хотя по закону-то мы и правы, да не законъ судитъ, а судья!» (это разсужденіе снѣтковъ, а не мое, потому что я такъ по снѣтковски не разсуждаю, и напротивъ думаю, что надобно бояться закона, а не судей — чему вы смѣетесь? Право, я такъ думаю). «А сверхъ того-дескать, (разсуждали снѣтки) какъ и судьѣ вступиться, ибо щука на мѣстѣ преступленія не поймана!» Оно, правда, и трудно поймать ее и ули-

чить, потому, что кого она проглотитъ, тотъ молчитъ, а кого не проглотила еще, такъ судья ему скажетъ: Чего ты кричишь? Вѣдь тебя не съѣли?—Свидѣтелями можно бы подтвердить на щуку, да повѣрятъ ли свидѣтельству какого нибудь снѣтка? Снѣтки народъ мѣлкій, а щука зубаста, и въ родствѣ съ знатью: ей и стерлядь съ родни, и самъ осетръ ее знаетъ, а бѣлуга нерѣдко у нея завтракаетъ. Карась малый и добрый бы, и свидѣтельствовать не отказался бы, но онъ вѣдь самъ боится *озадковъ:* щука умретъ, а зубы у нея живы, такъ ему самому до себя! А ершъ эгоистъ: если онъ самъ цѣлъ, такъ ему хоть трава не расти!

Однакожь, что ни говори, а коли запрягли лошадку, такъ ѣхать надобно, и начавши разсказъ подвигать его впередъ необходимо. Перейдемъ мы грязную мѣльничную плотину, и взглянемъ на

село. Вотъ, на примѣръ, на домы, хаты, хижины, которыя стоятъ двумя кривыми рядами, одни подлѣ другихъ, какъ будто рекруты новобранные, бокъ съ бокомъ. Такъ ужь изстари завелось, что домъ подлѣ дома строится въ деревенскомъ быту, кроется соломой, огораживается плетнемъ, во дворѣ бываетъ навоза по колѣно, передъ домомъ колодецъ съ ведромъ на веревкѣ, либо съ журавцомъ, который едва дотягиваетъ ведро до воды. Всякій, какъ пойдетъ черпать воду, такъ не оставитъ памяти того, кто колодецъ строилъ, безъ добраго слова. А нѣтъ чтобы поправить! Поправить? Ошутили вы тѣмъ! Иной не умѣетъ, другому лѣнь, третьему дѣла нѣтъ: вѣдь не его колодецъ? Иное дѣло свое дѣло, иное чужое, либо общее. Кажется, общему дѣлу надобно бы всегда лучше идти, потому что о своемъ каждый ду-

маетъ одинъ съ подушкой, а для общаго сколько народу соберется, и всякій добра хочетъ, всякій съ совѣтомъ лѣзетъ, и думаетъ, и гадаетъ, и головой качаетъ и палкой въ землю стучитъ. А дѣло все не ладится! Былъ однажды случай въ одной деревнѣ, что на улицѣ прохода не стало—такая грязь и столько добра на ней накопилось. Вотъ собрался міръ и стали думать. Такъ, видите, въ первый разъ недоставало тутъ старосты Пахома—и разошлись; въ другой выборный Вавила хватилъ черезъ чуръ — и опять разошлись; въ третій разъ собраніе было полное, хотѣли говорить, но было уже поздно; въ четвертый начали, и долго, очень долго говорили, судили, рядили, и кончилось тѣмъ, что всѣ согласились: на улицѣ грязи и добра много; недавно поросенокъ хотѣлъ понѣжиться и утонулъ въ лужѣ, а у старосты Пахома

теленокъ въ грязи завязъ; дьячекъ же Фока шелъ вечеромъ изъ питейнаго дома, принужденъ былъ сапоги оставить въ грязи, и пришелъ домой босоногъ, какъ Католицкій монахъ, а на другой день днемъ искалъ потерю на мѣстѣ потери и ничего не нашелъ. Говорили, будто собака старосты вытащила сапоги и принесла ихъ цѣловальнику. Фока жаловался о томъ сотскому, но тотъ ничего не отвѣчалъ, подумалъ, подумалъ, ударилъ Фоку по плечу и сказалъ: «что съ воза упало, то пропало,» хоть Фокины сапоги совсемъ не съ воза упали.

Разсказывать вамъ, какъ и что было потомъ на совѣщаніи, займетъ много времени. Когда нибудь, въ досужное время, пожалуй, я готовъ разсказать вамъ всѣ подробности. Вѣдь правду говорятъ, что одинъ дуракъ броситъ камень въ воду, а семеро умныхъ его не

вытащатъ. Такъ и тутъ случилось: самый глупый человѣкъ изъ цѣлой деревни бросилъ въ совѣтъ глупое слово, и отъ того слова что произошло— и Богъ знаетъ! Староста съ выборнымъ поссорились; попадья съ пономарихою побранились, да семь просьбъ было подано въ Земскій Судъ. Отъ тѣхъ семи просьбъ вышло четырнадцать тяжебныхъ дѣлъ, и двадцать восемь разъ подьячіе пріѣзжали въ деревню дѣлать слѣдствіе, а отъ того пятдесятъ шесть дворовъ пошло по міру, и остальные обѣдняли, такъ, что и въ Христовъ день случались имъ яичко, а о масляницѣ блинъ за диковину, хоть и есть пословица, что тогда и у кота блинъ бываетъ.

Вотъ, если вы пройдете село изъ края въ край, и придете на сторону противоположную мѣльницѣ, на тотъ пригорокъ, гдѣ съ одной стороны ви-

дѣнъ свѣтленькій домикъ отца священника, а съ другой возвышается небольшой сельскій храмъ, то вы станете на такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ умы, всѣ души бываютъ въ согласіи, и гдѣ безъ всякаго міра и совѣта всѣ люди сельскіе являются въ мирѣ и совѣтѣ. Нерѣдко останавливался я при церкви Божіей въ селахъ, и смотря на нее, и на село, и на окрестности, думалъ, что вижу вѣрное изображеніе жизни и человѣка, и жизни Русской особенно. Вотъ вокругъ меня свободная необозримая природа: поля, волнуемыя хлѣбомъ, пестрыя разноцвѣтныя, лазурныя, желтыя, зеленыя, полосатыя; тамъ увалъ и въ немъ змѣится серебряный ручеекъ; здѣсь мрачный лѣсъ; направо рядъ горныхъ возвышеній; въ отдаленности цвѣтныя крыши господскихъ домовъ и соломенныя кровли крестьянскихъ жилищъ, и блестящіе шпицы и главы церквей

и колоколенъ. Вблизи грязное, неровное, кривое село; ветхая, ежеминутно грозящая паденіемъ, но стойкая, какъ упрямый мужичекъ, мѣльница, и недалеко отъ нея, въ сторонѣ, храмъ Рускаго веселья, подъ елкою—печальнымъ знакомъ того, что слѣдуетъ за весельемъ мірскимъ. Село пестрится, разнообразится жителями, которые вѣчно заняты, и кажется, вѣчно ничего не дѣлаютъ; трудятся, какъ добрые волы, а по виду безпечны, какъ барашки Классической идилліи. Тутъ и грязныя созданія—тучныя сельскія красавицы, и женщины сельскія — сатира на идиллію Русскую; тутъ и *мальчишекъ радостный народъ*—однообразныхъ въ городѣ и деревнѣ, въ отцовской одеждѣ, подъ присмотромъ Провидѣнія, которое хранитъ ихъ, какъ хранитъ птицъ небесныхъ. И вся эта безвѣстная суета мѣлкаго міра, однообразно оглашаемая голосомъ

времени и истины—колоколомъ—вся она равно прибѣгающая, въ горѣ и въ радости, въ младости и въ старости, при рожденіи и при смерти, въ храмъ Всеобъемлющаго, котораго не постигаетъ, такъ же, какъ непостигаетъ его высокая мудрость міра... И здѣсь, такъ же, какъ всему въ мірѣ, конецъ и пристанище—кладбище, могила... Вся разница, что каменный мавзолей простоитъ сто лѣтъ, а деревянный крестъ пять лѣтъ. Не равно ли быть забытымъ подъ мраморной плитой и подъ глыбой дерна? Не равно ли тѣмъ же кончить, пробродивши нѣсколько десятковъ лѣтъ по грязной деревнѣ, или проѣздивши ихъ по улицамъ великолѣпнаго города въ раззолоченной каретѣ? Червякъ никому не спуститъ...

Вотъ, господа, не правъ ли былъ мудрый Езопъ (если онъ только когда нибудь былъ), не правъ ли онъ былъ,

когда встрѣтился съ нимъ важный судья и спросилъ: куда ты идешь, любезный горбунчикъ? а Езопъ отвѣчалъ: не знаю! Судья разсердился и велѣлъ его отвести въ тюрьму, а Езопъ вывернулся изъ судейскихъ когтей тѣмъ, что закричалъ: «Вотъ, милостивый судія! не правъ ли я былъ, говоря вамъ: не знаю? Зналъ ли я, что мнѣ придется идти въ тюрьму?—Не всѣ разскащики походятъ на Езопа умомъ, не всѣ и некрасивы такъ, какъ былъ, по преданію, некрасивъ Фригійскій мудрецъ, но всѣ они походятъ на Езопа тѣмъ, что сами не знаютъ куда идутъ и куда придутъ. И на лошади ретивой не всегда проѣдешь прямо, а на ретивомъ конькѣ воображенія — дай только волю ему, такъ и помчитъ онъ тебя по полямъ и по горамъ, занесетъ въ лѣса, подниметъ и подъ небеса! Спасибо, что названіе моего разсказа даетъ мнѣ полную волю шпорить конька

моего. «Сказка складка,» говорятъ. Если начали слушать ее, такъ не дивитесь, что она, какъ шаловливое дитя, станетъ прыгать на одной ножкѣ, кувыркаться черезъ голову, ходить колесомъ на рукахъ и на ногахъ; и вдругъ, то засмѣется, то заскачетъ, то пойдетъ тихой поступью, какъ старушка, которая пробирается къ лежанкѣ и собирается отдохнуть, хоть ничего и не дѣлала, а только ворчала на молоденькую внучку. Пожалуста, не будьте похожи на бабушку, которая забыла, какъ сама бывала молода, и какъ дѣдушка дѣлалъ ей глазки, а теперь дивится, что дѣти прыгаютъ, и тому чудится, что солнышко стало холоднѣе, люди постарѣли, а веселье, Богъ вѣсть куда, укрылось съ бѣлаго свѣта...

Ну, да, что тутъ считаться, господа! Прямо ли, криво ли, близкой ли, дальней ли дорогой придете вы туда, куда идете—

не все ли равно? Мнѣ недосугъ больше вашего, но когда ужь мы пустились гулять по Русски, во всю мочь, не по тротуару, не по бульвару, а по чистому, разгульному полю, гдѣ душѣ раздолье, и скорѣе ноги устанутъ, нежели выходите вы мѣсто вашей прогулки, вы знаете Русскую присказку: шелъ онъ путемъ дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, шелъ, шелъ, много прошелъ, три просвиры желѣзныя изгрызъ, три костыля желѣзныя истеръ, три раза борода у него выростала, а онъ все думу крѣпкую думалъ и не вспомнился. Вотъ онъ оглянулся, глядь поглядь, анъ какъ тутъ попалъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, повертывается, охорашивается, поклонилась ему, подоброденствовала его. Смотритъ добрый молодецъ—анъ еще онъ и шагу не шагнулъ—все еще на томъ же мѣстѣ стоитъ, съ котораго пошелъ!..

Вотъ, какъ мы сначала начали: въ одномъ большомъ селеніи, далеко отъ Москвы Бѣлокаменной, сидѣли на завалинѣ нѣсколько мужиковъ деревенскихъ, или сельскихъ, или, то есть, жителей деревни, или справедливѣе сказать, села, или селенія, или того собранія жилищъ, которое селомъ называютъ. Изъясняю подробности, дабы, или чтобы, мм. гг., никакого недоразумѣнія не оставалось—какъ говаривалъ одинъ изъ старыхъ моихъ учителей, который не любилъ не договаривать, и отъ того говорилъ съ такими подробностями, что преподавая намъ Исторію, далѣе Ассирійской царицы Семирамиды никогда не доходилъ, хотя читалъ свои лекціи постоянно, и просиживалъ у насъ въ классѣ положенные часы непремѣнно и точно, а начиналъ свои лекціи еще въ корридорѣ. Онъ въ сѣняхъ снималъ свою шляпу и произно-

силъ свое обыкновенное начало лекціи: «Въ прошедшую лекцію, или прошедшій часъ ученія, или бесѣду нашу, т. е., въ тотъ учебный часъ, который прошелъ, а не тотъ, который еще не пришелъ, или не наступилъ, ибо будущаго, кромѣ Бога, никто не вѣдаетъ, слѣдовательно, и я не знаю, и говорить о немъ не могу, да и не смѣю, да и грѣшно бы было, то есть, неприлично, или зазорно, или не пристало, или нельзя вовсе, или то есть»...—Тутъ вступалъ онъ въ классъ нашъ, и хотя бы никого еще не было въ классѣ, кланялся на обѣ стороны, и не глядя никуда шелъ прямо къ каѳедрѣ своей, взлѣзалъ на каѳедру, кланялся снова, самъ безпрерывно продолжая говорить: «говорили, или бесѣдовали, или разсуждали мы, т. е. сужденіе имѣли, или соображенія различныя имѣя, результаты выводили, или говоря по про-

сту и за разъ—концы сводили, или словодѣйствовали, т. е, данную намъ отъ Бога способность: посредствомъ извѣстныхъ, условленныхъ звуковъ идеи выражать голосомъ своимъ, чѣмъ человѣкъ отличенъ отъ скота, употребляли, дабы научась Исторіи, или *Гисторіи*, по Латинскому произношенію, изъ чего Англичане сдѣлали свое слово: history, а Французы *истуаръ*, или нѣжнѣе: l'histoire, и что значитъ (какъ уже имѣлъ я честь вамъ излагать, или объяснять), происходя отъ Греческаго слова, означающаго: *дѣй*, или *дѣяніе*, какъ о семъ знатно пишетъ покойный нынѣ, бывшій тайный совѣтникъ и Астраханскій губернаторъ, Василій Никитичъ Татищевъ, коего сочиненіе, разумѣю, главнѣйшее, издалъ въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, въ 1768 году, въ четырехъ томахъ, въ четвертку, или среднюю кварту, съ Латинскаго:

in-quarto, Герардъ Фридрихъ (а по Русски Григорій Ивановичъ) Миллеръ, подъ титуломъ, или названіемъ: «*Исторія Россійская,* съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, неусыпными трудами, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и писанная» такимъ-то имракомъ... Ну! такъ, Исторія есть *дѣй,* или *дѣянія,* замѣтьте, господа, а кстати замѣтьте, что дѣлитъ оную господинъ Татищевъ на исторію сакру, политику, екклезіастику, т. е. священную, политическую, церковную, и натуралисъ, или естественную — о чемъ всемъ мы уже разсуждали, приводя и другія дѣленія Исторіи, о чемъ уже мы говорили, но повторять не худо, по присловью: repetitio est mater studiorum, т. е. повтореніе есть мать ученія. Почему кстати замѣтить здѣсь и то, что мы уже прежде замѣтили, что и самое названіе Исторіи у многихъ народовъ есть иное, какъ то:

у Аравитянъ, или восточныхъ Арабовъ, коихъ отличать надобно отъ *Араповъ*, т. е. Черняковъ, или Негровъ (отъ niger, Латинскаго), говорится: *тарихъ*, а у Нѣмцовъ, или, какъ Французы называютъ *аллемановъ*, или алемандовъ, или нѣжнѣе Allemands (о семъ, отъ чего происходитъ, послѣ скажу, ибо знаю, да теперь еще не время), или какъ Англичане зовутъ: Германцовъ (шепелявѣе произноси: German's, *джерменъ*), отъ слова Римскаго, или Латинскаго: Germania, какъ и Тацитъ, написавшій книгу: De moribus Germanorum, т. е. о нравахъ Германцовъ (восьма хорошая и чтенія достойная книга и Латинью писана прекрасно). А Итальянцы называютъ ихъ *тедески*, отъ слова: *туисконъ*, или правильнѣе *теутъ*, о коемъ баснословили, якобы оный былъ прародитель Нѣмцовъ, отъ чего и сами Нѣмцы зовутъ себя не Нѣмцами, а *теучами*,

или испорченно *деучами*, или еще испорченнѣе *деичами*, болѣе же испорченно: *деичь*, и даже *даичь*, такъ, что говоря Нѣмцу по ихнему языку, вы должны сказать: *шпрехензи деичь*, вмѣсто: *говорите ли вы по Нѣмецки?*—Да, такъ, точно такъ—обо всемъ семъ, и о многомъ еще, мы говорили, но повторять не худо, дабы сильнѣе сіе запамятовать, припомнить, или такъ сказать, въ память себѣ вдолбить, ибо repetitio est mater studiorum»...

И въ подобной бесѣдѣ проходилъ у моего учителя цѣлый часъ, иногда два, и мы не подвигались впередъ, ни съ понятіями, ни съ словами. Говорятъ, что дѣтскія привычки остаются у человѣка навсегда. Не отъ учителя ли моего прильнула ко мнѣ привычка не двигаться впередъ? Онъ былъ человѣкъ добрый, честный, ученый, зналъ нѣсколько языковъ, и его погубила пословица

Латинская: repetitio est mater studiorum. Миръ тебѣ, добрый мой учитель! Ты былъ забавенъ, но никто не скажетъ, чтобы ты кого нибудь обидѣлъ, хотя словомъ. Одно стоитъ другаго.

=

Вотъ куда занесла меня моя неосторожная привычка *заговариваться*—право, какая неосторожная привычка! Если-бы началъ я сказочку на прямикъ, съ самаго начала, такъ ужь давнымъ давно сказка моя была бы разсказана. Кто же зналъ, что пройдетъ много времени, пока успѣю я разговориться съ вами, господа! Кто же зналъ! Живи, не какъ хочется, а какъ... кто бишь велитъ?., Да, сударь, нечего сказать — какъ велятъ, такъ и живи. Такъ ужь заведено теперь, что своимъ умомъ не жить, а жить чужимъ умомъ, а если можно, и чужимъ добромъ. И очень хорошо, и прекрасно, и весело! Во-первыхъ, меньше заботы думать и размышлять; во-вторыхъ, надежнѣе, ибо свой умъ можете спрятать подалѣе, на случай важной надобности, и когда покажется вамъ, что чужой умъ ведетъ васъ по околицѣ, а не

прямо, можете вынять свой собственный и прикинуть на повѣрку: такъ ли дѣло? Вы скажете, что лежа всегда безъ употребленія умъ можетъ заржавѣть? Эхъ, мил. гос., по моему, такъ Богъ съ нимъ! Пускай его не только ржавѣетъ, но совсемъ заплѣснѣвѣетъ. Умъ самая неудобная вещь въ мірѣ. Отъ него весь сыръ боръ горитъ. Люди гораздо были бы счастливѣе, еслибы могли цѣлый вѣкъ играть въ *дурачки*. Зналъ я двухъ почтенныхъ супруговъ, которые жили въ счастливомъ супружествѣ *сорокъ лѣтъ*, и ничего болѣе не дѣлали, какъ только что играли въ дурачки. Иногда, для разсѣянія, супругъ билъ еще мухъ, а супруга раскладывала въ такое междудѣльное время *гранъ-пасьянсъ*. И какъ они были счастливы, какъ плакали объ нихъ всѣ наслѣдники ихъ, какъ всякій, кто зналъ ихъ, приводилъ ихъ въ примѣръ другимъ! Вы, молодые и

старые супруги, *вы, нынѣшніе*, *нутка* похвалитесь счастьемъ безъ дурачковъ?

Я вамъ скажу: былъ у меня одинъ знакомый—человѣкъ умный и степенный, весьма хорошій хозяинъ, выигравшій на своемъ вѣку четыре тяжбы, воспитавшій четырехъ сыновей и выдавшій замужъ четырехъ дочерей. Одна изъ нихъ выдана была за сосѣда помѣщика, и тѣмъ прекратилось весьма спорное дѣло за черезполосную землю; другую выдали за купца въ ближнемъ городѣ, и долгъ тому купцу поверстанъ былъ въ приданое; третью выдалъ отецъ за Исправника, и тѣмъ прекратилъ непріятное слѣдствіе, которое производилось въ его помѣстьи; четвертая вышла за Француза гувернера, котораго тесть простилъ, съ тѣмъ, чтобы онъ даромъ училъ у него внучатъ по Французски, и всему что знаетъ и что въ контрактѣ было написано. Сы-

новья были пристроены также очень хорошо. Одинъ былъ большой забіяка — отецъ отдалъ его въ военную службу. Сынъ служилъ славно, и вмѣсто того, что изъ него въ деревнѣ вышелъ бы вздорный малой, его изувѣчили и на инвалидномъ содержаніи опредѣлили городничимъ въ дальній маленькій городокъ. Другой сынъ былъ глуповатъ — отецъ его женилъ и сдѣлалъ смотрителемъ скотнаго двора и виннаго завода. Третій былъ большой плутъ; еще маленькій кралъ въ саду вишни, и притомъ былъ мастеръ писать. Куда его? Разумѣется, въ приказные. И какой дѣлецъ изъ него вышелъ—удивляться было надобно! Четвертый сынъ былъ очень не дуренъ собою. И этотъ сынокъ послужилъ основаніемъ счастія отца и всего семейства: отецъ умѣлъ одну богатую старушку заставить въ него влюбиться, и потомъ жениться на немъ. Старушка

думала, что рай нашла; свекоръ оставилъ ее въ такомъ мнѣніи, и только прибралъ къ рукамъ ея имѣнье. Когда она вскорѣ скончалась, открылось, что послѣ нея наслѣдникомъ сдѣланъ былъ молодой мужъ ея. Тутъ очень любопытно... Но я хотѣлъ сказать вамъ о моемъ знакомомъ.

Вотъ, видите, этотъ знакомый мой былъ большой мастеръ говорить и охотникъ разговаривать. Но кто съ нимъ проговорилъ бы три часа битыхъ сряду, тотъ не могъ бы сказать о чемъ рѣчь шла и что такое говорили. Онъ всегда начиналъ погодою. Потомъ рѣчь его начинала вертѣться туда и сюда, вверхъ и внизъ, и никогда не оканчивалась. «Прекраснѣйшая погода» — начиналъ онъ, «на примѣръ — только послѣдній дождь врядъ ли не помѣшаетъ сѣнокосу—а у меня сѣна мало—коровы умножаются, а сѣна количество все то-

же—такъ-то пишетъ ко мнѣ сынъ, что у него сѣна прошлый годъ недостало на полицейскую команду — бѣда, да и только! Хорошо, что богатый купецъ ссудилъ его—но, онъ вѣдь городничій, а нашему брату, помѣщику, трудны эти займы—и денегъ нынче не добьешься, не только сѣна—умомъ хоть прудъ пруди—всѣ стали умны, да денегъ нѣтъ—старики наши были проще насъ, да у нихъ деньга водилась. Вчера, вотъ я вышелъ на скотный дворъ и пустился въ философію. Думалъ я, смотря, какъ моя бурая корова лежитъ, да жвачку жуетъ: счастливая ты корова! Какъ ты сегодня жвачку жевала, такъ и завтра будешь жевать и послѣ завтра! А нашъ братъ, человѣкъ, то есть, не человѣкъ слуга, а то есть, благородный, потому что и мы всѣ человѣки, только не слуги, а вѣдь отъ Адама также произошли... Такъ, вотъ изволите видѣть, я, то есть,

говорю къ тому, что безъ сѣна жить нельзя, а безъ ума можно... У меня бабушка была, съ женинной стороны — она говаривала: ври, что хочешь, а деньги береги«...

Вамъ такихъ людей не случалось видать и слыхать? А я видалъ, видалъ и не такія диковинки... Скучно вспоминать обо всемъ, что мнѣ видать удавалось... Станемъ-те, господа, лучше *сказки сказывать*.

=

Смотрите начало разсказа.—Сидѣли мужики на завалинѣ, и одинъ изъ нихъ толковалъ о томъ, какъ иногда бываетъ тяжело на бѣломъ свѣтѣ жить. Одинъ толковалъ, а всѣ слушали, и приговаривали: «Да, дядя Ефимъ!—Охъ, дядя Ефимъ!»—А наконецъ кто-то протянулъ подлиннѣе голосъ свой и громко проговорилъ: «Охо, хо, хо, хо, дядя Ефимъ!»

Ободренный такимъ общимъ согласіемъ, дядя Ефимъ продолжалъ: «Видите вы сами, православные, что какъ ни суди, ни ряди, а все таки тѣмъ кончишь, что время тяжелое, да и плохое!

«Головы не приберешь что и дѣлать! У кого нѣтъ денегъ, а у иныхъ ихъ много. Такъ тотъ, бѣдняжка, не знаетъ куда голову приклонить, а этотъ, горемыка, не вѣдаетъ куда съ деньгами

дѣваться. Тяжелое время, православные!»

— А, дядя Ефимъ — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ—если, то есть — не моей головѣ объ этомъ судить, да такъ ужь, то есть, къ слову пришлось—если-бы они перемѣнялись: то есть, чтобы богатый пособилъ бѣдному, а бѣдный взялъ бы у богатаго?—А, какъ ты думаешь?

Дядя Ефимъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на собесѣдника прямо, а потомъ опустилъ голову, началъ постукивать палкою въ землю, покачалъ головою, и сказалъ: «Смѣть было всякому говорить, да умѣть ли всякому говорить дѣло! Гдѣ сколько головъ, столько умовъ, тамъ дѣло не дѣлается порядкомъ. Ну! богатый дастъ бѣдному, да взять, такъ надобно и отдать? Не правда ли? А гдѣ бѣдный возметъ и чѣмъ

отдастъ? Дырявое рѣшето, сколько воды не лей, не наполнишь.

Собесѣдникъ его замолчалъ, но другой осмѣлился противорѣчить и сказалъ такъ: «Но, дядя Ефимъ, если онъ не отдастъ, такъ на то есть судъ. На него пожалуются и онъ долженъ будетъ отдать.

— Но, смѣкнулъ ли ты дѣломъ, товарищъ, когда говорить задумалъ? То то и есть-то, еслибы мы поменьше говорили, да побольше думали, да слушали что другіе говорятъ, такъ не такъ бы и дѣло шло.

Дядя Ефимъ хотѣлъ выразить, что его только надобно было слушать, когда онъ говоритъ. — Ты развѣ не знаешь, что не бойся суда, а бойся судьи? Всѣ стали вы умны, и забываете что старики ваши говаривали. Судъ, судъ! Изъ своихъ барышей, да въ судъ поди! А

около дегтя ходить замараться, въ судъ идти дѣломъ расквитаться. Еще станетъ тебя земскій староста спрашивать: откуда ты деньги взялъ? Не укралъ ли ты? Ты, скажетъ, видно, всю деревню обобралъ, и отъ того она и податей не платитъ! — Тутъ не радъ будешь ты пѣнью, а радъ отпуску.

«Что жь наконецъ изъ того будетъ, дядя Ефимъ?

— Что будетъ? Что было, то видѣли, что будетъ, то увидимъ. Что будетъ, то будетъ, что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ. Чему быть, тому не миновать!

Оглушенные и сбитые съ толку этими *было*, *будетъ*, *будетъ*, *было*, всѣ собесѣдники повѣсили головы. Одинъ изъ нихъ, опираясь локтями на колѣна, бросилъ въ сторону щепочку, которую вер-

тѣлъ въ рукахъ, и проговорилъ: *Охъ, судьи, судьи!*

А дядя Ефимъ, пользуясь наставшимъ послѣ сего молчаніемъ, продолжалъ: «Плохое время, тяжелое время! Хлѣбу не родиться, въ конецъ раззориться. А все народъ сталъ уменъ, да хитеръ! Всякій думаетъ, что я не меньше другаго знаю — какому тутъ ладу быть! Какъ еще люди на бѣлый свѣтъ глядятъ! Какъ имъ жениться-то охота! Одной головой, такъ и быть, какъ нибудь промаячишь, а какъ съ женой, да какъ пойдутъ еще дѣти—такъ и *унеси ты мое горе!*

— Охъ! жены, жены! — проговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, видя, что подобныя возраженія дядя Ефимъ позволяетъ.

Тутъ подошелъ къ нимъ Еремѣй Карповъ, малый удалой, въ извозахъ бы-

валъ, ни богатъ, ни бѣденъ; веселый, когда есть деньга, еще болѣе веселый, когда за душею ни копѣйки нѣтъ. Онъ былъ большой балагуръ, большой говорунъ, мастеръ сказки сказывать, пѣсни пѣть, съ молоду и поплясать любилъ, а зеленаго вина пивалъ по квартѣ не пьянѣя. Былъ онъ еще ни молодъ, ни старъ, но плясать уже пересталъ, съ тѣхъ поръ, какъ началъ позволять себѣ въ кругу стариковъ говорить дѣло и бездѣлье.

Еремѣй остановился противъ дяди Ефима, подперъ бока руками, и провозгласивъ раза два: *Хе, хе!* продолжалъ вотъ такъ: «Старина, старина! А кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Ты видно это присловье позабылъ? Что ты рюмишь, да горюешь? Развѣ ты не знаешь, что всегда такъ бывало?

— Что? Всегда такъ бывало? Нѣтъ,

Еремѣй, не сбивай людей съ толку: лучше было прежде, а теперь такъ горе не постояльцомъ у добрыхъ людей, а хозяиномъ живетъ, да ихъ самихъ изъ избы выживаетъ.

«Хорошо, дядя Ефимъ! Ты, человѣкъ старый, скажи-ка, сдѣлай милость: брали ль прежде судьи взятки?

— Нѣтъ, у насъ, говорятъ, воевода былъ, а взятокъ не бралъ.

«Ну, однимъ поленомъ печи не вытопишь. А если онъ не бралъ взятокъ, такъ чѣмъ же онъ живалъ?

— У него было опредѣленное, что должны были ему взносить ежегодно и къ каждому празднику. На каждую душу было положено что взять съ нея, такъ уже всякій зналъ. Положено было, что должно ему было заплатить, когда мертвое тѣло найдено въ чьей усадьбѣ; что дать, когда пристанодер-

жательство открылось; что взносить съ краснымъ лицомъ, съ куличемъ, въ Спасовъ день, въ Юрьевъ день.

«Ну, а за судъ?

— За судъ ничего. Кто приходилъ судиться, тотъ взносилъ положенное, и если его противникъ того же не платилъ, такъ его и обвиняли, а если платилъ, такъ ихъ мирили. Что это было, говорятъ, за житье! Миръ какой! Тишина какая! Всѣ довольны — хлѣба бывало много; толковать-то много не смѣли! Теперь, такъ всѣ умны стали. Ужь и не въ Еремѣеву версту туда же тянутся, да толковать хотятъ!

— Я, дядя Ефимъ, толковать не хочу, а сказку тебѣ, пожалуй, скажу. Ты на нее не прогнѣвайся, потому что сказка складка, а не быль. Не ужь ли и на сказку ты осердишься?

«Сердиться не устать, не хлѣбъ молотить.

— Такъ послушай же моей сказки.

«А какъ имя?

— Да, имя просто: *что въ старь, то и нынь*. Не о томъ, какъ ведьма на помелѣ летала, а про *судью* про *Шемяку*.

«Слыхалъ.

— Послушай еще, съ новыми присказками. Видишь что: въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, не въ долгихъ послѣ Семибоярщины, въ дальныхъ улусахъ, на ровномъ мѣстѣ, какъ на скатерти браной, стояла деревня. Въ той деревнѣ жили были два мужика: Голой Ерема, да Ѳома Большая Крома. Вотъ, какъ и теперь у насъ грѣшныхъ бываетъ, пришла къ нимъ зима сиволапая, затрещали избушки, повалилъ снѣгъ. У кого тепло, у кого

добро, а Ерема лежитъ на нетопленой печи, дуетъ въ кулаки, да думаетъ: Ухъ! холодно! Право слово, нынѣ и морозы стали сердитѣе: нигдѣ мѣста не находишь! — Дай-ка — говоритъ самъ себѣ — поѣду я въ лѣсъ, дровъ нарублю, да печку вытоплю! — Пошелъ къ сосѣду, попросилъ топора; у другаго выпросилъ сани. Пришелъ къ Ѳомѣ, проситъ лошади. На Ѳому въ тотъ разъ добрый стихъ нашелъ. «Изволь,» говоритъ, «возми лошадь.» Ерема поклонился, взялъ лошадь, повелъ къ себѣ, да, идучи-то и думаетъ: «Экой я дуралей! Выпросилъ я лошадь, а хомута не взялъ. Какъ же я запрягу ее? Идти опять къ Ѳомѣ — еще разсердится, и лошаденки не дастъ. Идти къ сосѣдямъ — скажутъ: что за дуракъ, хомутъ забылъ, когда лошадь бралъ! Да и придется ли чужой хомутъ по лошадкѣ? — Голь мудрена. Думалъ, думалъ, да и

вздумалъ: привяжу я лошадь къ санямъ хвостомъ? Точно! Привязалъ, перекрестился, поѣхалъ. Ну, ѣхалъ онъ близко ли далеко, низко ли высоко, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ерема нарубилъ возъ дровъ и поѣхалъ назадъ. Ладно дѣло! Пріѣхалъ домой, отворилъ ворота, да и забылъ подворотню вынять; нукнулъ на лошадь; та уперлась, двинулась: сама-то на дворъ взошла, а возъ-то на улицѣ остался, и съ хвостомъ! Этакое горе! Какъ теперь къ Ѳомѣ показаться? Что онъ скажетъ? Взялъ лошадь съ хвостомъ, а отдаешь безъ хвоста! Но, такъ какъ дѣлать было нечего, побрелъ Ерема къ Ѳомѣ, повелъ съ собою и лошадку безхвостую.»

Въ самомъ дѣлѣ, господа, оставивъ разсказъ Еремы въ сторону, какъ не сказать, что если придетъ къ горькому горе, такъ и ума не приложишь,

а если приложишь, такъ еще хуже глупость сдѣлается. Къ горю горе такъ и льнетъ. Слыхали ль вы пѣсенку удалаго Сибирскаго казака, Кирилы Даниловича? Придумай-те на нее музыку, а я вамъ скажу слова:

Горе, горе, горевань-ьицо!
Лыкомъ горе подпоясано;
Мочалами ноги изопутаны!
Я отъ горя во темны лѣса —
А горе прежде меня зашелъ!
Я отъ горя во почетный пиръ —
А горе зашелъ, впереди сидитъ!
Я отъ горя на царевъ кабакъ —
А горе встрѣчаетъ, насмѣхается!

«Какъ закричитъ на Ерему Ѳома Большая Крома, закричитъ, какъ только богатые на бѣдныхъ кричать умѣютъ, у Еремы и ноги подкосились! Повалился онъ въ ноги Ѳомѣ, проситъ, плачетъ, умоляетъ. Нѣтъ пощады! Какъ ты смѣлъ! Какъ ты дерзнулъ! Какъ ты могъ

у моей лошади хвостъ выдернуть! Ерема увѣрялъ, что она сама его выдернула, отдавалъ себя въ заработку, просилъ простить, просилъ прибить, да только простить. «Ни прощать, ни бить тебя не стану,» отвѣчалъ Ѳома, «а пойдемъ-ка, пріятель дорогой, къ судьѣ Шемякѣ! Пусть онъ разсудитъ, и что онъ велитъ, то и будь!» Что станешь дѣлать! Ѳома ухватилъ Ерему за воротъ и повелъ его къ судьѣ Шемякѣ.

«Что же такое»—думалъ теперь Ерема—«будь что будетъ! Вѣдь ужь хуже не будетъ? Пойдемъ къ судьѣ Шемякѣ—съ голаго, что съ нагаго—снять нечего!» Пошелъ онъ за Ѳомою, и идучи дорогою, еще пѣсни запѣлъ. Хорошо — думалъ Ѳома — пой! Придешь къ судьѣ Шемякѣ, такъ и курицею запоешь!

Шли они, шли, и застала ихъ ночь.

Идутъ они черезъ большую деревню. Ѳома усталъ—видитъ, что ночь на дворѣ, а еще до судьи Шемяки далеко, остановился, и рѣшился въ той деревнѣ ночевать. Богатому вездѣ ночлегъ готовый. Постучался Ѳома у знакомаго мужика Карпа. Выбѣжалъ Карпъ, обрадовался. «Ахти! гость дорогой! Ѳома Карпычъ! Откуда тебя, какіе буйные вѣтры занесли? Добро пожаловать!» —Ахъ! Карпъ Ѳомичъ, укрой отъ темной ночи, пусти отдохнуть, похвастай хлѣбомъ-солью! -- Обнялись пріятели, вошли, молятся. Ѳома залѣзаетъ въ передній уголъ. Хозяйка ему кланяется. Хозяинъ не знаетъ чѣмъ угостить дорогаго гостя. Полный столъ наставили питья и ѣды; выпьютъ, да поѣдятъ, поѣдятъ, да выпьютъ. Разговорамъ конца нѣтъ, а съ Еремой новая бѣда!

Его было Карпъ и въ избу пустить не хотѣлъ, и чуть ему носа дверью не

прищемилъ. Но Ѳома объяснилъ, что ведетъ Ерему съ собою, жаловаться на него судьѣ Шемякѣ. Карпъ пустилъ его въ избу. Ерема залѣзъ на полати и думалъ съ горя заснуть. Но къ голодному и сонъ не приходитъ. Ворочался, ворочался Ерема съ боку на бокъ—не спится; гость и хозяинъ пьютъ, гуляютъ, спать не даютъ. Началъ Ерема глазѣть съ полатей отъ нечего дѣлать—видитъ питья и ѣствы; смотрѣлъ, смотрѣлъ, засмотрѣлся, да съ полатей и полетѣлъ внизъ черезъ голову! Ногами ударился онъ объ столъ; столъ полетѣлъ вверхъ ногами, прямо ударилъ въ лобъ Ѳому, по носу задѣлъ Карпа, и заставилъ ихъ обоихъ затылками въ стѣну стукнуться. Питье, ѣда—все, поминай, какъ звали! Да, то бы все еще не велика бѣда—хоть пролитое полно и не бываетъ, но гдѣ пьютъ тутъ и льютъ. Худо было то, что Ерема, па-

дая, придавилъ коту хвостъ, такъ, что котъ неблагимъ матомъ замяукалъ и припрыгнулъ! Да и то еще бѣда не главная, а вотъ ужь что въ самомъ-то дѣлѣ было худо: кромѣ котенка, Ерема ушибъ еще ребенка, который тутъ, подъ полатями, лежалъ въ колыбели, и такъ ушибъ, что тотъ и не пикнулъ!

Ну, ужь вѣдь это дѣло не коневій хвостъ, не птичьи рога, не пѣтушье молоко! Жена Карпа ухватилась было за ухватъ и хотѣла разсчитаться съ Еремою. Но Карпъ остановилъ ее и сказалъ: «Стой, жена! Не ухватомъ такое дѣло рѣшается. А просто, пойдемъ-ка, пріятель, къ судьѣ Шемякѣ!» — Опять Ерема повалился и этому въ ноги, плачетъ, проситъ. «Смилуйтесь, православные!» — Нѣтъ, нѣтъ! — Ѳома ухватилъ Ерему за воротъ съ одной стороны, Карпъ съ другой, и повели его къ судьѣ Шемякѣ, приговаривая: «До-

бро, ладно—разсчитаемся порядкомъ!»— Слыханое ли это дѣло: у лошадей хвосты вырывать! «Слыханое ли это дѣло: на ребятъ съ полатей сваливаться!» —Вѣдь этакъ житья намъ не будетъ— лошадей не наготовишься — ребятъ не напасешься! —«Развѣ лошадь-то крыса какая нибудь?» — Развѣ ребята-то тебѣ щенята достались?—И идутъ они себѣ путемъ дорогою. Недалеко ужь имъ и до судьи Шемяки идти остается...

=

Тутъ Еремѣй Карповъ опять подперъ руками бока свои, ноги пораздвинулъ, какъ будто хотѣлъ покрѣпче стать на своемъ мѣстѣ, и потомъ закусивъ бороду въ зубы, пристально посмотрѣлъ на все собраніе. Всѣ молчали. Дядя Ефимъ тоже молчалъ. Тогда Еремѣй вынулъ свою тавлинку, похлопалъ по ней пальцами, открылъ ее, взялъ табачку, понюхнулъ молодецки и крякнулъ. Дядя Ефимъ, который сидѣлъ опустивъ голову внизъ и вертѣлъ между тѣмъ пальцами, вздрогнулъ и сказалъ съ досадой: «Тьфу пропасть! Что тебѣ доспѣлось такое!»

— Ничего, дядя Ефимъ, а вотъ не прикажешь ли табачку?—Онъ поднесъ дядѣ Ефиму свою тавлинку.

«Провались ты, окаянный, съ твоимъ табачищемъ!» воскликнулъ дядя Ефимъ, и переставши вертѣть пальца-

ни, угрюмо погрозилъ Еремѣю. «Эй, Еремѣй Карповъ,» продолжалъ онъ важнымъ, учительскимъ голосомъ — «эй, Еремѣй Карповъ! не сдобровать тебѣ!»

— А за чтобы такъ не сдобровать мнѣ? бью твоей милости поклономъ и спросомъ.

«Да, мало ли за что! Живешь ты, не какъ другіе добрые люди!

— Ну, то есть, что я иногда говорю правду вамъ, богатымъ людямъ, да старостѣ не спускаю, а сотскому и подавно?

— Да, и дѣлаешь ты не какъ добрые люди!

— Ну, то есть, что когда вы, умныя головы, рѣшите: быть дѣлу такъ, то я иногда вамъ поперечу, и говорю: нѣтъ, не такъ, а вотъ какъ, что съ бѣднаго шеи повороти на богатую шею, сзади хомута не надѣвай, а когда тебя

міръ, да добрые люди сдѣлали старостой, или сотскимъ, такъ ты бѣднаго береги, да и совѣсть-то свою держи чистою, какъ чистъ бываетъ горшокъ у доброй хозяйки, чтобы тебѣ ни передъ Богомъ на томъ свѣтѣ, ни передъ батюшкой-Царемъ на этомъ свѣтѣ отвѣта не дать!

— Да, кто тебя поставилъ нашимъ судьей? Кто тебя проситъ вмѣшиваться не въ свое дѣло!—Не правда ли, православные: онъ что за выскочка?

«Да, да! Что за выскочка!» провозгласили всѣ мужики, кромѣ двухъ, изъ которыхъ одинъ безпечно глядѣлъ въ то время, какъ теленокъ у мимошедшей бабы крынку молока съ головы сбилъ, а другой чертилъ палкой по землѣ фигурки, опустивъ голову.

— Ахъ! вы лягушки приболотныя! — воскликнулъ Еремѣй. Только васъ и

стало, что квакать, да подквакивать: да, да, ква, ква! — А тебѣ, Панкратій, видно, хоть травушка не выростай на могилѣ отцовской—тебѣ все равно: хоть теленокъ разбей крынку у Ѳедосьи, хоть староста разбей голову православнаго дубиной! А ты, Пахомъ, прежде говаривалъ по моему, да теперь ужь больше не говоришь...

«Говаривалъ, да не говорю больше!» возгласилъ Пахомъ и вздохнулъ.

— А отъ чего?

«Да, примололось говорить одно, да тоже. И притомъ, братъ Еремѣй, старъ будешь, умнешься. Станешь только о томъ думать, чтобы тебя не трогали; свернешься ежемъ, а тамъ хоть цѣлый міръ колесомъ катись.

— Такъ, видно, совѣсть-то человѣческая похожа на лапти — изнашивается! Сначала думаешь, какъ бы тебѣ ту-

шить пожаръ у добраго сосѣда, а потомъ спокойно садишься противъ него, да только грѣешься, помня, что не твоя хата горитъ! Такъ-то и Панкратій дѣлаетъ. Только, смотри, братъ: когда и у тебя загорится, такъ другіе придутъ только погрѣться у твоего огонька!

Пахомъ засмѣялся. «Посмотрю я на тебя, Еремѣй,» сказалъ онъ, «умный ты малый, а разума въ тебѣ нѣтъ! Не ужели ты думаешь, что еслибы ты всѣ пожары у сосѣдей перетушилъ, и когда у тебя загорится, такъ къ тебѣ и сбѣжится весь міръ православный? Ха, ха, ха! Изъ чего же биться по пустому?

— Пусть такъ — сказалъ Ерема — но когда мнѣ Богъ далъ ноги, которыми долженъ я ходить, руки, которыми работать, такъ на что нибудь далъ онъ

мнѣ и языкъ, и голову, и ретивое: чуять съ молоду зазнобу сердечную, думать о добрѣ головой, а языкомъ сказывать православнымъ, что на сердце Богъ положитъ и что мнѣ хорошаго, да добраго въ голову придетъ.

«Да, что тебѣ добраго можетъ придти въ голову?» съ досадой сказалъ дядя Ефимъ. «Въ чужія ты дѣла мѣшаешься, а своихъ дѣлъ справить не умѣешь!»

— Нѣтъ! не только умѣю свои дѣла справить, да еще тремя лошадками такъ-то правлю, что на-поди, разлюли! Развѣ ты не видывалъ, какъ я на тройкѣ лихо катывалъ? Да, кто противъ меня меня изъ вашей братьи выѣзживалъ столько, сколько я? Кто изъ васъ бывалъ въ Адестѣ, въ Липску у Нѣмцовъ, въ Бердичевѣ у Жидовъ? А Москву-то я знаю, какъ свою деревню!

«Пускай пузыри на водѣ, такъ лоп-

нутъ и слѣда нѣтъ, а ужь хоть бы словами-то придержался, не болталъ людямъ на посмѣшище! Вѣдь слово не воробей: вылетитъ, такъ не поймаешь.

— Я своего воробья поймаю въ твоемъ роту, дядя Ефимъ, который у тебя всегда открытъ, когда я говорю.

«Да, онъ, православные, браниться изволитъ! Что же это такое будетъ? И не въ Еремину версту, да слушаютъ меня, а онъ слова выговорить не дастъ! Еслибы ты свои дѣла править умѣлъ, такъ и не былъ бы ты голъ, какъ соколъ. Если Богъ кого благословляетъ, такъ онъ того благословитъ деньгами и всякимъ добромъ, а ты что за птица важная! У тебя и изба тремя дубинками подперта, а въ карманѣ у тебя хоть выспись! Да что что ты говорить-то мастеръ? Краспобай, да и только!

Еремѣй снялъ шляпу, низко покло-

нился и сказалъ: «Великую правду услышалъ я отъ тебя, дядя Ефимъ, что умъ познается по деньгамъ, а благословеніе Божіе мѣряется по богатству! Этакой правды и отъ нашего отца Никифора во вѣки вѣковъ не услышишь. Не помню только я, кто-бишь сидѣлъ въ Аду, въ пламени неугасаемомъ, когда бѣдный Лазерь находился въ Раю, подлѣ праотца Авраама? Желалъ бы я еще спросить у подушки каждаго богача: что-то съ ней поговариваетъ ночью совѣсть ихъ? Изба тремя дубинками подперта! Такъ что же? Первой я гоню отъ себя всякую тоску и заботу; другой боится у меня всякое дурное помышленіе, а третьей дубинкой — готовъ поподчивать ребры того, кто меня обидѣть вздумаетъ! Бѣденъ бѣсъ, который хлѣба не ѣстъ, дядя Ефимъ, а я его ѣмъ, и слава Богу, до сихъ поръ еще по подоконью его не прашивалъ;

а если и придется просить, такъ къ твоему окошку просить его не приду, чтобы тебя на грѣхъ не навести, когда ты мнѣ откажешь. Вѣдь всякій отказъ бѣдному у Бога въ книгѣ животной записанъ бываетъ, и листы этой книги надобно потомъ слезами смывать, когда придется разсчитываться передъ тѣмъ судомъ, гдѣ взятками грѣшнаго дѣла не очистишь, и гдѣ передъ судьею станутъ рядомъ и бѣдный Еремѣй и богатый Ефимъ, да не только мы съ тобой, но и поболѣе и получше насъ люди всѣ въ равномъ достоинствѣ — царь и воинъ, вкупѣ богатый и убогій, и каждый отъ дѣлъ своихъ, или прославится или постыдится!

Тутъ Еремѣй оборотился ко всѣмъ, и сказалъ: «Кажется, православные, я не вздоръ несу, а какъ будто дѣло на дѣло похоже?»

— Да, да! заговорили всѣ.—Видишь

ли, дядя Ефимъ — сказалъ тогда Еремей — православные не потакаютъ по тебѣ, какъ я правду говорю: вѣдь на правду словъ немного! Ты говорилъ, что я птица не великая, такъ за то я въ великія птицы и не лѣзу: велика ворона, да дура, а соловей малъ, да дорогъ. Знаешь ли ты, что однажды соловей провелъ человѣка мудраго? Если хочешь, я тебѣ эту притчу разскажу, а ты послушай:

Нѣкій человѣкъ шелъ путемъ дорогою и поймалъ птицу отъ премалыхъ птицъ, еже есть нарицается *славій*, и хотя заклати оную малую птицу, и вынувъ ножъ отъ нѣдръ своихъ. И данъ былъ славію гласъ человѣческій, и глагола славій человѣку: аще ты меня заколешь, утробы своея не насытишь; аще ли меня пустишь, я тебѣ повѣдаю три премудрыя слова и ты ими во вѣкъ премудро проживешь.—Повѣдай — рекъ

ему человѣкъ—и я тебя отпущу. «Три премудрыя слова сіи суть,» сказалъ славій—«первое, не всякому слову вѣру ими; второе, чего не имѣешь, на то не покушайся; третіе слово, не кайся о мимошедшей вещи.—Слышавъ все то человѣкъ, отпустилъ славія; славій же начаша по воздуху летати и человѣческимъ голосомъ взывати: «Человѣче, человѣче! аще бы ты меня заклалъ, и ты бы изъ меня вынялъ камень самоцвѣтный и многоцѣнный, величиною съ воробья стараго, и понесъ бы его къ царю и великія чести сподобился бы ты отъ царя!» Слыша то человѣкъ, начаша плакатися и сѣтовать. Славій же, по воздуху летая, возсмѣялся и рекъ ему: «О люте, человѣче, безумію твоему! Нѣсть ли прежде сего рекохъ ти: не всякому слову вѣру емли, чего не имѣешь, на то не покушайся и о мимошедшей вещи не кайся? Возмысли

самъ: отъ премалыхъ птицъ есть премалая, какъ же могу вмѣстити камень самоцвѣтенъ и многоцѣненъ съ воробья стараго? Аще бы и имѣлъ его въ утробѣ моей, какъ хотѣлъ ты взять, что тебѣ не принадлежало, и какъ пустивши меня, сталъ ты о томъ каяться? И отлете славій, а человѣкъ отыде посрамленъ.

— Ну, ну! пусть ты соловей — сказалъ дядя Ефимъ—только не слишкомъ-то вашу братью, соловьевъ, нынѣ слушаютъ, и имъ приходится пѣтухомъ пѣть.

«Будто это съ нашего времени!» возразилъ Еремѣй. «Давно, братъ, дядя Ефимъ, такъ на бѣломъ свѣтѣ ведется, съ тѣхъ поръ, какъ правды не стало, а кривда на ея мѣсто сѣла, а было то еще до царя Соломона. Вотъ послушай:

Прислалъ къ царю Соломону царь

изъ земли Эѳіопской, написалъ загадку: «Стоитъ щитъ, а на щитѣ сидитъ заяцъ; прилетѣлъ соколъ, взялъ зайца; прилетѣла сова, сѣла вмѣсто зайца на щитъ. Аще, царь Соломонъ, мою загадку разгадаешъ, дамъ тебѣ три клади, одну съ золотомъ и двѣ съ серебромъ.» Царь Соломонъ думалъ, думалъ, гадалъ, гадалъ, не придумалъ и не разгадалъ. Призываетъ онъ къ себѣ мудрецовъ великихъ; тѣ думали и не раздумали. Пришелъ къ нему старъ старичокъ, одноглазый, а по просту рещи кривой, и отгадалъ загадку такъ: щитъ земля; на щитѣ сидѣлъ заяцъ: то правда на землѣ; прилетѣлъ соколъ и взялъ того зайца: то пришло время и унесло съ земли правду; и въ зайца мѣсто прилетѣла сова и сѣла на щитъ: то сѣла на землю кривда.

— Хорошо разсказываешь, да не такъ-то бываетъ, какъ говорится — от-

вѣчалъ дядя Ефимъ.—Эй, Еремѣй! говорю тебѣ: дойдетъ до раздѣлки за твою буесть, да за твое краснобайство, право слово, не сдобруешь ты! Ужь и то староста на тебя зубами пощелкиваетъ!

«Такъ тебѣ завидно что ли? Да, пусть пощелкиваетъ: вѣдь я не орѣхъ, меня не разщелкнешь скоро! Будто у насъ только и свѣта въ окошкѣ, что сотскій, да староста? Не бойся суда, бойся судьи—говорилъ ты, а я тебѣ скажу: бойся кривды, да мѣряй гнѣвъ человѣческій на свою правду, такъ никогда не промѣряешься...

— Да, полно вамъ, что вы сцѣпились, братцы!—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

«Я что ли началъ?» сказалъ Еремѣй. «Вся бѣда, что я ему сказку про судью Шемяку сказывалъ, да табачкомъ его поподчивалъ—ну, отъ сказки ему мор-

щится, а отъ табаку чихнуть хочется! Ты стращаешь все судьями, а я вотъ тебѣ докажу, что страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ: и съ судьями иногда дѣло дѣлать можно. Дослушай!

=

«Недалеко ужь имъ и до Шемяки судьи идти оставалось, а куда бѣдному Еремѣ идти было тяжело, хоть его и поддерживали за воротъ, Карпъ съ одной стороны, а Ѳома съ другой. Идутъ молодцы и думаетъ Ерема: «Ну, и безъ бѣды судья бѣда, а у меня двѣ такія бѣды надъ головою—куда я дѣнусь! Заплатить не чѣмъ, поплатиться и поготово не чѣмъ, а они мужики богатые: еслибы чего не дотягивало на ихъ сторону, такъ они деньгой дотянутъ, а деньга и камень долбитъ. Судья же Шемяка не камень, такъ они въ судѣ его такую дыру продолбятъ, что и на тройкѣ проѣдешь. Сгинь моя голова побѣдная! Вотъ подходимъ мы къ мосту, а подъ мостомъ прорубь немалая. Перекрещусь, да брошусь въ прорубь—поминай, какъ звали—всѣ бѣды въ воду и пузырья въ верхъ! Вѣдь и безъ того меня судья Шемяка по го-

ловкѣ не погладитъ, а конечно такъ, что велитъ злой смерти предать. Коли мнѣ на роду было написано житье починивать заплатками горя, да запивать каждый день не зеленымъ виномъ, а грустью окаянною—пускай хоть рыбы позавтракаютъ мной, да мнѣ спасибо скажутъ...

Сказано—сдѣлано. Только поравнялись съ серединой моста, Ерема говоритъ: «Постойте, православные! Постой, Карпъ Ѳомичъ, погоди Ѳома Карпычъ! Вонъ видно отсюда село—дайте перекреститься на Божью церковь!»

Карпъ и Ѳома опустили Ерему, а онъ снялъ шапку, положилъ ее на перилы моста, перекрестился, да какъ махнетъ съ моста—только и видѣли его! Карпъ ахнулъ, Ѳома ухнулъ—бросились, ухватились оба за Еремину шапку, схватили ее, держатъ! Ѳома съ пе-

реполоха забылся, думалъ, что находку нашли, закричалъ: «Чуръ вмѣстѣ!» Карпъ махнулъ рукой, говоритъ ему: «Передъ тобой недѣленая! Гдѣ теперь его взять? Кого судья Шемяка судить будетъ? Ты все затѣялъ, Ѳома Карпычъ! Нелегкая принесла тебя съ этимъ окаяннымъ Еремой! Да, я не на гривну теперь сапоговъ истопталъ!»—Экой ты, Карпъ Ѳомичъ! какъ будто я и виноватъ въ чемъ—не тѣмъ онъ будь помянутъ, окаянный!—Правда и то, что не даромъ ему достался хвостъ твоей лошади и мой мальчишка.—«Чего не даромъ! Видишь, какой своевольникъ: не хотѣлъ, чтобы его законною властью судили, а самъ себя разсудилъ. Таковскій и былъ! — Что таковскій и былъ! Велика бѣда: въ прорубь бросился...

Пока мужики разсуждали дѣло такимъ образомъ, стоя на мосту, услы-

шали они внизу, подъ мостомъ, такой шумъ, какъ будто Ерема, упавши въ прорубь, всѣхъ водяныхъ взбѣлѣнилъ. Бросились мужики къ периламъ, глядятъ—глазамъ не вѣрятъ: Ерема стоитъ подъ мостомъ, на льду, живехонекъ, и держитъ его тамъ за воротъ здоровый мужичина, сынъ богатаго крестьянина изъ ближняго села; подлѣ стоитъ лошадь, запряженная въ сани, а въ саняхъ лежитъ кто-то и молчитъ.

Будешь молчать! Видите, какая тутъ вышла штука и вещь предковинная: когда Ерема полетѣлъ съ мосту, такъ полетѣлъ онъ не къ верху, а въ низъ, да въ прорубь-то не попалъ, а упалъ на ледъ. Въ это время подъмостомъ, по льду, ѣхалъ въ саняхъ богатый мужикъ изъ ближняго села, и приноровилъ такъ, что Ерема попалъ прямо на этого мужика, со всего размаху стукнулъ его

въ голову, да такъ стукнулъ, что тотъ и охъ! молвить не успѣлъ.

— Ну, Ѳома Карпычъ! Кому быть повѣшенному, тотъ не утонетъ! — сказалъ Карпъ. — «И я на ту же стать смѣкаю!» отвѣчалъ Ѳома Большая Крома. «Да, видно еще на Ерему грѣхъ не спасенье. Кажись, онъ Сидора-то Михайловича на порядкахъ отдѣлалъ. Теперь засудитъ его судья Шемяка до смерти. Изъ его лапъ не вырвешься!

Пока они говорили, выползли изъ-подъ мосту. Сынъ Сидора Михайловича, радъ ли, не радъ ли былъ тому, что родимаго такъ легко на тотъ свѣтъ отправили, только не благимъ матомъ трясетъ Ерему за воротъ, какъ будто грушу добрую!

«Что, добрый человѣкъ,» сказалъ ему Карпъ Ѳомичъ—«куда это собираешься

въ путь, въ дороженьку? Куда это волочешь ты этого окаяннаго Ерему?

— Никуда не собираюсь я добрый молодецъ, зовутъ меня Артамонъ, сынъ я Сидоровичъ. А ѣхалъ я съ бачькой моимъ изъ моего села къ куму въ гости, новаго пива отвѣдать. Подъѣхали мы подъ этотъ мостъ и вдругъ свалился съ моста вотъ этотъ окаянный, прямо на моего бачьку, и отправилъ его въ дальную дорогу, такъ, что онъ передъ смертью и пожалѣть не успѣлъ, что у кума пива молодаго не отвѣдалъ. Вотъ я и поворотилъ оглобли: веду этого прыгуна къ судьѣ Шемякѣ; пусть онъ у него попрыгаетъ, да научится, каково съ мосту не оглядѣвшись бросаться, да добрыхъ людей давить!

— Хе, хе! — возгласилъ тогда Ѳома Карпычъ, по прозванію Большая Крома — такъ мы тебѣ добрые попутчики,

челомъ бьемъ твоей милости: вѣдь и мы также шли къ судьѣ Шемякѣ, и именно вели съ собою этого некошнаго Ерему!

«А вамъ что до него за притча такая? Воромъ онъ не глядитъ: не такая стать на немъ; до плута, кажись онъ не выспѣлъ, а другой причины я и не придумаю.

— Есть причина, добрый молодецъ, и такая причина диковинная, что и три бабы въ три дня ея не придумаютъ. Пойдемъ-ка вмѣстѣ; держи его покрѣпче, плута, мошенника, а мы тебѣ пособимъ, да потомъ всѣ судьѣ Шемякѣ поклонимся, чтобы онъ его хорошенько выучилъ, какъ у лошадей хвосты беречь, съ палатей не падать и съ мостовъ не прыгать!

Вотъ и пошла честная компанія, всѣ рядомъ порядкомъ, идутъ не огляды-

ваются, только снѣгъ подъ ногами хруститъ; спѣшатъ къ судьѣ Шемякѣ жаловаться на бѣднаго Ерему, а дорогой другъ другу про его бѣды разсказываютъ. Ерема молчитъ, да думаетъ; даетъ волю говорить, а самъ разгадываетъ, словно бобами ворожея разводитъ: что ему теперь дѣлать? Да, та бѣда, что на свою бѣду и ума не приложитъ. Иное дѣло чужая бѣда: та, что твоя бочка пустая — такъ и покатывается, а своя бѣда, что бочка до полна налитая. Брага ли, вино ли въ ней, только трое съ мѣста ея не сдвинутъ. Однажды у мужика на кровлѣ трава выросла. Думалъ онъ, думалъ, бѣдняга, что ему дѣлать? Взлѣсть ли туда и траву скосить, или кровлю сломать, чтобы трава сама съ кровли свалилась? Придумалъ наконецъ—поднять туда свою корову, чѣмъ ее на лугъ выгонять. Да, впрочемъ, вы, думаю,

эту сказку слыхали, а у меня она не сказка, а присказка, а сказка все еще остается недосказанною...

=

Сказка недосказанная! говоритъ Еремѣй Карповъ, и останавливается, можетъ быть, опять табачку понючать. Набрался бусурманскаго духа, окаянный, ѣздивши за границу, въ Жидовскій городъ Бердичевъ, въ полурусскій городъ Одесту, да въ Нѣмецкій городъ Липскъ! Мы уже видѣли, какъ говаривали ему дядя Ефимъ и другіе старики, степенные и почетные, у инаго борода съ локоть: «Эй, пріятель, полно! Смотри—каково-то будетъ — чтобы не отвѣчать! Полно, Еремѣй! Говорятъ тебѣ, полно, не шали!» Еремѣй одно отвѣчалъ на всѣ эти, столь опредѣленные совѣты: «Да, скажите, православные, что я такое дѣлаю? За что мнѣ бѣды ждать?»—За что, за что!—возражалъ съ досадой дядя Ефимъ — да что ты, въ самомъ дѣлѣ, за штука такая? Аль тебя умнѣе въ цѣлой деревнѣ нѣтъ? — «Развѣ я самъ себя называю

умнѣе изъ всей деревни? Вѣдь вы это говорите, а не я! Право, я ничего такого не сдѣлалъ, за чтобы стоило мнѣ и одно недоброе слово сказать!» — Да, ты всякому хочешь дорогу указывать, впереди всѣхъ хочешь идти!—«Отъ того, что всѣ назадъ прячутся, а если никто впередъ не пойдетъ, такъ мы и цѣлый вѣкъ все зады читать будемъ!» — Что тебѣ за дѣло до того? Да, ты же не велишь старостѣ попенной сборки чинить, за неуплату казенныхъ повинностей!—«Еслибы я зналъ, что эти сборки идутъ въ царскую государеву казну, я послѣдній кафтанъ снялъ бы съ себя, да отдалъ, а то съ нашей шеи дерутъ, да дѣлятъ между собой старосты, да сотскіе. Почему жь мнѣ не надоумить православныхъ: братцы! не давайте этимъ піявицамъ нашу кровь сосать!»—Да, твое ли это дѣло?—«Дѣло это всякаго честнаго человѣка и до-

браго христіанина, такъ, какъ всякій обязанъ стеречь своего сосѣда и чинить мостъ, чтобы сквозь него не провалился кто нибудь.»—А вотъ узнаетъ объ этомъ капитанъ исправникъ, такъ онъ тебя вразумитъ, каково вмѣшиваться не въ свое дѣло!—«Капитанъ-исправникъ поступитъ тогда противъ присяги, какую давалъ царю государю, и противъ долга совѣсти, въ чемъ отдастъ отвѣтъ Богу. А впрочемъ капитанъ-исправникъ еще не конецъ дѣлу: надъ нимъ есть набольшіе.»—Пустятъ тебя этакую дрянь къ набольшимъ!—«Да, еслибы мы дружно стояли въ вѣрѣ и правдѣ другъ за друга, такъ при нашихъ добрыхъ, православныхъ царяхъ-государяхъ ни кого дрянью не смѣлъ бы назвать ни одинъ капитанъ-исправникъ! Но, что говорить объ этомъ, православные: не за то сердятся на меня наши старики, а за то, что я не

слишкомъ-то слушаю ихъ высокой рѣчи, за которую привыкли они видѣть, что всѣ только что имъ кланяются, да подтакиваютъ. Да за то еще сердятся, что я табачекъ понюхиваю, смѣкая въ своей головѣ: нѣтъ грѣха понюхать табаку, а грѣхъ сдѣлать что нибудь не по душѣ и не по правдѣ!»—Тутъ много голосовъ подымалось съ разныхъ сторонъ, и соединяясь съ голосомъ дяди Ефима, пѣли старую пѣсню Еремѣю: «Эй, братъ Еремѣй, смотри—не нажить бы тебѣ лиха!»

Впрочемъ, тѣмъ все и оканчивалось между простяками, поселянами того села, гдѣ жили богатый дядя Ефимъ и удалый Еремѣй Карповъ. Послѣ того всѣ опять принимались слушать *сказки* и *присказки* Еремѣя. Да, притомъ же, кто что ни говорилъ, а собственно Еремѣя не выдавалъ народъ православный

въ обиду, ни дядямъ Ефимамъ, ни старостѣ, ни капитану исправнику. Еремѣй былъ мужикъ исправный въ дѣлѣ, въ платежѣ податей, въ обработкѣ своей полосы земли. Въ деревняхъ еще не дошли до той утонченности общественныхъ отношеній, какая видна въ городахъ. Въ деревняхъ, на примѣръ, совсемъ не знаютъ страшнаго для горожанъ преступленія, которое называется: *быть человѣкомъ безпокойнаго характера.* О, почтенные мои читатели! Будьте вы лучше скупы, жадны, немилостивы, безчеловѣчны, трусливы — только сохранй васъ Богъ *быть людьми безпокойнаго характера!* Послѣ этого названія вы пропали, пропали совершенно, и уже чтобы на васъ ни взводили, люди всему повѣрятъ! «Скажите: какой этотъ человѣкъ?» спрашиваетъ Ѳома.—Ничего *худаго* объ немъ сказать не могу—отвѣчаетъ Терентій—

только онъ ни съ кѣмъ не уживается: весьма *безпокойнаго* характера человѣкъ!—Тутъ не спросятъ: *отъ кого* это слышалъ Терентій? *Кто* эти люди, съ которыми не уживается обвиняемый, и можно ли съ ними *ужиться*, хоть кому нибудь? Не подумаютъ и о томъ: точно ли *хорошій* человѣкъ, который *уживается со всякимъ*? Что до всего этого за дѣло! Вы обвинены, и послѣ того, вамъ не дадутъ въ займы денегъ, ежели вы попросите; не отдадутъ за васъ невѣсты, если вы посватаетесь; осторожно будутъ говорить съ вами, когда вы начнете; прищурятъ глазъ, когда вы подойдете; покачаютъ головой, когда вы отойдете! А казалось бы, въ чемъ обвинили васъ? въ чемъ вы уличены? въ чемъ вы виноваты? какое зло вы сдѣлали?—Ахъ, мм. гг., знаете ли вы, что всего страшнѣе въ городской жизни неопредѣленные

намѣки и неопредѣленныя обвиненія! Во первыхъ, какъ прикажете на нихъ отвѣчать?—Если человѣку говорятъ: ты воръ!—онъ возражаетъ: Неправда! Скажите, что такое я укралъ? — и непремѣнно надобно будетъ уличить его. — Человѣку говорятъ: Ты лжецъ!—Опять онъ можетъ попросить доказательствъ въ его лжи.—Но какихъ доказательствъ просить и что отвѣчать, когда все обвиненіе заключено въ словахъ: *Онъ человѣкъ, конечно, хорошій, но... говорятъ... однакожь... хотя я его такъ мало знаю... мнѣ сказывали...*—И только! Но все это произносится съ такимъ сомнительнымъ видомъ, все это говорится такъ таинственно, мрачно, тихо, и словомъ сказать: этого довольно, чтобы человѣка на вѣки погубить въ общественномъ мнѣніи, и чтобы послѣ того повѣрили самымъ страшнымъ преступленіямъ, какія на него взве-

дутъ! Клубку сплетней стоитъ только сначала немножко намотаться, а тамъ уже его не удержишь: онъ катится, какъ снѣговой шаръ, растетъ не по годамъ, а по часамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и можетъ задавить, не только что нибудь другое, но даже двадцатилѣтнюю, безпорочную жизнь, унизанную добрыми дѣлами, какъ перлами многоцѣнными. И жизнь, и перлы, и ничто не пособитъ: все будетъ раздавлено!

=

Но между тѣмъ, пока мы разсуждаемъ, Еремѣй Карповъ, вѣроятно, уже далеко уплелся съ своею сказкою. Нѣтъ! У него тоже шли особливыя присказки и росказни, и мы кстати подоспѣемъ къ тому самому мѣсту, гдѣ онъ остановился. Но впрочемъ, позвольте мнѣ, мм. гг., разсказать вамъ окончаніе этой сказки немного по своему, какъ начиталъ я въ одномъ старомъ сборникѣ, писанномъ крюковатою скорописью, вѣроятно, въ началѣ XVII-го вѣка. Это будетъ тѣмъ любопытнѣе, что есть значительная разница въ подробностяхъ противъ извѣстнаго, печатнаго *Суда Шемякина*, который продавался на Спаскомъ мосту. Знатокамъ, болѣе меня опытнымъ, предоставляю разрѣшать: которое повѣствованіе древнѣе, вѣрнѣе и лучше?

— Ну! вотъ начнемъ, хоть такимъ

образомъ: *не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ забѣлѣлись,* забѣлѣлись бѣлокаменныя палаты того города, гдѣ изволилъ жить судья Шемяка. Идутъ наши просители вдоль по дорожкѣ, ведутъ бѣднаго Ерему, подходятъ къ дому судьи Шемяки. Надобно вамъ знать что Шемяка извѣстенъ былъ въ дальныхъ сторонахъ своихъ отличнымъ правосудіемъ, своимъ судомъ нелицепріятнымъ, своимъ искуствомъ распутывать, что было трудно, запутывать, что было просто. Твердо вѣря пословицѣ: *сухая ложка ротъ деретъ,* онъ по своему изъяснялъ, что было написано въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича: «Судити судъ боярамъ и окольничимъ, а на судѣ быти у бояръ и окольничихъ дьякомъ, а *посуловъ* боярамъ, и окольничимъ и дьякомъ, отъ суда и отъ печалованья, не имати.»—Слышишь, дьякъ! — говаривалъ судья Шемяка — *посу-*

ловъ не имать, а требовать *поличнаго* и *поручнаго*, и если кто станетъ *сулить*, хоть журавля, да въ полѣ, а другой синицу, да въ руки—посулу не вѣрить, и дѣло рѣшать по наличному: перваго виноватить, а другаго править. Слышишь?— «Слышу!» всегда отвѣчалъ ему дьякъ, поглаживая крошечную бородку. Такъ умѣлъ *толковать законы* судья Шемяка, и какъ онъ притомъ зналъ всѣ приличныя суду поговорки, какъ-то: рука руку моетъ—курица по зернушку клюетъ, да сыта бываетъ — виноватый виноватъ, да и правый не правъ—безъ вины виноватъ—по душѣ правъ, да по дѣлу виноватъ—то вы и повѣрите мнѣ, что правда у судьи Шемяки была мягче воску, и онъ изъ нея мялъ такія фигурки, какія были ему угодны. Вы скажете, что какъ бы онъ ни мялъ ее, но *законы* были для него всегдашнимъ препятствіемъ измять ее вовсе. Съ чи-

тателемъ, который сдѣлаетъ мнѣ подобное возраженіе, желалъ бы я поговорить особо, и сказать ему на ушко кое-что... разумѣется, про судью Шемяку. Видите: въ Аѳинахъ былъ мудрецъ, а назывался онъ Солонъ. Аѳиняне поручили ему написать самые лучшіе и самые свѣжіе законы. Онъ сидѣлъ сидѣлъ, думалъ, думалъ, писалъ, писалъ, и наконецъ высидѣлъ, придумалъ и написалъ. «Ну! господинъ Солонъ!» сказалъ ему одинъ подьячій Аѳинскій — «написалъ ты законы славные, да только знаешь ли на что они похожи? — Нѣтъ, не знаю — отвѣчалъ Солонъ. «На паутину, въ которой всякая маленькая мушка завязнетъ, и которую всякая большая муха разорветъ.» — Такъ думали въ Аѳинахъ, а выше сего мы уже представили маленькій примѣръ того, какъ судья Шемяка умѣлъ

изъяснять законы. Давно уже сказалъ Русскій писатель:

Законы святы,
Да исполнители лихіе сопостаты!

Впрочемъ, мм. гг., я вѣдь говорю о *судьѣ Шемякѣ*, а не о комъ нибудь другомъ, прочемъ, иномъ. Я самъ видалъ, что правое дѣло иногда выигрывается, а виноватое проигрывается. Да, вотъ, говорятъ, въ Японіи судьи вовсе взятокъ не берутъ! Мало ли какихъ есть на свѣтѣ диковинокъ—всего не пересчитаешь!

Подошли наши просители къ дому судьи Шемяки, смотрятъ: домъ стоитъ во дворѣ, на всей красотѣ, а надъ домомъ поставлена превеликая надпись: «*Домъ правосуднаго судіи Шемяки.*» Ворота растворены настежь, и отъ са-

мыхъ воротъ до крыльца дубоваго снѣгъ разчищенъ, песочкомъ дорожка посыпана — свободный входъ всякому, бѣдному и богатому. «Ай, да судья Шемяка!» говорятъ просители — «да у насъ и къ сотскому такого свободнаго входа нѣтъ!» Смотрятъ они еще: подлѣ воротъ на улицѣ, по обѣ стороны, врыты два столба высокіе, и подлѣ каждаго столба стоитъ Земскій Ярышка съ дубинкой, а на столбахъ прибиты листы, и на листахъ написано что-то такими крупными буквами, что и слѣпой прочитаетъ. Нашимъ просителямъ жаловаться судьѣ Шемякѣ было дѣло небывалое, не знаютъ они ни суда, ни обряда. Сняли шапки, кланяются ярыжкамъ, и хотятъ идти прямо во дворъ, въ ворота. «Стой,» закричалъ одинъ ярыжка. «Сперва прочитай, что на столбѣ написано!» Просители поглядѣли другъ на друга и отвѣчали: «Грамотѣ не

знаемъ, кормилецъ!»—Ну, такъ слушайте, я вамъ прочту: «Вѣдомо симъ чинится всякому, что никто изъ жалобщиковъ, приходящихъ къ судьѣ Шемякѣ, никакихъ взятокъ никому давать не долженъ, а паче чаянія кто что дастъ, будетъ судиться, яко виновный въ подкупѣ.»—Ай, да кормилецъ судья Шемяка! — вскричали просители. «Ну, теперь давай же за прочтеніе!» сказалъ имъ ярыжка, протягивая руку.—«Какъ: давай? Да, вѣдь ты самъ о томъ читалъ, чтобы мы не давали?—Да, развѣ я взятку съ тебя прошу?—вскричалъ ярыжка —это законное дѣло. Кто тебѣ не велѣлъ грамотѣ знать самому! — А еслибы мы сами грамотѣ знали? — Тогда вы должны бъ были заплатить за то что сами прочитали. Толковать нечего! Давай, а не то дубинкой по лбу съѣзжу; забудешь, какъ твоего отца зовутъ, да еще въ тюрьмѣ насидишься за ослу-

шаніе противъ начальства и своевольство!» Толковать было, въ самомъ дѣлѣ нечего; просители вынняли свои мошни, заплатили по алтыну. «Теперь ступайте къ другому столбу!» проговорилъ ярыжка. Просители подошли къ другому столбу. «Знаете грамотѣ?» спросилъ товарищъ ярыжки.— «Нѣтъ, кормилецъ!« — Такъ слушайте: «Вѣдомо симъ чинится всякому, что каждый жалобщикъ, приходящій къ судьѣ Шемякѣ, имѣетъ быть къ нему допущенъ свободно, во всѣ *положенные* часы, и никто не смѣетъ пришедши уйдти назадъ, подъ опасеніемъ быть судимымъ, яко виноватый.» — Слышимъ, кормилецъ! отвѣчали просители, низко кланяясь. «Давай же за объявленіе,» сказалъ ярыжка, «и отговариваться не смѣй, понеже за ослушаніе будешь виноватъ!» Просители поглядѣли другъ на друга и заплатили еще

по алтыну. «А ты, молодецъ, что не платишь?» спросили ярыжки Ерему. «У меня нечего дать,» отвѣчалъ Ерема.—Такъ и не смѣй ты идти къ судьѣ Шемякѣ, коли за прочтеніе, да за объявленіе приказовъ не платишь—пошелъ прочь! — «Да, я и не желаю идти къ судьѣ,» сказалъ Ерема—«спасибо вамъ, господа земскіе ярыжки! Пожалуй, хоть пріударьте еще меня въ толчки, да прогоните!»—Давай затылокъ, за этимъ дѣло не станетъ!—Тутъ Ѳома, Карпъ и Артамонъ испугались, кланяются, говорятъ: «Господа земскіе ярыжки! ведемъ мы его къ судьѣ Шемякѣ, а если вы его прогоните, такъ кого же судья судить будетъ?»—Намъ какое дѣло! Платите за него вы, а безъ того не пустимъ.—Просители постояли, подумали, опять развязали мошни, и заплатили за Ерему по доброму грошу съ брата. А Ерема между тѣмъ расхаживалъ

на улицѣ подлѣ воротъ, увидѣлъ камешекъ порядочный, подумалъ, подумалъ, завернулъ его въ тряпичку и спряталъ за пазуху. Для чего? Авось узнаемъ, какъ разсказъ къ концу придетъ.

— Все вымѣстимъ на лиходѣѣ нашемъ, когда будемъ у судьи Шемяки! — проговорили просители, идутъ, прошли сквозь широкія ворота, пошли по чистой, гладкой, широкой дорожкѣ. «Стой!» закричали два новые ярыжки, и выскочили изъ будокъ, которыя поставлены были во дворѣ по обѣимъ сторонамъ воротъ, такъ, что съ улицы совсемъ не были видны. «Куда? Зачѣмъ?»—Къ судьѣ Шемякѣ.—«Давай по три алтына!» — За что, кормильцы?— Положенное за входъ во дворъ судейскій.—Что, товарищи, платить ли намъ? спросилъ Ѳома, который былъ скупѣе другихъ.—Два алтына, да три алтына,

анъ всего будетъ пять?—А что ты думаешь?—отвѣчалъ Карпъ.—Не вернуться ли намъ?—Такъ заплатите по шести алтынъ за выходъ,—вскричали ярыжки. —Ни взадъ, ни впередъ! Попались молодцы! Ерема и думать ни о чемъ не хотѣлъ, потому что ему, какъ голому, и тутъ угрожали только толчками, а просители поморщились, да опять за него заплатили.

«Шапки долой! Пени по пяти алтынъ!» закричалъ главный ярыжка, когда просители подошли къ судейскому крыльцу. Они и не замѣтили, какъ онъ вывернулся, откуда взялся. То-то и бѣда, что просителямъ кажется чистая, широкая дорога къ судейскому крыльцу, а какъ пойдутъ по той дорогѣ, ярыжки словно изъ-подъ земли вывертываются, да такъ змѣйкой въ карманъ и лѣзутъ. «Послушай-ка, кормилецъ,»

сказалъ Ѳома главному ярыжкѣ. «Читали намъ *проказы* у воротъ, чтобы никому взятокъ не давать.» — Да, развѣ вы давали кому нибудь? Развѣ съ васъ взятки взялъ кто нибудь? Скажите скорѣе: бѣда и вамъ, и тому бѣда, кто взялъ!—«А вотъ, кормилецъ, заплатили по алтыну у перваго столба.» За *прочтеніе*. — «Да, по алтыну у другаго столба.»—За *объявленіе*. — «Да, по три алтына, когда вошли во дворъ.» — За *вхожденіе*. — «А ты, кормилецъ, за что берешь?»—За то, что вы у крыльца шапокъ не сняли. — «А еслибы мы сняли?»—Такъ заплатили бы за *здорово живешь*.—«Какъ: за здорово живешь?» — Да, такъ, потому что я приставленъ здѣсь говорить всякому, кто не придетъ: *здорово живешь*, а за это взносится по пяти алтынъ.

— Была не была!—Заплатили молод-

цы, взошли на высокое судейское крыльцо, подошли къ двери. Дверь заперта. Стукнули разъ, и за дверью кто-то сиплымъ голосомъ произнесъ: *Гривна!* — Стукнули въ другой, и тотъ же голосъ опять произнесъ: *Другая!*—Стукнули въ третій, и тотъ же голосъ въ третій разъ промолвилъ: *Третья!* — Ой, братъ! да не на нашъ ли карманъ это насчитываютъ!—молвилъ Ѳома.—*Подразумѣвается!* произнесъ невидимка; маленькое окошечко въ двери отворилось; протянулась изъ него костлявая рука, крючкомъ изогнутая, и невидимка за дверью произнесъ: «Положи по три гривны съ брата!—Кормилецъ! за что же?—«А за то, что вы въ *положенный* день пришли. Развѣ не читали приказа у входа?» — Товарищи! не пойдти ли намъ назадъ! — шепнулъ Ѳома. — «Такъ за безчестье положенному дню и напрасное челобитье давай по шести

гривенъ. — Отворяй двери—бери деньги!»—Нѣтъ! сперва заплати, тогда отворятъ.»—На, бери деньги.—«Взялъ.»—Отворяй.—«Нѣтъ! погоди—надобно еще дьяку доложить »—Такъ иди, да докладывай! — Рука опять протянулась, а дверь не отворялась.—Иди же докладывать? — «Вы должны *доложить*, а тогда и двери настежь!»

Еще по гривнѣ съ головы слетѣло въ костлявую руку невидимки. Дверь наконецъ растворилась. Глядятъ просители: стоитъ цѣлый рядъ подьячихъ, протянулся до самого того стола, за которымъ сидитъ дьякъ, пишетъ, перомъ пощелкиваетъ и не глядитъ. — Не знали просители что тутъ дѣлать. И вотъ съ правой стороны протянулась подьяческая рука крючкомъ и говоритъ первый подъячій: «На отопленіе судейской!» Протянулась другая, гово-

ритъ другой: «На бумагу для жалобы!» Протянулась третья, говоритъ третій: «За записку просьбы.» Протянулась четвертая, говоритъ четвертый: «За печать!» Протянулась пятая... Словомъ, протянулось четырнадцать рукъ, и каждая вытянула изъ мошни у каждаго просителя по нѣскольку алтынъ (тогда еще считали приказные, большею частію, алтынами, и потому нерѣдко называли ихъ *алтынниками*). И съ горя, и съ расходовъ и съ холоду, повалились просители въ ноги дьяку, кричатъ, вопятъ: «Смилуйся, отецъ!»

— Что вы?—спросилъ дьякъ. — Жаловаться судьѣ Шемякѣ. — На жалобу нѣтъ запрещенія. Справедлива ли жалоба?—Эй, отецъ, ужь какъ справедлива, кормилецъ!—Не бралъ ли кто нибудь съ васъ взятокъ, пока вы дошли до меня? — Нѣтъ, кормилецъ — брали съ насъ

много, а взятокъ не бралъ никто. — Имѣешь ли ты *наличныя* доказательства въ правотѣ своего дѣла?—спросилъ дьякъ у Ѳомы.—Тотъ подумалъ, подумалъ, и отвѣчалъ: «Со мной никакихъ доказательствъ на лицо нѣтъ!» — Хорошо, а ты имѣешь ли?—Нѣтъ!—А ты имѣешь ли!—Нѣтъ! — Ерема смѣкнулъ между тѣмъ дѣломъ, и когда у него спросили, отвѣчалъ: «Имѣю.»—Покажи. —Ерема вынялъ изъ-за пазухи камень въ тряпичкѣ, и изъ-за спины Ѳоминой показалъ дьяку.—Ладно!—молвилъ дьякъ. Онъ всталъ, растворилъ двери и ввелъ просителей въ судейскую.

Глядятъ наши молодцы—сидитъ старый судья Шемяка, на большой скамьѣ, за большимъ столомъ; съ одной стороны стоитъ чернилица въ полтора ведра; съ другой лежатъ большою охапкою перья лебединыя. Хорошъ судья Ше-

мяка, толстъ, красенъ, дороденъ, ноздри раздуваетъ, правду изрекаетъ. Испугались, струсили, оробѣли наши просители, кланяются въ землю. — Судья Шемяка!—заговорилъ дьякъ, подошедши къ судейской скамьѣ — бьютъ тебѣ челомъ три просителя на одного отвѣтчика!

— Хмъ! - промолвилъ Шемяка и поднялъ носъ къ верху.

«*Наличныхъ* доказательствъ не имѣютъ!

— Хмъ! — промолвилъ опять Шемяка и погладилъ по широкой своей бородѣ рукою.

«Не имѣютъ! А отвѣтчикъ наличныя доказательства *имѣетъ!*

— Хмъ!—молвилъ еще разъ Шемяка, потянулся по лавкѣ, выдвинулъ

брюхо впередъ, голову закинулъ за спину, глаза уставилъ въ потолокъ, сложилъ ногу на ногу и сказалъ: «Объявленъ ли просителямъ приказъ, что посуловъ не принимаютъ?

«Объявленъ.

— И такъ, судъ *по формѣ* начинается. Жалуйтесь по порядку!

И вотъ Ѳома повалился въ ноги судьѣ Шемякѣ, объясняетъ сущую правду, какъ Ерема у лошади его хвостъ выдернулъ.

— Ну, что ты, отвѣтчикъ, скажешь? — возговорилъ судья Шемяка.

«Я не виноватъ, что онъ не далъ мнѣ хомута, и что у его лошади хвостъ не крѣпко держался.

— А чѣмъ докажешъ?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Ѳомы

показалъ судьѣ Шемякѣ камень въ тряпичкѣ.

— Хмъ!—промолвилъ судья Шемяка, и тихо прибавилъ: *сто рублей навѣрное.*—Правъ! возгласилъ онъ. Слушай, проситель: отдай ты свою безхвостую лошадь этому негодяю, и пусть онъ держитъ ее у себя до тѣхъ поръ, пока у нея опять хвостъ вырастетъ. Тогда возми себѣ лошадь, и съ хвостомъ, а если онъ хвоста отдавать не будетъ, дозволяется тебѣ жаловаться законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести перваго просителя, и взять съ него надлежащую подписку, пошлины, приказный сборъ, и прочее, какъ слѣдуетъ. — Ѳому подхватили и повели въ подьяческую, а Карпъ повалился въ ноги судьѣ Шемякѣ, объясняетъ сущую правду, какъ Ерема съ палатей свалился и ребенка задавилъ.

— Ну, что ты, отвѣтчикъ, скажешь? — возговорилъ судья Шемяка.

«Я не виноватъ, что у него палати валки, и что ребенокъ лежалъ въ своей люлькѣ подлѣ палатей.

— А чѣмъ докажешь?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Карпа показалъ судьѣ Шемякѣ камень въ тряпичкѣ.

— Хмъ!—промолвилъ судья Шемяка, и тихо произнесъ: *еще сто рублей навѣрное!*—Правъ! провозгласилъ онъ. — Слушай, проситель: отдай ты свою жену этому негодяю, и когда родится у нея сынъ, то возми себѣ обратно жену и сына, а если онъ сына отдавать не будетъ, дозволяется тебѣ жаловаться на него законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести втораго просителя, и взять съ него надлежащую подписку, пошлины,

приказный сборъ, и прочее, какъ слѣдуетъ.

Карпа подхватили и повели въ подьяческую, а Артамонъ повалился въ ноги судьѣ Шемякѣ, объясняетъ сущую правду, какъ Ерема съ моста прыгнулъ и отца его задавилъ.

— Ну! что ты, отвѣтчикъ, скажешь? — возговорилъ судья Шемяка.

«Я не виноватъ, что отцу его вздумалось подъѣхать подъ мостъ, когда я прыгнулъ, и что отецъ его не увернулся, когда я на него упалъ.

— А чѣмъ докажешь?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Артамона показалъ судьѣ Шемякѣ камень въ тряпичкѣ.

— Хмъ! промолвилъ судья Шемяка, и тихо прибавилъ: *еще сто рублей на-*

вѣрное!—Правъ! возгласилъ онъ.—Слушай, проситель: поди ты, стань на мостъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ негодяй, а его поставь на то самое мѣсто, гдѣ ѣхалъ твой отецъ, и потомъ спрыгни на него съ моста и задави его, точно такъ же, какъ онъ задавилъ твоего отца. А если ты спрыгнувши его не задавишь, дозволяется тебѣ снова жаловаться на него законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести третьяго просителя, и взять съ него надлежащую подписку, пошлины, приказный сборъ, и прочее, какъ слѣдуетъ.

Артамона подхватили и повели въ подьяческую. Остались въ судейской судья Шемяка, дьякъ, да Ерема.

— Ну!—сказалъ судья Шемяка —доволенъ ли ты моимъ судомъ?

«Доволенъ,» отвѣчалъ Ерема.

— Такъ подавай же доказательства того, что доволенъ.

«И за этимъ не станетъ!» отвѣчалъ Ерема, вынулъ тряпичку, развязалъ, и показалъ судьѣ Шемякѣ камень.

— Какъ?—воскликнулъ Шемяка. — Стало быть ты не хотѣлъ мнѣ за каждое рѣшеніе давать по сту рублей, и не деньги, а камень мнѣ показывалъ? Для чего же ты мнѣ его показывалъ?

«А вотъ для чего: еслибы ты судилъ не по мнѣ, такъ я этимъ камнемъ прямо бы тебѣ въ лобъ пустилъ!»

Судья Шемяка посмотрѣлъ на камень, подумалъ и сказалъ: «Увѣсистъ камешекъ выбралъ!» Потомъ онъ перекрестился и промолвилъ: «Слава Богу, что я по немъ судилъ! Еслибы, да пустилъ онъ мнѣ въ лобъ этимъ камнемъ, такъ навѣрное лбу моему уцѣлѣть

было бы невозможно. Но, на чемъ же ты основывался, оправдываясь въ судѣ такимъ образомъ?

— На извѣстной поговоркѣ, правосудный судья Шемяка: семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ, и на другой: *съ голаго что...*

«Правъ, правъ!» возгласилъ судья Шемяка. — Казусное однакожь дѣло! Дьякъ! вытолкать этого негодяя, а впередъ постановить правиломъ на судѣ: не принимать наличныхъ доказательствъ безъ надлежащаго предварительнаго осмотрѣнія, и если кто таковыя, или тѣмъ подобныя доказательства представить вознамѣрится, каковыя сей негодяй представитъ, то оныхъ не принимать, *поелику*... Ну, да «поелику»-то ты ужь тамъ подведи, какъ законы повелѣваютъ!

Ерему вытолкали изъ судейской, а у воротъ на улицѣ встрѣтилъ онъ Ѳому, Карпа и Артамона, которые стояли и думали: «Жаль хвоста, да все таки лошадь-то и безъ хвоста денегъ стоитъ! — Жаль ребенка, да все таки жена-то мнѣ на что нибудь, да понадобится! — Жаль отца, да все таки своя голова на что нибудь, да пригодится!

— Ерема! — сказалъ Ѳома — чѣмъ брать тебѣ у меня лошадь безхвостую, возми лучше корову, и передъ тобой она! Грѣхъ, да бѣда на кого не живетъ!

«Пожалуй!» отвѣчалъ Ерема.

— Ерема! — сказалъ Карпъ — чѣмъ тебѣ брать у меня старуху жену, возми лучше молодую своячину и живите съ Богомъ! Въ своей семьѣ и горшекъ съ горшкомъ столкнется!

«Пожалуй!» отвѣчалъ Ерема.

— Ерема!—сказалъ Артамонъ—чѣмъ мнѣ прыгать на тебя съ моста, возми лучше, я подарю тебѣ, хату теплую, владѣй на здоровье: вѣдь на всякое чиханье не наздравствуешься, а иной разъ такъ прыгнешь, что потомъ и прыгать не станешь!

«Пожалуй!» отвѣчалъ Ерема. «Давно бы вамъ такъ. Право, худой миръ лучше доброй ссоры.»

— И конецъ *сказкѣ о судьѣ* Шемякѣ!

=

Еремѣй Карповъ кончилъ сими словами свою сказку. Только что дядя Ефимъ хотѣлъ говорить — глядятъ: по селу мчится удалая тройка и ямщикъ кричитъ: *Лошадей! Лошадей!*

— Хе! Сидорка прикатилъ! — закричали всѣ мужики, старый и малый, вскочили съ завалины, опрометью побѣжали къ почтовому двору и забыли всякія сказки и присказки.

=

ПИРЪ

СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА,

КНЯЗЯ КІЕВСКАГО.

(Византійская легенда.)

Трудно перенестись въ прошедшее, такъ же трудно, какъ предугадать будущее. Стоя на утесѣ, который называютъ *настоящимъ*, не видитъ ли человѣкъ, со всѣхъ сторонъ вокругъ себя, обширнаго океана бытія, не различаетъ ли на немъ разнообразныхъ волнъ, но что же ихъ разнообразіе? Минута, и онѣ измѣнились, и новыя мчатся въ слѣдъ ихъ: волна прошедшаго, катившаяся горою, разсыпалась; волна будущаго

подъемлется, холмится, разсыпается, преходитъ — и снова однообразно въ разнообразіи, море бытія кипитъ, волнуется: гдѣ его дѣленіе? гдѣ предѣлы, гдѣ грани волнъ? Кто выхватитъ одну изъ среды ихъ, оледенитъ, окаменитъ ее и броситъ передъ наблюдающіе взоры человѣка? Печальнымъ памятникомъ минувшаго носятся на хребтахъ волнъ только остатки разбитыхъ ими ладей и кораблей человѣческихъ, трупы бытія. Были и нѣтъ, жили и прешли — вотъ все, что говорятъ они памяти.

Обширныя страны на сѣверъ отъ Чернаго моря, по волѣ Греческихъ географовъ принимавшія имена *Гиперборей*, *Скиѳіи*, *Сарматіи*, не уподобляются ли такому океану? Будемъ ли мы читать повѣствованіе объ нихъ, будемъ ли бродить по степямъ Дона и Днѣпра, и въ мѣлкихъ подробностяхъ бы-

тія настоящаго искать слѣдовъ минувшаго, не такой ли океанъ онѣ, сіи страны?

Уничтожьте нынѣшніе города и жилища наши на сихъ степяхъ, удалите все, что гнѣздится теперь на нихъ. Пусть дичь и пустыня раздвинутся отъ береговъ Чернаго моря къ Волгѣ и за Днѣпръ, пусть зарастутъ онѣ древними, дремучими лѣсами, испестрятся степями, на которыхъ вѣковѣчно бѣлѣютъ разливы ковыля и темнѣютъ острова бурьяна. Пусть только волны рѣкъ вьются между пустынями, и плещутся, какъ плескались онѣ за тысящелѣтія своими серебристыми волнами. Пусть воображеніе ваше вѣщею птичкою пролетитъ послѣ того черезъ вѣка, и остановится на томъ времени, когда еще ни вольный казакъ, ни угрюмый сынъ Азіи Татаринъ не жили и не кочева-

ли тутъ; Греческіе города лежали видимыми обломками на берегахъ Чернаго моря; Хазарскіе города дымились въ недавнемъ разрушеніи отъ меча Русскаго; воды Днѣпра отражали въ себѣ вѣжи и шалаши дикарей Азійскихъ, бѣдныя жилища Славянъ и городки Нордманновъ.

Тамъ, гдѣ въ послѣдствіи раздвинулся обширный Кіевъ и возвысились золотоглавыя церкви его, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ стоялъ тогда деревянный кремникъ, или городокъ Нордманскій—четыре деревянныя стѣны, срубленныя изъ толстыхъ бревенъ, съ небольшими башнями по угламъ, съ двумя крѣпкими воротами, съ безпрерывною стражею у воротъ и на стѣнахъ. Палисадъ изъ заостренныхъ, толстыхъ кольевъ составлялъ внѣшнее укрѣпленіе городка, простираясь изви-

линами далѣе стѣнъ, изъ-за которыхъ видны были вышки княжескихъ теремовъ, переходы и сѣни, покрытыя *гонтомъ*, или дранью. Городокъ былъ обширенъ; въ немъ помѣщались дворецъ княжескій, дворцы княжичей, жилища избранной дружины, вельможъ и бояръ, казнохранилища, оружейныя, конюшни для лошадей князя и дружины его. Незаселенная равнина отдѣляла городокъ отъ хижинъ, разсѣянныхъ далѣе, разбросанныхъ безпорядочными толпами, между коими извивались узкія, неровныя улицы и переулки. Домы состояли изъ мазанокъ, изъ срубовъ съ маленькими окошками, даже изъ землянокъ; они были покрыты дранью, соломою, дерномъ; иные огорожены плетнемъ, большая часть безъ огорожи, только съ закутою. Между ними въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились высокіе терема бо-

гатыхъ *гостей* и *вящшихъ людей;* сіи терема были въ два этажа, состояли изъ многихъ небольшихъ, раздѣльныхъ срубовъ, соединенныхъ переходами, или сѣнями; въ нижнихъ этажахъ обыкновенно находились кладовыя, и такой дворъ обносился вокругъ заплотомъ, или плетнемъ, съ сараями вокругъ плетня. На другомъ концѣ сего неправильнаго, безпорядочнаго народонаселенія, заключавшаго въ себѣ нѣсколько тысячь теремовъ, домовъ и землянокъ, находился *чудный* дворъ княгини Ольги, составлявшій предметъ удивленія Кіевлянъ, потому что теремъ во дворѣ былъ *каменный:* четыре толстыя стѣны, складенныя изъ кирпича, съ узкими, маленькими окнами, обмазанныя по штукатуркѣ красною краскою. Съ множествомъ разныхъ деревянныхъ строеній, каменный теремъ сей окружался палисадникомъ и походилъ на

городокъ, только не видно было при немъ ни башенокъ, ни стражи. Къ Днѣпру, внизъ по горѣ, къ пристани, гдѣ стояло множество лодокъ, разбросаны были кузницы, бани, балаганы. Со вскрытіемъ Днѣпра начиналась въ Кіевѣ настоящая ярмарка и продолжалась все лѣто. Всѣ окрестныя племена Славянъ плыли тогда въ Кіевъ, одни съ данью великому князю, другія съ товаромъ — мѣхами, кожами, воскомъ, медомъ. Тысячи народа толпились тогда цѣлые дни по берегу Днѣпровскому. Днѣпръ покрывался ладьями, лодками, челноками, плотами. Тутъ были Новгородцы съ заморскими товарами сѣверныхъ странъ; купцы *Гречины*, то есть, торговавшіе въ Греціи и отправлявшіеся въ Царьградъ и Херсонъ весною, а возвращавшіеся осенью. Сюда пріѣзжали Печенѣги и Половцы, съ конскими табунами, множествомъ неволь-

никовъ и невольницъ: Русскихъ отдавали они на выкупъ, иноплеменныхъ продавали Кіевлянамъ. Важный торгъ производился симъ товаромъ изъ Кіева въ Грецію. Купцы Хазарскіе приплывали въ Кіевъ съ драгоцѣнными произведеніями Востока, жемчугомъ и пряностями, которыя шли къ нимъ изъ Индіи, Персіи, Бухары. Словомъ, берегъ Днѣпра съ начала весны до глубокой осени представлялъ живую, пеструю, шумную картину дѣятельности, гдѣ тысячи временныхъ строеній, примостокъ, балагановъ, служили пристанищемъ торговлѣ и жилищемъ для пришельцовъ съ сѣвера, юга, востока и запада.

Тутъ вы увидѣли бы одѣтаго звѣриною кожею Печенѣга, блестящаго бронею Варяга княжеской дружины, добродушнаго Полянина, въ его суконной свитѣ, валяномъ калпакѣ и лаптяхъ,

Византійскаго, или Херсонскаго Грека, въ его полу-Азіятской одеждѣ, Хазара, въ его чалмѣ и широкомъ кафтанѣ. Здѣсь тянулись рядами лубочные балаганы, гдѣ разложенъ былъ всякій товаръ; тамъ рядъ балагановъ, завѣшенныхъ рогожами, представлялъ множество харчевень и гостинницъ, гдѣ пекли, варили, жарили, и на открытомъ воздухѣ толпы народа ѣли кисель, блины, лепешки, пирожки, пироги; за ними находилась загородка, гдѣ Печенѣжскіе невольники и невольницы, связанные парами, лежали и сидѣли въ безпорядкѣ, и по слову хищнаго хозяина своего должны были показывать себя покупателямъ; далѣе была коновязь, гдѣ тысячи лошадей Угорскихъ, Хазарскихъ, Печенѣжскихъ ожидали купцовъ. Вечеромъ, когда корыстолюбіе уставало отъ дневной суеты, по берегу и въ лодкахъ на Днѣпрѣ зажигались

тысячи огней. Являлись Славянскіе скоморохи съ гудками и гуслями, пѣли, плясали. Печенѣги садились вокругъ котловъ, и у нихъ раздавалось унылое, однообразное пѣніе, сопровождаемое звуками какой нибудь кобзы. Кругъ Хазаръ, сидѣвшихъ около своего огня, оживлялъ какой нибудь разскащикъ, прерываемый по временамъ восклицаніями слушателей. Славянскіе люди собирались въ такое время подлѣ обжорныхъ балагановъ, гдѣ продавали крѣпкій медъ и пиво. Тамъ слушали они пѣсни скомороховъ, хохотали, смотря на прыжки ихъ, пили, гуляли «спустя рукава,» какъ говорится по Русской поговоркѣ — *Руси есть веселье пити;* Веселье безпрестанно прерывалось дракою, а драка оканчивалась новою попойкою...

Таковъ былъ Кіевъ, въ то время, ко-

гда идетъ наше повѣствованіе, Кіевъ, подъ властью Святослава, говорившаго: *Не любо ми есть въ Кіевѣ жити.*

Солнце закатывалось за Днѣпровскіе лѣса, со всѣхъ сторонъ окружавшіе Кіевъ и покрывавшіе нагорную сторону своею угрюмою тѣнью, когда изъ-за мыса Угорскаго выплыло нѣсколько большихъ ладей. Впереди, въ одной ладьѣ сидѣло нѣсколько княжескихъ воиновъ, одѣтыхъ въ Русскія брони. За тѣмъ слѣдовала другая ладья, и въ ней было человѣкъ двадцать воиновъ Греческихъ; на носу стояли два человѣка въ богатой Греческой одеждѣ. Одинъ изъ нихъ устремилъ взоръ на Кіевъ, перекрестился и сказалъ другому:

«Слава Ѳеодору Стратилату! Онъ исполнилъ мою молитву — мы доѣхали благополучно. Вотъ Кіевъ!»

— Гдѣ?—спросилъ его товарищъ.

«Вотъ онъ!» Говорившій указалъ на шумное сборище народа по берегу Днѣпровскому, городокъ, домы и строенія Кіевскія. «Вотъ городокъ, жилище Скиѳскаго медвѣдя Сѳендослава, и красный теремъ Ольги. Вотъ Угорскій мысъ, гдѣ убили первыхъ князей Кіевскихъ Аскольда и Дира. Вдалекѣ, что высокій холмъ — Олегова могила на горѣ Щековицѣ. Туда въ лѣво Бирючевъ холмъ, гдѣ стоитъ болванъ проклятаго бога ихъ Перуна. Тутъ рѣчка Почайна, а тамъ вдали находится православная церковь наша св. пророка Иліи—только одна церковь православная!» Онъ еще разъ перекрестился.

«Ахъ! Калокиръ,» промолвилъ другой, «скажи: отъ чего тяжкая грусть обнимаетъ сердце мое, когда ты ска-

залъ мнѣ, что мы приплыли въ Кіевъ? Кажется, будто вѣщуетъ оно, что мнѣ уже не выѣхать изъ здѣшнихъ варварскихъ странъ!»

— Почему же, Михаилъ? спросилъ его Калокиръ (то былъ юный патрицій, котораго Императоръ Никифоръ отправилъ посломъ къ Святославу).

«Едва только воображу я себѣ, какой тяжкій, отдаленный путь совершили мы, какъ били насъ волны Эвксинскія, какъ потомъ плыли мы по Днѣпру среди дремучихъ лѣсовъ, безконечныхъ степей, подъ стрѣлами Печенѣговъ — и страшные пороги... и варварскій городъ, гдѣ мы будемъ преданы волѣ и произволу варвара Скиѳа... О нашъ славный Царьградъ, наша славная Византія! О моя милая подруга...

— Есть о чемъ горевать! Право, когда рѣчь о дѣвушкахъ, здѣшнія Скиѳянки чуть ли не лучше нашихъ чопорныхъ Гречанокъ — ихъ загорѣлыя, румяныя щечки я не отдамъ за мазаныя щеки Греческія. Если ты боишься за жизнь свою — будь спокоенъ: ты здѣсь безопаснѣе, нежели въ Греціи. Знаешь ли ты, что такое значитъ право гостепріимства въ здѣшней варварской сторонѣ?

«Тоже, что въ Аравіи?»

— Еще болѣе, потому что здѣсь ты можешь купить его. Печенѣгъ и Руссъ при первой встрѣчѣ сорвутъ съ тебя голову, но договорись съ ними, заплати имъ, они положатъ свои головы за твою. А сверхъ того, вотъ съ этою золотою гривною, знакомъ нашего посольства, мы безопасно можемъ ночевать въ лѣсу, въ ордѣ Печенѣговъ и въ

лагерѣ Русскомъ. Вѣчное безчестіе преслѣдуетъ изъ рода въ родъ того, кто убьетъ здѣсь посла: ихъ *не сѣкутъ, ни рубятъ!*

«А не посла, слѣдовательно, и сѣкутъ и рубятъ?»

— Исключая *гостей*, у которыхъ серебряная гривна на груди лучше всякаго щита и покрова. Я не знаю, Михаилъ, кромѣ православной вѣры, право, не знаю, гдѣ лучше и съ кѣмъ лучше жить: съ здѣшними ли варварами или съ нашими просвѣщенными Греками? Еслибы къ нашей вѣрѣ, да Русская правда и удалость...

«Правда, которая привѣшена на копье и стережетъ проходящаго, какъ разбойница! Ты слишкомъ пристрастенъ къ твоимъ варварамъ, Калокиръ!»

— Можетъ быть, потому что я родился и выросъ между ними и никакъ еще не примѣнюсь къ нашей Греческой правдѣ.—Боже сохрани, Михаилъ, если Господь просвѣтитъ Скиѳскіе народы православіемъ и они кое-чему понаучатся...

«Что же?»

— Они сдвинутъ тогда нашъ Царьградъ въ море, и кто знаетъ, что въ будущихъ вѣкахъ здѣшнія варварскія страны не образуютъ такого царства, которое коснется востока и запада? Оно будетъ непобѣдимо, Михаилъ—ты еще не видывалъ Скиѳскихъ варваровъ въ битвахъ...

«Храбрость добродѣтель дикаго звѣря.»

— А добродѣтель человѣка не уже ли трусость?

«Разумѣется, умъ научаетъ насъ беречь жизнь свою.

— Охъ! умъ научилъ насъ столь многому — и врядъ ли самая глупость не дочь его...

«Но мнѣ смѣшно подумать, что какой нибудь Царьградъ станетъ со временемъ на мѣстѣ Кіева; что на Скиѳскомъ языкѣ станутъ повторять святыя наши пѣснопѣнія; что у Рускихъ будутъ свои Омиры и Иродоты, и восхитятъ своими писаніями на варварскомъ своемъ языкѣ...

— Но кто знаетъ будущее, Михаилъ! Я разскажу тебѣ даже одно преданіе, которое передалъ мнѣ нашъ Греческій священникъ, находившійся при Ольгѣ. Знаешь ли, что св. апостолъ Андрей странствовалъ здѣсь, воздвигъ крестъ

на горахъ Кіевскихъ, благословилъ ихъ и рекъ: «На сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, будетъ градъ великій, и многія церкви Богъ воздвигнетъ?»

«Андрей Первозванный?

— И кто же послѣ сего вѣдаетъ, что Кіевскимъ Скиѳамъ не суждено *первозваніе* среди всѣхъ народовъ, и что Славянинъ не займетъ даже престола Царяградскаго — по крайней мѣрѣ, не укажетъ смѣлою рукою кому сидѣть на Императорскомъ престолѣ...

«Что ты говоришь?

— Ахъ! я забылся... сказалъ Калокиръ—ты заговорилъ меня.

«Калокиръ!»

— Михаилъ!

«Если я не обманываюсь... Твои рѣчи, столько разъ начатыя тобою.»..

— Что же изъ того слѣдуетъ?—спросилъ Калокиръ съ замѣшательствомъ.

«Мы поговоримъ съ тобой послѣ. Слышишь...

Звукъ трубъ, раздавшійся въ передней ладьѣ, прервалъ разговоръ. Трубнымъ звукомъ княжескіе воины давали знать о своемъ приближеніи.

Съ берега раздался отвѣтный звукъ. Отрядъ воиновъ стройно спускался изъ городка на встрѣчу. Народъ, будто дикія козы, столпился на пристани, гдѣ причалили ладьи Греческихъ пословъ. Едва палками могли очистить дорогу между толпою для пословъ. Калокиръ, Михаилъ, товарищи ихъ вышли изъ

ладей. Отрядъ княжескій приблизился къ нимъ. Впереди отряда ѣхалъ старый воинъ — то былъ воевода Святослава, Свенельдъ. Онъ и товарищи его сошли съ лошадей.

— Великій князь Кіевскій Святославъ, черезъ меня, Свенельда, вождя княжескаго, привѣтствуетъ тебя, посла Греческаго, Калокира, и желаетъ тебѣ здравія.

«Императоръ и повелитель Царьграда и всего Востока благодаритъ Великаго князя Кіевскаго за привѣтъ его, а я, какъ посолъ, представляю тебѣ, Свенельдъ, воевода княжескій, мою довѣренную хартію, и показываю золотую печать, знакъ моего посольства, требуя у васъ гостепріимства, хлѣба и соли.

Свенельдъ подалъ ему руку. «Отцы-

нѣ ты гость нашъ, и князь нашъ *ручается* за твою безопасность, и опредѣляетъ тебѣ посольское на все твое пребываніе въ Кіевѣ, хлѣбъ, вино, мясо, рыбу и овощи.

Они взаимно поклонились. «Теперь,» сказалъ Свенельдъ, «позволь мнѣ обнять не посла Греческаго, но стараго знакомаго и друга. Привѣтствую тебя, Калокиръ, да сохранятъ тебя Перунъ и Волосъ! Князь Святославъ проситъ тебя въ гости, не какъ посла, но какъ стараго знакомаго, бывалаго человѣка въ нашей Русской землѣ, ратнаго сопутника на поляхъ Булгаріи. Твои воины будутъ угощены и приняты въ княжескомъ дворѣ, а ты поѣдешь со мною къ Святославу.

— Гдѣ же найдемъ мы князя?

«Тамъ, гдѣ воину и князю прилично

быть, если онъ не въ битвѣ: Князь травитъ свирѣпаго вепря, появившагося въ Хоревицкомъ лѣсу; его загнали въ *облаву*, и только встрѣча тебя удержала меня въ городѣ. Давно не видывали у насъ звѣря такого свирѣпаго и страшнаго... Поспѣщимъ застать травлю.»..

Калокиру подвели лошадь. Онъ, Михаилъ, и еще три или четыре Грека, поѣхали за Свенельдомъ. Они повернули отъ городка вправо, и поскакали по дорожкѣ, проложенной въ дремучемъ лѣсу Хоревицкомъ. Солнце сѣло за лѣсъ и горы, когда всадники выѣхали на обширную поляну, окруженную вѣковыми дубами. Тутъ представился взорамъ ихъ охотничій таборъ Святослава. Еще издалека слышали они звуки трубъ и рожковъ, стократнымъ отголоскомъ повторявшіеся по лѣсу.

По срединѣ поляны зажженъ былъ огромный костеръ; дубы и вязы, цѣликомъ подъ корень подрубленные, съ ихъ обширными вѣтвями, какъ стояли въ лѣсу, такъ и брошены были въ огонь, и зарево отъ нихъ разливалось по окрестнымъ деревьямъ. Богатые Греческіе ковры, войлоки, шкуры звѣрей набросаны были по всей полянѣ; надъ нѣкоторыми, на воткнутыхъ въ землю копьяхъ, растянуты были легкія ткани, сшитыя въ видѣ полстей, и составляли навѣсы. Сосуды золотые, серебряные, глиняные, деревянные были разставлены повсюду безъ разбора; дорогая чаша Греческая стояла подлѣ деревяннаго жбана, и глиняный горшокъ Печенѣжскій подлѣ богатой, старинной вазы. Тутъ вокругъ огня, на коврахъ и постилкахъ въ безпорядкѣ, лежали и сидѣли собесѣдники — воины, бояре, отроки княжескіе, воеводы, князья, Ва-

ряги, пришельцы изъ Скандинавіи, вольные искатели странствованій и приключеній, Печенѣжскіе ханы и воины. Усталые, разсѣдланные кони были разставлены по краямъ поляны. Повара княжескіе готовили кушанье—жарили добычу, доставшуюся въ тотъ день; шумная попойка шла кругомъ; голоса разговаривавшихъ собесѣдниковъ сливались въ одномъ мѣстѣ съ пѣснями; въ другомъ раздавались восклицанія воиновъ, которые заняты были воинскими играми. Тамъ звучала труба; здѣсь били въ бубны. Число всѣхъ находившихся на полянѣ, участвовавшихъ въ бесѣдѣ и охотѣ княжеской, простиралось до трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ.

Среди шумной, многочисленной, разнообразной бесѣды находился самъ Святославъ. Онъ небрежно лежалъ на медвѣжьей полсти; бархатная подушка,

брошенная на дорогое сѣдло, поддерживала руку, на которую наклонена была голова его; противъ него, на длинномъ желѣзномъ вертелѣ, жарили знаменитую жертву охоты того дня—свирѣпаго кабана, незванаго гостя Хоревицкихъ лѣсовъ.

Михаилъ любопытно устремилъ взоры свои на *Свѳндослава*, о которомъ такъ много слыхалъ въ Царьградѣ и Херсонѣ. Святославъ казался человѣкомъ средняго роста, но жилистыя руки его, огромная голова, широкія плеча, показывали необычайную силу его. Лицо князя было смуглое, загорѣлое, суровое, и суровость умножали еще длинные, рыжіе усы, висѣвшіе съ верхней губы; голубые глаза его выражали задумчивость; улыбка, казалось, не была привычною гостьею на его устахъ, ограниченныхъ съ обѣихъ сто-

ронъ щекъ двумя глубокими морщинами; бархатная, вышитая жемчугомъ шапочка была надѣта на его бритую голову, и только клокъ рыжихъ волосовъ видѣнъ былъ изъ-подъ нея, закинутый за ухо. Въ одномъ ухѣ продѣта была у него огромная золотая серьга, съ дорогимъ краснымъ яхонтомъ и двумя жемчужинами. Одежда его состояла изъ простаго суконнаго полукафтанья; ни золота, ни серебра не было на его ременномъ поясѣ — только два кинжала были заткнуты за поясъ. Въ сторонѣ стояли три отрока княжескіе, и стерегли его шлемъ, его копье, мечъ, бурку, щитъ, сложенные въ видѣ сайдака, или трофея. Нѣсколько Печенѣговъ, Варяговъ, Русскихъ и Славянскихъ вождей сидѣли вокругъ Святослава, въ нѣкоторомъ отдаленіи, на богатыхъ коврахъ; передъ каждымъ изъ нихъ стояли сосуды съ виномъ и ме-

домъ; всѣ шумно говорили и спорили— Святославъ ничего не пилъ, ничего не говорилъ. Онъ глядѣлъ на вепря, жаримаго передъ нимъ. По обѣ стороны его сидѣли два юные княжича, сыновья его.

Никто не обратилъ вниманія на Калокира, Михаила и товарищей ихъ, когда они, оставя лошадей своихъ, приблизились къ Святославу, предшествуемые Свенельдомъ.

«Добро пожаловать, старый товарищъ и гость мой!» сказалъ Святославъ, протягивая руку Калокиру, но не трогаясь съ своего мѣста. «Ты простишь меня, что я не встаю и не привѣтствую тебя, какъ водится у васъ въ Греціи— усталъ, возившись вотъ съ этимъ проклятымъ зубаремъ (онъ указалъ на вепря), а притомъ теперь ты въ гостяхъ

не у Кіевскаго князя, но у добраго охотника. Обряду будетъ мѣсто послѣ. Садись и будь гость мой!

Бархатную подушку принесли Калокиру. Онъ сѣлъ подлѣ князя. Товарищи его стали въ отдаленіи.

«Свенельдъ! садись къ намъ и вели Вратиславу угощать товарищей моего друга Калокира. Онъ умѣетъ убаюкивать жажду и усталость гостей.

Михаила и другихъ Грековъ повели подъ одинъ изъ навѣсовъ, посадили на мягкія подушки и начали подчивать.

— Радуюсь, князь Святославъ, что вижу тебя здороваго, и желаю тебѣ всякаго блага въ здѣшней и будущей жизни.

«Благодарю, старый товарищъ. Здо-

роваго ты меня видишь, но только не столь веселаго, какъ тогда въ Переяславцѣ, на берегахъ Дуная.

— Я знаю, князь, что тебя удручаетъ скорбь тяжкая о кончинѣ твоей почтенной родительницы, Ольги, столь справедливо названной Премудрою.

«Да, мать моя скончалась» — угрюмо произнесъ Святославъ. Онъ помолчалъ нѣсколько мгновеній. «Смерть не бѣда — умереть всякому надобно, только бы умереть хорошо и не быть рабомъ въ вѣкѣ будущемъ. Старымъ людямъ надобно совѣсть знать и очищать мѣсто молодымъ. Въ свѣтѣ и безъ того такъ тѣсно, что потянуться негдѣ — право, тѣсно, добрый пріятель!» — Едва замѣтная улыбка мелькнула на устахъ Святослава. — «А душа проситъ воли и раздолья — растягивайся здѣсь на пустой

степи, да въ лѣсу—столкнешься съ Печенѣгомъ, шкура котораго не стоитъ труда, чтобы содрать ее... Охъ! берега Дуная и раздольный мой Переяславецъ Дунайскій!

Онъ опять замолчалъ и черезъ нѣсколько мгновеній спросилъ у Калокира: «Ну, скажи, гдѣ былъ ты послѣ того времени, когда мы разстались съ тобою?»

— Оставя тебя побѣдителемъ Булгарскаго царства, я отправился донести о подвигахъ твоихъ моему Императору Никифору, и былъ въ Царьградѣ.

«Что же? Благодарилъ ли меня Никифоръ за мои подвиги?»

— Я не имѣю права высказывать тебѣ, князь, тайнъ Императора моего. Буду говорить тебѣ, какъ Кіевскому кня-

зю, когда предстану предъ тебя, какъ посолъ императора Греческаго.

«Ты правъ, Калокиръ — я и забылъ, что людямъ надобно два языка. Я все еще не отвыкну отъ нашихъ обычаевъ говорить однимъ языкомъ. А Булгаріи пора бы выучить меня двоязычію!»

— Я слышалъ о славной побѣдѣ, какую одержалъ ты, князь, по возвращеніи своемъ въ Кіевъ надъ Печенѣжскими ордами.

«Да, они теперь стали друзьями моими—посмотри, какъ дружно пируютъ они съ нами, злые Печенѣжскіе хановья, когда я проучилъ ихъ порядкомъ! Клянусь Чернобогомъ и Бѣлобогомъ, что съ людьми не льзя прожить безъ дубины: иначе добра не добудешь ни себѣ, ни имъ; его надобно выколачивать дубиною! Подумай, что они, дикое стадо

волковъ, забыли о существованіи Святослава и хотѣли съѣсть моихъ цыплятъ, когда меня не было!—А, кстати, Калокиръ, ты еще не знаешь дѣтей моихъ. Они жили съ бабушкой, когда ты гостилъ у меня въ Кіевѣ. Ярополкъ и Олегъ! привѣтствуйте моего гостя.»

Двое молодыхъ юношей, сидѣвшихъ подлѣ Святослава, встали и протянули руки Калокиру.

— Ты видишь еще незакаленные мечи, Калокиръ, и — жаль, что я не зналъ, какъ вредна бываетъ бабья бесѣда молодымъ ребятамъ! Въ лѣта моего Ярополка я уже разсчитывался съ Вятичами и Радимичами. А гдѣ мой Владиміръ? Гей, Владиміръ!

Прекрасный юноша, съ мужествен-

нымъ, благороднымъ лицомъ, подошелъ къ Святославу.

— Вотъ память, что осталась мнѣ отъ моей красавицы Малуши — дитя, которое вспыхнуло, какъ ленъ на огнѣ, и похоже на огонь, горѣвшій въ очахъ его матери!

Калокиръ замѣтилъ завистливый взглядъ Ярополка и Олега, украдкою брошенный ими на Владиміра, и гордый взоръ, которымъ отвѣчалъ имъ Владиміръ.

Шумъ, усилившійся между собесѣдниками, привлекъ въ то время вниманіе Святослава и Калокира. Слышны были въ одно время Нордманскіе, Славянскіе и Печенѣжскіе голоса.

— Что у васъ тамъ сдѣлалось? —

угрюмо спросилъ Святославъ, поднимаясь немного и обращаясь къ шумѣвшимъ гостямъ.

Нѣсколько бояръ, воеводъ Святослава, Нордманскихъ воиновъ и Печенѣжскихъ хановъ вскочили и бросились къ Святославу.

— Разсуди насъ, князь — сказалъ одинъ изъ Нордманновъ. — Вотъ твой гость, ханъ Печенѣжскій, увѣряетъ, что всѣ наши силачи и твои Вараги не стоятъ его избранной дружины...

«Нѣтъ! я не то говорю, сѣверный человѣкъ» — возразилъ ханъ. «Есть молодцы изъ всѣхъ, изъ Славянъ и изъ Рускихъ, но если на выборъ пошло — нашъ братъ Печенѣгъ всегда утретъ носъ каждому изъ васъ. Противъ моей избранной дружины вамъ не стать. Вы-

бирайтесь ухо на ухо, сотня на сотню — разнычемъ мы васъ, какъ сухой ковыль по полю вѣютъ вѣтры осенніе!

—Ханъ дурень!—воскликнулъ одинъ изъ богатырей Святослава — тебѣ ли спорить? Видать твоимъ Печенѣгамъ не удавалось и во снѣ, что на яву мы видали! На легкой ладьѣ среди ледянаго моря плавалъ ли твой Печенѣгъ? Перетаскивалъ ли онъ ее на плечахъ по лѣсу, для того, чтобы спустить опять на воду, и плыть въ такую сторону, гдѣ желѣзнымъ копьемъ не разобьешь стѣны каменной, и гдѣ тысячи народа готовы встрѣтить одного Варяга, гдѣ на одно копье Варяжское приходится по дюжинѣ, на стрѣлу по сотнѣ? Не по степи рыскать, да какъ собака нюхать слѣдъ человѣческій, а идти въ царствѣ сильномъ и могучемъ изъ одного конца въ конецъ, подъ заревомъ по-

жаровъ, съ дюжиной мечей и копій — вотъ тебѣ подвигъ Нордманна, и станетъ ли на такой подвигъ твоего Печенѣга... Знаешь ли ты наше Нордманское присловье: одного не тронь, на двухъ нападай, противъ трехъ защищайся — четверымъ не уступай?

«Не знаю я вашихъ присловьевъ и подвиговъ, знаю дѣла свои, отцовскія и дѣдовскія, и знаю, что для Печенѣга всюду путь дорога и нѣтъ ему сопротивника! Рѣка широкая вплавь на конѣ переплывается; по степи ведетъ его звѣзда небесная, бесѣдуетъ съ нимъ пустынный вѣтеръ, говоритъ съ нимъ птица летучая и ему дорогу сказываетъ; какъ гнѣвъ Божій, изъ-за тысячи верстъ падаетъ онъ на голову вражескую, когда сонъ убаюкаетъ врага неосторожнаго...

— Будто разбойникъ, украдкой, какъ

лисица изъ-за куста, а не громомъ Божіимъ сражаетесь вы? Тѣмъ только вы и берете, конокрады!

«Спроси у Половцовъ, спроси Угра и Торка, полно такъ ли, сѣверный человѣкъ?

— А ты спроси у Грека и Булгара, пересчитай раны на собственной спинѣ своей, ханъ Печенѣжскій!»

«Ты обижаешь меня, сѣверный человѣкъ — пока не родился Святославъ, не боялись васъ ни Греки, ни Булгары, ни наша Печенѣжская сила, какъ муравейникъ безчисленная, въ чистомъ полѣ вольный народъ, подъ шатромъ некупленнымъ. А какъ подъ Царьградомъ встрѣчали васъ до сихъ поръ — если ты еще молодъ, не знаешь — такъ спроси у тѣхъ, кто тебя постарѣе...

«Ханъ Печенѣга вольнаго!» воскликнулъ Святославъ—«говори, да не заговаривайся! Люблю, когда хвастаютъ молодецкою удалью, но языкъ уязвляетъ хуже копья. Помѣнялись мы съ тобой оружіемъ—не вымѣнивай же опять вражды на свой мечъ!

— Что же, Святославъ? Правда, какъ солнце — ее рукой не заслонишь! Отважны были твои отцы и дѣды, но отъ Царьграда бѣгивали они до сихъ поръ, какъ отъ огня горячаго. И самъ ты не испыталъ еще силы Греческой.

«Я не боюсь силы Греческой!» воскликнулъ Святославъ — а Печенѣги и Хазары, Угры и Булгары знаютъ уже Святослава! Не скрытно, не на слабыхъ женъ, не ночью, не украдкою ходилъ я въ степи ваши, плавалъ подъ Тмутаракань и бился подъ Бѣлою Вѣжею: впе-

реди меня всегда ѣхалъ бирючъ мой и говорилъ врагамъ моимъ: *Берегитесь — Святославъ идетъ на васъ!*

— О тебѣ, Святославъ, у меня и рѣчи не было. Тебя знаютъ и въ Саркелѣ и въ Переяславцѣ; твоимъ именемъ стращаетъ у насъ мать дитя непослушное, когда оно по ночамъ спать не даетъ. А все еще отъ тебя, молодца, ждемъ мы настоящей удали — посмотримъ, какъ-то, да когда-то пойдешь ты подъ сильный Царьградъ Греческій...

«Пойду, какъ ходимъ въ твою ставку; разсчитаюсь и съ Грекомъ, какъ считался съ Хазаромъ!»

— О, Печенѣгъ отъ тебя не отстанетъ, Кіевскій князь! Говори скорѣе: когда идешь ты на Царьградъ? Успѣю ли съѣздить въ степь, проститься съ

молодою женою, или теперь, прямо съ пира, надобно садиться на борзаго коня, а дѣтямъ послать благословеніе заочное?

Святославъ усмѣхнулся. «Да, вѣдь не о томъ споръ зашелъ между тобой и моими удальцами, ханъ Печенѣжскій, а о томъ, кто изъ васъ могучѣе другаго? За чѣмъ же стало? Выбирай молодца, ставь на выставку — попробуйте! Игра воинская — честь молодецкая. Кто изъ моихъ разхвастался силою?»

— Сфендъ рыжій.

«Ты, Сфендъ, безголовая голова, рука желѣзная?»

— Я, князь, и пусть ханъ Печенѣжскій дастъ мнѣ любаго изъ дружины своей...

«Я послѣдній въ числѣ нашихъ удальцовъ Печенѣговъ — вскричалъ одинъ изъ Печенѣжскихъ гостей — но давай, посчитаемся, молодецъ рыжеволосый!— Онъ вышелъ впередъ другихъ, вытянулъ ноги и размахивалъ правою рукою, засучивъ рукавъ.

Святославъ затрепеталъ отъ нетерпѣнія видѣть битву, и вскочилъ съ своего мѣста; отвсюду сбѣжался народъ и окружилъ соперниковъ. Сфендъ и Печенѣгъ стали по срединѣ круга, который составился около нихъ.

— Держу за Сфенда! Держу за Печенѣга! раздавались голоса.

Между тѣмъ бойцы стояли съ минуту одинъ противъ другаго—сынъ Скандинавіи и дитя степей приволжскихъ; одинъ рыжій, голубоглазый, высокій,

плечистый; другой съ черными, какъ смоль волосами, невысокій, черноглазый, приземистый. Они отбросили отъ себя оружіе, натянули свои рукавицы. Едва глазомъ мигнули, какъ Печенѣгъ бросился къ своему сопернику и обвилъ его руками, будто змѣй, поперегъ тѣла. Но силенъ былъ Нордманнъ и ухватилъ Печенѣга черезъ руку. Глаза бойцовъ сверкали—неподвижно стояли они, обхвативъ другъ друга, но ихъ неподвижность была слѣдствіемъ ужаснаго усилія, и громко раздавались голоса: «Славно, молодцы, славно! Помогай, Боже, нашему—не выдавай, Боже нашего!»

Сильно рванулъ Печенѣгъ и перегнулъ Нордманна на лѣво; круто повернулъ его Нордманнъ на право; лицо Сфенда налилось кровью отъ тяжелаго усилія и Печенѣгъ кольцомъ перевернулся около него—думали, что онъ гря-

нетъ о землю. Но Печенѣгъ удержался на одной ногѣ, и не успѣли мигнуть зрители, какъ неожиданною хитростью онъ уперся головою въ животъ сопротивника, подхватилъ его подъ ноги руками, поднялъ — Нордманнъ потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ черезъ голову Печенѣга ногами вверхъ, растянулся на землѣ, и такъ сильно ударился спиною объ землю, что кровь хлынула у него изъ носа и изъ рота. Тяжела досталась побѣда и Печенѣгу: градомъ катился съ него потъ, и отъ сильнаго напряженія, онъ стоялъ, какъ одурѣлый, не слыша громкихъ восклицаній.

— Что, князь Кіевскій? горделиво спросилъ Печенѣжскій ханъ.

«Сфендъ похвасталъ и заплатилъ за свое хвастовство порядочнымъ толчкомъ — впередъ не станетъ. Борьба не наше

дѣло. Тутъ не сила—уловка, ханъ Печенѣжскій. Не хочешь ли помѣряться мечемъ или копьемъ.

— Уловка, не сила! Какая уловка поможетъ, если силы нѣтъ...

«У всякаго народа свой обычай сражаться. Грекъ беретъ хитростью, Печенѣгъ ловкостью, Славянинъ терпѣньемъ, а Варягъ силой.

— Полно, князь! Что ты дѣлишь уловку отъ силы—куда тебѣ безъ силы ловкость?

«Какъ же ты не понимаешь, ханъ? Вашъ Печенѣгъ десять разъ перевернется на конѣ, заскачетъ впередъ, выскочитъ назадъ, спрыгнетъ и вспрыгнетъ, а Руссъ, какъ сѣлъ, такъ и сидитъ на конѣ, будто прикованный гвоздемъ желѣзнымъ. За то попробуй-ка

выбить его изъ сѣдла!—Вотъ тебѣ, что значитъ сила—смотри!

Святославъ схватилъ два толстыя блюда серебряныя, и подавая одно изъ нихъ хану, вскричалъ: «На, сверни мнѣ его въ трубку!»

Ханъ взялъ блюдо, посмотрѣлъ, покачалъ головою, и поворачивая блюдо на рукѣ, промолвилъ: «Этого сдѣлать нельзя!

— У насъ не знаютъ слова: *не льзя*, а говорятъ — *сдѣлай!*

«Нельзя, князь!»

— Товарищи! въ самомъ ли дѣлѣ не льзя, аль можно? вскричалъ Святославъ, бросая блюдо на землю и обращаясь къ своимъ.

Шумною толпою окружили блюдо Варяги, Рускіе, Славяне.

— Разогнуть подкову берусь...

«Съ тремя Печенѣгами копьемъ потянуться—готовъ... но свернуть блюдо.»..

— Закладую мою воропую кобылу, вскричалъ ханъ—отдамъ ее тому, кто свернетъ это блюдо! Моя вороная кобыла на моихъ рукахъ родилась, со мной пила и ѣла, и вихорь не обгоняетъ ее, когда мчусь я на ней по степи...

«Ну, ханъ! промахнулся!» вскричалъ Святославъ, «а вы, товарищи, такая-то удаль ваша, что никто и приняться; и попытать не смѣетъ? Бабьи дѣти! Не на щитѣ повивали васъ, и не съ копья кормили, а видно что ложкой совали вамъ въ ротъ кашу!

Мгновенно засучилъ онъ рукава, схва-

тилъ блюдо, положилъ его на колѣно, ухватился обѣими руками за самый край его, и — будто оловяннымъ сдѣлалось толстое серебряное блюдо подъ его пальцами, будто превратилось въ листъ пергамента — въ трубку свилъ его Святославъ, перегнулъ еще трубку въ кольцо и подалъ хану.

«На, ханъ, береги на память. Вороной кобылы твоей мнѣ не надобно, а только помни, что если Святославову дружину побороть можно, такъ не родился еще тотъ человѣкъ на свѣтѣ, который услышалъ бы отъ Святослава: этого не льзя сдѣлать!

Радостный, громкій кликъ раздавался вокругъ Святослава. Выпучивъ глаза стоялъ ханъ Печенѣжскій и едва могъ выговорить: «Ай, да, князь Кіевскій! Вотъ чѣмъ берутъ они, Рускіе и Ва-

ряги — съ Олегомъ, съ Аскольдомъ и Диромъ, да съ Святославомъ, не диво добраться до Царяграда...

«Пойдемъ-те прежде, друзья, не къ Царьграду, а попробовать нашей удали надъ зубастымъ кабаномъ, котораго сегодня порѣшили мы, за то, что безъ нашего дозволенія вздумалось этому щетиннику разгуливать въ Хоревицкомъ лѣсу. Пойдемъ, старый пріятель, посолъ Греческій — пойдемъ, ханъ Печенѣжскій...

Длинный и широкій столъ сгороженъ былъ изъ досокъ и накрытъ дорогою скатертью; набросано было на ту скатерть листье дубовое, и огромный жареный кабанъ лежалъ цѣликомъ на столѣ. Нѣсколько почетныхъ гостей помѣстились на складныхъ стульяхъ; другіе сѣли къ столу на доскахъ, утвер-

жденныхъ на древесныхъ обрубкахъ; многіе стали у стола. Шумъ и говоръ смѣшивались со смѣхомъ, пока рубили на части кабана и подавали его гостямъ. Безъ тарелокъ, поддѣвая куски на ножи и кинжалы, ѣли и похваливали гости вкусное кабанье жаркое. Другія ѣствы пошли на столъ. Не жалѣли угощенія повара и крайчіе Святославовы. Святославъ сидѣлъ впереди. За нимъ стояли дѣти его, и странно было зрѣлище пира шумнаго, многолюднаго, ночью, въ лѣсу, при заревѣ костра, сборища вольнаго и разгульнаго. Пѣсни скоро раздались между гостями.

«Вѣетъ вѣтеръ съ восточной стороны — пѣлъ Печенѣгъ — «ѣдетъ рать Печенѣжская, ночью по звѣздамъ небеснымъ, днемъ по полету птичьему!

«Бѣлѣютъ вдалекѣ шатры вражескіе,

вѣжи Половецкія; играютъ стада ихъ, веселятся дѣвы, хвастаютъ юноши, красуются ханы и вожди Половецкіе. Не слышно слѣда Печенѣжскаго, не чуять ржанія коней ихъ по степи необозримой!

«Настала ночь, потухли огни, заснули вѣжи, стихъ вѣтеръ, не лаетъ песъ сторожевой, не колышется ковыль трава, мѣсяцъ тучей задвинулся.

«Эй! что вы храпите, враждебные Половцы, подымайтесь — принимайте незваныхъ гостей, выставляйте ѣствы и питья, давайте дѣвъ вашихъ, прощайтесь съ конями летучими!

«Не туманъ палъ на поле—пали трупомъ враждебные Половцы; не ковры на травѣ разостланы багряные – разлита по травѣ кровь богатырская. Удалые

Печенѣги дѣлятъ добычу, бросаютъ жеребьи, берутъ серебро и золото, дѣвъ и коней, рабовъ и товары Греческіе!

— Полно мурлыкать, Печенѣгъ, дай просторъ Славянской голосистой, раскатистой пѣснѣ!

«Не шуми, не волнуйся, Днѣпре словутичу, пробившій каменныя горы Кврпатскія, лѣлѣявшій ладіи Славянскія отъ синя моря до синя моря! Повѣй благодатью, Днѣпре Княжичу, рѣка Славянская, благословленая, умоленая, тучной жертвою угобзенная!

«Сидитъ дѣва Славянская на берегу Днѣпра широкаго. Не жемчугъ нижетъ — ронитъ слезы крупныя въ волны Днѣпровскія.

«Далеко уплылъ ея милый другъ, да-

леко въ Царьградъ съ товарами, съ данью княжескою, съ добычею Печенѣжскою.

«Проплыветъ онъ пороги Днѣпровскіе—разобьетъ его море Русское; проплыветъ онъ море Русское — нападутъ на него разбойники Сарацынскіе; не дастся онъ Сарацынскимъ разбойникамъ — обманетъ, проведетъ его хитрый Грекъ; не обманетъ, не проведетъ его хитрый Грекъ—обольститъ его Гречанка юная!

«Отобьетъ она сердце моего друга милаго, заплѣнитъ его волю молодецкую, ослѣпитъ его очи ясныя, забудетъ онъ на чужбинѣ свою родину, забудетъ мать родимую, забудетъ подругу милую! Не видать мнѣ молодца удалаго, гостя Славянина почетнаго, не красоваться въ жемчугѣ и золотѣ, не

сидѣть въ моемъ теремѣ, не ждать его до полуночи, до перваго ранняго куропѣнія...

— Охъ! мнѣ ваши Славянскія пѣсни! — воскликнулъ молодой Варягъ—пѣсни съ дѣвами, которыя безпрестанно хныкутъ по отъѣзжающимъ друзьямъ сердечнымъ, перекликаются съ Днѣпромъ и съ солнцемъ, съ вѣтромъ и съ моремъ, о которомъ знаютъ только по наслышкѣ... То ли дѣло наша пѣсня Варяжская!

«Грозно пѣнилось море сѣверное, взбиваемое веслами Нордманна; широко вздувался парусъ, раскинутый надъ волнами, какъ крыло птицы полуночной! Стоялъ Сигурдъ на кормѣ корабля своего, опираясь на копье булатное, и думы его неслись въ отдаленную землю Рослагенскую, къ дѣвѣ сердца его, пре-

красной, какъ битва, неумолимой, какъ мечъ, гордой, какъ корабль Сигурда на волнахъ!

— Не молодецъ ли, не удалый ли я, и какой берсеркеръ сравнится со мною, когда кипитъ битва, трещатъ мечи, ломаются копья, стучатъ щиты, и волкъ воетъ въ ближнемъ лѣсу, чуя трапезу богатую на полѣ битвы кровавой? А меня презираетъ гордая дѣва!

— Не ея ли имя повторялъ я, когда плылъ корабль мой черноребрый по волнамъ моря сѣвернаго, и у насъ не было запаса и на три дня, а три недѣли мы плавали, видѣли чудеса невиданныя, видѣли землю, гдѣ не заходитъ солнце, гдѣ море застыло на пространствѣ необозримомъ, гдѣ поднялись горы ледяныя, рыбы плаваютъ съ корабли величиною, и дна моря не

достанетъ въ безднахъ хвостъ коварнаго Лока? А меня презираетъ гордая дѣва!

— Не ея ли имя повторялъ я, когда мы бились подъ стѣнами Дронтгейма, и князь Норвежскій палъ предо мною бездыханный, палъ отъ моего неизбѣжнаго удара? Вышли трепещущіе жители Дронтгейма и предложили мнѣ власть и могущество, и руку прелестной княжны, и сто кораблей бѣлопарусныхъ, летающихъ по морю, какъ дума берсеркера—все отвергъ я и помнилъ только о дѣвѣ моей... А меня презираетъ гордая дѣва!

— Не ея ли имя повторялъ я, когда разбитый на поляхъ Ютландіи, бросился я въ ладью, и съ шестнадцатью товарищами уплылъ въ необозримое море? Разостлалось оно подъ нами безбрежною

долиною, и сводъ небесный, какъ чаша опрокинутая, закрылъ насъ со всѣхъ сторонъ. И заволновалось море, и срослись волны съ облаками, и тонула наша ладья, но мы черпали шлемами и выливали изъ лодки воду, и пѣли пѣсню смерти, и безстрашно влетѣли въ родную пристань Рослагенскую... А меня презираетъ гордая дѣва!

— Забуду тебя, дѣва неумолимая! Ты страшнѣе для меня моря зыбучаго, меча вражескаго, вепря свирѣпаго и Гелы неизбѣжной! Что мнѣ смерть, когда Валгалъ приметъ меня въ свои битвы безсмертныя, въ охоту за звѣремъ съ огненными крыльями, въ пиръ, гдѣ изъ черепа врага моего напоятъ меня виномъ, выжатымъ изъ лучей солнца, и потушатъ жаръ въ груди моей, воспаленный отъ того вина, поцѣлуемъ Вилкиріи... Но и тамъ буду я гру-

стить безъ тебя—не милъ мнѣ безъ тебя будетъ Валгалъ Одина... А ты презираешь меня, гордая дѣва!..

Будто тяжелыми цѣпями, заковала вниманіе Святослава пѣсня молодаго Варяга. Шумно пировали гости его и товарищи, ѣли, пили, прохлаждались, и вольно раздавались ихъ пѣсни и голоса, а Святославъ задумался, не пилъ, не ѣлъ, облокотился руками на столъ, повѣсилъ свою голову и молчалъ.

Когда кончилась пѣсня Варяга, онъ опомнился. «Гдѣ мой Велесъ?» — воскликнулъ онъ—«позовите ко мнѣ моего Велеса!»

Юноша, русый, голубоглазый, съ розовыми щеками, какъ кровь съ молокомъ, свѣжій и прекрасный, подошелъ къ князю. Въ бѣлой одеждѣ, съ гу-

слями въ рукахъ явился онъ, и за нимъ слѣдовали нѣсколько его товарищей; одинъ изъ нихъ былъ сѣдой старикъ съ длинною бородою.

— Любимецъ Перуна! спой мнѣ одну изъ тѣхъ пѣсенъ, которыми такъ часто веселилъ ты мое сердце!—сказалъ Святославъ юному пѣвцу — спой, соловей стараго времени! Я засыплю пѣсню твою золотомъ и серебромъ!

«Князь славный!» отвѣчалъ Велесъ, «не надобно мнѣ твоего золота и серебра. Подари меня твоимъ ласковымъ словомъ — не требуетъ пѣвецъ ничего отъ бога, кромѣ дара пѣсни, отъ князей и людей ничего, кромѣ чести, отъ дѣвъ красныхъ ничего, кромѣ любви. Что велишь ты спѣть мнѣ?

— Могу ли указывать, что спѣть те-

бѣ, мой соловей? Сядь, перебери твои золотыя струны, и пой, что внушатъ онѣ тебѣ—только не пѣсню любовную — она годится для бабъ. Ты знаешь, какія пѣсни люблю я!

«Знаю, что любитъ князь мой. Угодно ли ему пѣніе объ Угорскомъ переходѣ черезъ Кіевскія горы, или о войнѣ Русской на берегахъ Хвалынскаго моря — или онъ позволитъ мнѣ спѣть новую пѣсню, которую вчера сложилъ я и выучилъ съ моими товарищами — пѣсню объ Олегѣ Вѣщемъ?

— Новую пѣсню объ Олегѣ Вѣщемъ? Пой, Велесъ, пой твою новую пѣсню!

Пѣвецъ сѣлъ, склонилъ свою голову, поднялъ ее; глаза его оживились; онъ далъ знакъ рукою своимъ товарищамъ, положилъ гусли свои на колѣни; ста-

рикъ сѣдобородый сталъ противъ него, и махая рукою, давалъ мѣру пѣнію. Пальцы Велеса пролетѣли по струнамъ, и струны гуслей загорѣлись въ согласныхъ звукахъ. Речитативомъ, иногда переходившимъ въ томное, иногда въ шумное, быстрое, живое пѣніе, началъ Велесъ. Товарищи его составляли хоръ, вторившій ему, и когда онъ самъ переставалъ, голоса ихъ сливались въ повтореніи послѣднихъ словъ пѣсни. — Святославъ сидѣлъ, облокотясь на столъ, неподвижно и безмолвно.

«Не гроза ли могучая завываетъ, не волна ли пошла по широкому Днѣпру? Нѣтъ! то не волна мутитъ песокъ со дна рѣчнаго и пугаетъ Русалку золотоволосую, не буря ломитъ лѣсъ дремучій и заставляетъ Лѣшаго прятаться въ трущобу — то идетъ волной, крутитъ бурею дума *Вѣщаго Олега!*

«Стоитъ сумраченъ Вѣщій, облокотясь на копье булатное; вѣтеръ вѣетъ его серебряные волосы; глаголютъ стязи его; стонетъ Днѣпръ словутный, нося на хребтѣ своемъ ладіи Вѣщаго. Безчисленно его воинство — Варяги и Словене, Чудь и Кривичи, Меря, Древляне и Радимичи, Поляне, Сѣверяне и Вятичи, Хорваты, Дулебы и Тиверцы, всѣ народы, иже наричутся отъ Грековъ народы Скиѳскіе.

«Обозрѣваетъ могущее воинство свое Вѣщій, обозрѣваетъ и думу думаетъ: не безсмертны есмы смертны, но кто былъ славенъ въ Русской землѣ, какъ славенъ я? Меня трепещутъ горы Карпатійскія, меня боятся волны Эвксинскія, меня слушаетъ неукротимый Днѣпръ, повинны мнѣ народы Славянскіе, устрашается меня земля Хазарская, робѣетъ меня орда Печенѣжская!

Пойду на славный Царьградъ Греческій, добуду славы, или голову положу подъ стѣнами Царяградскими и безсмертенъ буду въ памяти!

«И подводятъ Олегу его коня любимаго; поглаживаетъ коня рукою, поправляетъ на немъ Вѣщій попону золотоцвѣтную; ржетъ и радуется его удалый конь; ставитъ Олегъ ногу въ стремя серебряное, поправляетъ уздечку среброкованную, выправляетъ плетку шелковую.

«Стоитъ противъ Вѣщаго Перуновъ жрецъ, стоитъ осклабляется, усмѣхается, глядя на Вѣщаго. Смутился духомъ Вѣщій, вопрошаетъ жреца прозорливаго, дальновиднаго:

«Охъ, ты, гой еси, жрецъ Перуновъ, дальновидный, прозорливый, кол-

дунъ не болтунъ велерѣчивый! скажи: чему ты усмѣхаешься, осклабляешься, на коня моего озираешься?

«Отвѣтъ держитъ Перуновъ жрецъ, говоритъ Вѣщему рѣчь мудрую: «Вѣщій Олегъ, князь Кіевскій! вѣдаешь ли, что ни хитру, ни горазду, ни птицей летающу, ни волкомъ рыскающу, ни мудрому, ни разумному своего жребія миновать не приходится?»

«Скажи мнѣ, Перуновъ жрецъ, на чемъ же совершиться моему жребію?— Аль меня поглотитъ море Эвксинское, аль меня захлеснутъ волны Днѣпровскія, аль меня подстережетъ стрѣла неминучая, аль кости мои въ чистомъ полѣ размычутъ звѣри хищные?»

«Не стрѣла губитъ, а палка, не море, не рѣка топитъ, а лужа, не звѣрь

страшенъ, а муравейко ядовитый. А тебѣ, Олегъ, отъ коня твоего любимаго смерть приключится!

«Задумался Вѣщій. Говоритъ своимъ отрокамъ: возмите коня моего любимаго, уведите въ луга заповѣдные, пойте сытой медвяной, кормите пшеницей сѣяной, хольте, лѣлѣйте, на глаза мои не водите!

«Но ни хитру, ни горазду, ни птицей летающу, ни волкомъ рыскающу, ни мудрому, ни разумному, своего жребія миновать не приходится!

«Говорило море Эвксинское, Эвксинъ Окіяновичъ, спрашивало у Днѣпра тиховѣйнаго: «Скажи мнѣ сущую правду, Днѣпръ Волковичъ, правду ли пересказывалъ мнѣ Дунай Карпатовичъ, а слышалъ онъ отъ братьевъ, Днѣстра

каменистаго, да отъ Буга Ингуловича, правда ли, что плывутъ къ Царьграду ладьи Олега Вѣщаго, взять, полонить, порушить стѣны Царяградскія?»

— Плывутъ таки, плывутъ ладьи Вѣщаго, Эвксинъ Окіяновичъ, не солгалъ тебѣ Дунай Карпатовичъ, и правдивую вѣсть слышалъ онъ отъ братьевъ одноводныхъ, Буга Ингуловича, Днѣстра каменистаго!

«Не пущу я ладей Вѣщаго надо мной, синимъ моремъ, насмѣхаться, къ Царюграду прогуляться! Подыму я бурю великую, разобью я ладьи Вѣщаго, пошлю дѣтей Стрибога, и развѣютъ они ладьи Русскія, разнесутъ ихъ, куда и птица костей Русскихъ не занашивала!

— Напрасно подымешь ты бурю, Хитеръ, уменъ Вѣщій — обернетъ свои

ладьи цаплями долгоносыми, оборотитъ своихъ воиновъ чайками бѣлокрылыми, перелетитъ къ Царьграду по поднебесью!

«Не пущу я ладей Вѣщаго надо мной, синимъ моремъ, насмѣхаться, къ Царюграду прогуляться! Взволную я мою чешуйчатую кожу, вспрыгну волнами до неба, ударю ладьи въ берегъ каменистый, накличу на трупы хищныхъ враповъ!

— Напрасно ты взволнуешься сердитыми валами, не перехитрить тебѣ Вѣщаго Олега—заговоритъ, заклянетъ тебя Олегъ Вѣщій, запретъ тебя въ заклепы подводные, въ пещеры мрачныя, на триста лѣтъ съ единымъ годомъ, лишитъ тебя воли молодецкой! И безъ того твоя старая удаль пропала, устарѣлъ ты, Эвксинъ Окіяновичъ, не гуляешь

черезъ Кавказскія горы, не бродишь ты по степямъ Половецкимъ...

«Что зашумѣло, зазвенѣло въ Царѣградѣ? Что засвѣтилось, засвѣтлѣло на Золотомъ Рогѣ? Что загудѣло, затрещало на Бѣломъ морѣ? Аль Царь-городъ бури испугался? аль пришла къ нему несмѣтная Сарацынская сила? аль его съ суши сдвигаютъ буйные вѣтры, а съ синя моря на сушу выдвигаютъ валы сѣдые?

«Нѣтъ! то шумитъ, вопитъ народъ Царяградскій, то звенитъ колоколъ набатный, то засвѣтились въ Царѣградѣ пожары, то гудитъ буйный вихорь, развѣвая дымъ и пламя, то трещитъ берегъ подъ ладьями Вѣщаго Олега!

«Испугался Царь Греческій, ужаснулся; зловѣщій сонъ ему приснился, буд-

то съ вечера одръ ему на голыхъ доскахъ стлали, бѣлымъ саваномъ его накрывали, краснымъ виномъ его поили, въ изголовье ему гробовой камень положили.

«Вѣетъ вѣтеръ, тихо море, свѣтитъ солнце, серебрится валъ прибрежный! Забѣлѣли, зачернѣли, чайкой птицей полетѣли ладьи Вѣщаго Олега!

«Не стадо бѣлыхъ лебедей, не вереница гусей сѣрокрылыхъ, плывутъ къ Царюграду ладьи Вѣщаго Олега, плывутъ къ Царюграду ладьи Вѣщаго Олега, плывутъ, приплываютъ!

«Охъ, вы, гой еси, мои воеводы и бояре! Протяните по морю желѣзныя цѣпи, загородите цѣпями море, не проплыть бы, не проѣхать Вѣщему Олегу!

«Усмѣхнулся Вѣщій Грецкому мудрованью, говоритъ своимъ ладьямъ послушнымъ: «Выплывайте, ладьи мои, на берегъ, катитесь по землѣ, будто по синему морю!» Откуда колеса взялися, и по сушѣ ладьи Вѣщаго понеслися!

— Охъ, вы, гой еси, мои воеводы и бояре! готовьте огонь неугасимый, жгите, палите Вѣщаго Олега!

«Усмѣхнулся Вѣщій Грецкому мудрованью, говоритъ облакамъ поднебеснымъ: «Полно вамъ, облака, гулять по пустому, полно вамъ глотать росу небесную даромъ! Соберите воду дождевую, прысните на Грековъ, утушите ихъ огонь неугасимый!

«Испугался, ужаснулся Царь-городъ, смутился, вздурился Царь Царяградскій. «Охъ, вы, гой еси, мои бояре, воеводы,

мудрецы мои сѣдобороды! отпирайте мои кладовыя, берите серебра, золота сколько хотите, несите къ Вѣщему Олегу, платите ему дань валовую, да другую дань круговую, а третью не дань, а подданокъ, а четвертую на каждый Русскій городъ, а пятую Игорю княжичу съ Ольгой княгиней, а шестую всѣмъ свѣтлымъ князьямъ Русскимъ, а седьмую платите Перуну на свѣчьку!

«Стучитъ молотъ тяжелый, стонетъ земля, охаетъ Царь-городъ: прибиваетъ Олегъ щитъ свой къ воротамъ Царяградскимъ, вѣщуетъ, волхвуетъ, заклинаетъ: «Отъ сего дня Грекамъ отъ Руси не ущититься. Старъ я становлюсь, и сюда не приду вдругорядь—придетъ сюда молодецъ меня удалѣе, возметъ, полонитъ онъ Царь-городъ, а имя тому молодцу, князю удалому...

Не слыхали, кого назвалъ Олегъ Вѣщій... Но, знаютъ то имя колдуны, вѣщуны Кіева и Царяграда, вѣщаютъ, шепчутъ его валы Эвксина, вѣдаютъ его волны Дуная!»

Неподвиженъ и безмолвенъ сидѣлъ Святославъ, когда Велесъ началъ пѣснь свою, но, будто масло на огнѣ, загорѣлось его княжеское сердце отъ словъ Велеса. То глядѣлъ онъ на пѣвца, и казалось, пожиралъ глазами его сладкоголосыя струны, то опять погружался въ задумчивость, и медленно дышалъ, будто боясь упустить какое нибудь слово Велесово. Огонь горѣлъ въ глазахъ юнаго гусляра и переливался въ душу князя. И когда Велесъ пѣлъ о щитѣ Олеговомъ, говорилъ о томъ, *кто* пойдетъ по слѣдамъ Олега, умалчивалъ имя, но сказывалъ, что знаютъ то имя колдуны, вѣщуны Кіевскіе и Ца-

ряградскіе, вѣщаютъ, шепчутъ валы Эвксинскіе, вѣдаютъ волны Дунайскія... тяжко, высоко подымалась грудь Святослава — какъ будто далекая буря дмитъ и буровитъ море Эвксинское, еще не вздымая, не кипятя валовъ его, дума скрытная дмила и буровила душу Святослава...

Громче и громче раздавались пѣсни Велеса, чѣмъ далѣе распѣвался онъ, соловей Кіевскій, звѣзда Русскихъ баяновъ. Смолкли, стихли всѣ собесѣдники княжескіе, умолкли смѣхъ и шумная бесѣда всѣхъ гостей, не колыхался листокъ на деревѣ, и только голосъ Велеса и хоръ его согуслярниковъ катились волнами перекатными по сердцамъ и душамъ слушателей. Внимательно слушали и Варягъ и Печенѣгъ. Калокиръ и его товарищи сидѣли без-

молвно при пѣснѣ Славянскаго соловья, уныло повѣсивъ свои головы.

Когда Велесъ готовъ былъ выговорить имя преемника Олегова, Святославъ дышалъ прерывисто и тяжко, наклонилъ голову на свои руки. Задумчивый, толкнулъ онъ чару съ виномъ, стоявшую передъ нимъ, не замѣтилъ, какъ она упала, какъ потекло изъ нея вино, лилось черезъ край стола, и вѣрные псы его лизали драгоцѣнный сокъ Хіосскаго винограда...

Но Велесъ умолкъ, перекатился снова перстами по гуслямъ, и съ хоромъ запѣлъ величанье Вѣщему Олегу.

«Великъ, мудръ, могущъ и славенъ Олегъ Вѣщій—слава ему! Пируетъ онъ побѣду свою въ княжескомъ теремѣ — слава ему! Опирается онъ на булатный

мечъ, подпирается на копье двадцати локтей, пьетъ вино Царяградское, шьетъ на ладьи свои парусы паволочитые, дѣлитъ добычу богатую, серебро, золото, ткани многоцвѣтныя, камни самоцвѣтные, ковры Вавилонскіе—слава ему! Веселится его дружина вѣрная, веселятся его князья свѣтлые — слава ему! Его вѣрные слуги не старѣются, его добрые кони не ѣздятся, его цвѣтное платье не носится — слава Олегу Вѣщему!»

Струны Велесовы задрожали, затрепетали. Глухо перекатились отголоски ихъ — тихо запѣлъ пѣвецъ:

«Но ни хитру, ни горазду, ни птицей летающу, ни волкомъ рыскающу, ни мудрому, ни разумному своего жребія миновать не приходится!

— Гдѣ мой конь любимый? — вопро-

шаетъ Вѣщій Олегъ. — Конь твой издохъ, и кости его благородныя кинуты на чистое поле, обмываетъ ихъ струя дождевая, осушаетъ ихъ солнце палящее, закрываютъ ихъ снѣга бѣлые, обвиваетъ ихъ травка шелковая, обвѣваютъ ихъ вѣтры буйные! — Сѣдлайте мнѣ моего коня добраго, зовите ко мнѣ кудесника, жреца Перунова, укорю я его бороду старую, насмѣюсь надъ его ложнымъ прорицаніемъ!

«Стоитъ сумраченъ Вѣщій Олегъ, сложивъ руки на груди богатырской. Сильно бьется сердце его ретивое; вѣютъ его серебряные волосы; вокругъ него дружина вѣрная; передъ нимъ стоитъ жрецъ Перуновъ, усмѣхается, осклабляется — передъ нимъ лежитъ черепъ коня добраго и бѣлѣютъ его кости благородныя.

«Охъ, ты, гой еси, кудесникъ, жрецъ

Перуновъ! Отъ сего ли голаго лба мнѣ смерть приключится?

«И шевелитъ Вѣщій ногою черепъ лошадиный шипитъ змѣя черная, зелье ядовитое готовитъ князю, вынырнула, обвилась вокругъ ноги черной лентой, уязвила Вѣщаго Олега, чуетъ смерть Вѣщій — затуманились его ясныя очи, подогнулись его крѣпкія ноги, опустились его могучія руки...

«Празднуютъ тризну на горѣ Хоревицкой; пьютъ крѣпкіе меда, стучатъ въ мѣдные щиты, поминаютъ покойника добрымъ словомъ. Кого поминаютъ на горѣ Хоревицкой? Поминаютъ Вѣщаго Олега!»..

«И сбылось присловье премудрыхъ: ни хитру, ни горазду, ни птицей летающу, ни волкомъ рыскающу, ни му-

дрому, ни разумному, своего жребія миновать не приходится! Будь великъ и могучъ — равно прорастетъ крапива на могильномъ холмѣ твоемъ, и когда хищные звѣри разроютъ могилу твою, не узнать по твоему ветхому черепу — былъ ли ты силенъ, богатъ и славенъ, былъ ли ты щедушенъ, убогъ и безвѣстенъ!

— Такъ что же, мой сладкогласный соловей, такъ, что же, мой баянъ вѣщій, что въ томъ, если люди задумаются надъ моимъ черепомъ — воскликнулъ Святославъ, крѣпко ударивъ кулакомъ своимъ по столу — что въ томъ, если при жизни моей душа моя сыта была весельемъ, земля наполнялась говоромъ моего имени, катался я, какъ сыръ въ маслѣ, въ славѣ, богатствѣ и почести? — Пусть только имя мое прокатится, будто громъ черезъ вѣка гря-

дущіе, пусть отзовется оно въ пѣсняхъ баяновъ, пусть летаетъ потомъ передъ моимъ потомкомъ, какъ громъ перекатный по тучѣ, зловѣщею бѣдою грозя сильному врагу... О! годъ жизни, годъ славы Олега Вѣщаго, и — пусть товарищи моихъ подвиговъ пируютъ тризну на моемъ надгробномъ холмѣ — пусть птицы хищныя дерутся за трупъ мой, тлѣющій въ пустынѣ безвѣстной!

Слезы брызнули изъ глазъ Святослава. Онъ закрылъ глаза рукою. Безмолвно сидѣли его дружина, Варяги, Нордманны, Славянскіе удальцы. Чаши стояли передъ ними налитыя и полныя, но не початыя.

— Нѣтъ! — воскликнулъ Святославъ — нѣтъ! не любо мнѣ въ Кіевѣ жити — хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ! Тамъ будетъ среда земли моей, тамъ вся благая сходятся — отъ Грековъ паволо-

ки и злато, и вина и овощи различные, изъ Чеховъ и изъ Угровъ серебро и кони, изъ Руси скора, воскъ, медъ и челядь! Прочь, пиры разгульные, прочь, дѣвы красныя, одры пуховые! Друзья! не починуть, не отдохнуть, не пить вина, не ласкать дѣвъ, пока не зачерпнемъ шеломами воды Дуная широкаго!

—Прочь, пиры, веселья, дѣвы! — загремѣли голоса. Къ мечу, къ щиту, къ копью, къ шелому! — Въ безпорядкѣ бросились всѣ изъ-за стола и шумно окружили Святослава.

Ухвативъ руками руку Свенельда и руку другаго вождя своего — «Друзья, товарищи, ратники, вожди мои неукротимые!» — воскликнулъ Святославъ. — Души ваши въ буести закалены, на кровавыхъ пирахъ съ смертью обру-

чилися! Ужь ли оставаться въ Кіевѣ? Изъ болотъ Новогородскихъ перешелъ на берегъ Днѣпра Олегъ Вѣщій, съ береговъ Днѣпра перейдетъ Святославъ на злачный берегъ Дунайскій—а тамъ... Пусть толкуютъ вѣщуны, куда еще перейдетъ Русскій князь!

«Туда, гдѣ уже нѣтъ дороги ни конному, ни пѣшему!» закричалъ Свенельдъ.

— А ладья на что? И не наши ли братья Варяги облетали на ладьяхъ изъ Варяжскаго моря до моря Эвксинскаго? Не они ли достигали по безвѣстнымъ морямъ Гринланда и Аттурвейза, Біарміи и Перміи, туда, гдѣ солнце только умывается въ морѣ, а въ хлябь его не садится?

«И попустимъ ли мы щедушному

Булгару наругаться надъ нашею честью?» восклицалъ Святославъ. — «Три дня вы видите меня печальнаго и мрачнаго—не о матери я горюю, но о той вѣсти, какую получилъ изъ Переяславца. Знаешь ли, что храбрые наши товарищи, оставшіеся на Дунаѣ, одолѣны, побиты Булгарами; что царь Булгарскій ищетъ союза съ Уграми и съ Греками, и не боится уже насъ, думаетъ, что навсегда унесли насъ въ лѣса наши и пустыни волны Эвксинскія? За товарищей ли не отмстимъ? За дядьку ли моего, мудраго, сѣдовласаго Асмунда, который остался стеречь наши Дунайскія волости — онъ убитъ, онъ не дался живой — счастливый старецъ! Но—кровь за кровь по Русскому обычаю!

— Къ копью! Къ мечу! Мщеніе Булгару! Веди насъ, Святославъ! Камо ты пойдеши, тамо и мы пойдемъ!

«Подайте мое копье!» — Копье было подано. Держа его за конецъ древка, обратилъ дротикъ его къ своимъ собесѣдникамъ Святославъ. «Берись за копье мое, кто хочетъ идти со мною—не берись, оставайся дома, кто труситъ и робѣетъ!» Сотни рукъ протянулись къ копью. «Мы всѣ идемъ! Мы всѣ съ тобою!» шумѣли радостные голоса.

Святославъ схватилъ сѣкиру, перерубилъ древко копья, и подъемля сѣкиру надъ головою, воскликнулъ: «Пусть скорѣе прорастетъ это сухое ратовище зелеными листьями, пусть срастется оно снова, пусть посѣчены мы будемъ мечами своими, и будемъ рабами въ сей вѣкъ и въ будущій, если отступимъ отъ своей клятвы—клянемся Перуномъ и Волосомъ, и богами Греческими и богами Варяжскими!

— Клянемся! — раздавалось окрестъ Святослава. Онъ казался грознымъ бо-

гомъ брани. Онъ былъ исполинъ, непобѣдимый при той силѣ, какую слова его возбуждали въ сердцахъ его дружины и вождей. «И мы съ тобою!» кричали Печенѣги. «Вина, вина! — Пьемъ за нашу клятву!» Среди сихъ кликовъ военною пѣснью громко загремѣли струны Велеса. Святославъ и его товарищи чокались чаша съ чашею, и князь потрясалъ руки товарищей своею мощною десницею, въ залогъ вѣрнаго слова — жить и умереть вмѣстѣ!

1835 г.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стр.

Повѣсть о Симеонѣ, Суздальскомъ князѣ... 1

Повѣсть о Буслаѣ Новогородцѣ.....196

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Старинная сказка о судьѣ Шемякѣ, съ новыми присказками..... 5

Пиръ Святослава Игоревича, князя Кіевскаго (Византійская легенда).....113

H154 74

Deacidified using the Bookkeeper
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE BECKMAN BINDERY INC.
BOUND TO PLEASE

APR 74

N. MANCHESTER,
INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS
00025258952